

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

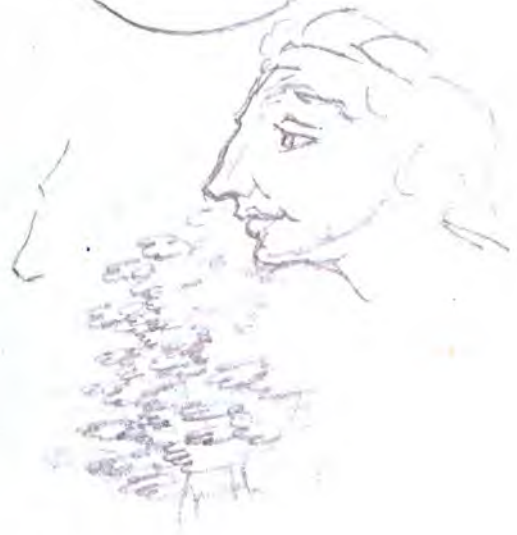
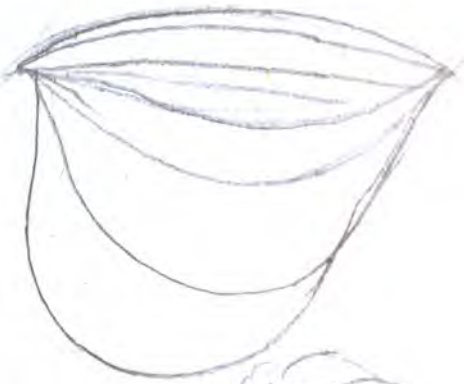
~~UNS. 168 a. 6~~

~~Vet. Slav. II B. 4~~

Vet. PN1047. R6

Dele

НАУКА
СТИХОТВОРСТВА,

№ 4.

СОЧИНЕННАЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМІИ ЧЛЕНОМЪ,
КОЛЛЕЖСКИМЪ СОВѢЩНИКОМЪ И КАВАЛЕРОМЪ

Иваномъ Рижскимъ,

и оною Академіею изданная.

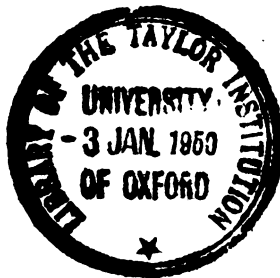
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ВЪ Типографіи В. Плавильщикова.

1811 года.

Златая лира, даръ богатый Аполлона
И темновласыхъ Музъ! ошъ сндрости швоей,
Ошъ силы швоего плбняющаго шона
Трепещущъ радосшно сердца у всбхъ людей.
Твой слыша гласъ Зевесъ со громомъ, всемогущимъ
Огнь вбчный гасишъ грозныхъ спрблб.
И звуками швоими восхищенный
Кидаешъ пылкй Марсб ужасное копье,

Пиндарб.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	страни.
ВСТУПЛЕНИЕ. - - -	1.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,	
содержащая общія о стихотворствѣ понятія. - -	5.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ I.</i> О существенныхъ и отличительныхъ качествахъ стихотворства. - - -	6.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ II.</i> О средствахъ къ успѣху въ стихотворствѣ. - -	36.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ III.</i> О цѣли и происхожденіи стихотворства. - -	49.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
О разныхъ родахъ стихотвореній.	65.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ I.</i> О стихотвореніяхъ эпическихъ. - - -	70.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ II.</i> О поэмѣ эпической. - -	148.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ III.</i> О стихотвореніяхъ лирическихъ. - - -	217.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ IV.</i> О стихотвореніяхъ поучительныхъ. - - -	269.
<i>ОТДѢЛЕНІЕ V.</i> О драматическихъ стихотвореніяхъ. - - -	295.

О П Е Ч А Т К И.

страницы.	напечатано:	гитай:
28	13. тогдажніе	тогдашніе
36	25. стихѡшвора	стихотворца
44	22. принадлежитѣ	принадлежатѣ
50	15. предрїятїи	предпрїятїи
70	18. слулилось	случилось
73	25. въ бездну	въ бездну
84	24. на быстринусь бѣжала	на быстрину сбѣжала
92	17. непринужденность	непринужденность
109	14. рззинулъ	разинулъ
113	11. замѣчанїя	замѣчанїя
142	28. извѣстныхъ	известныхъ
170	25. увичтожишь	уничтожишь
198	11. за ниим	за ними
209	8. во сѣхъ	во всѣхъ
212	15. бываетѣ	бываютѣ
230	23. сочиневїй.	сочиненїй.
—	— имѣ	ихъ
243	28. принадлежатѣ	принадлежатѣ
254	27. капшата	каншата
269	26. раличїе	различїе
291	21. прївила	правила
304	2. новѣйшихъ	новѣйшихъ
347	1. возбуждали	возбуждали
350	16. изоражатѣ	изображатѣ.

НАУКА СТИХОТВОРСТВА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

§. I.

Россіяне съ самыхъ древнихъ временъ ^О упраж-
ошники до стихотворства. Извѣстная ^{жненіи} Россіянъ
всѣмъ пѣснь о походѣ Игоря (поэма) до- ^{въ} стихо-
казываетъ, что оно процвѣтало у насъ ^{творствѣ.}
еще до порабоженія нашего опечества Та-
шарами; а различнаго рода стихотворенія,
вышедшія по освобожденіи Россіи во время
возраждающагося въ ней просвѣщенія, осо-
бливо при Царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ,
показываютъ, что наши соотечественни-
ки упражнялися въ немъ и въ сіи времена.
Но никогда не было у насъ столько стихо-
творцевъ, особливо занимавшихся мѣлоч-
ными сочиненіями (*des poésies fugitives*),
какъ въ минувшемъ столѣтіи.

Однако не можно сказать, чтобы изъ ^{Не всѣ въ}
сего многочисленнаго ихъ сонма много бы- ^{ономъ}
ло (что и вездѣ бываетъ) такихъ Лири- ^{и мѣлошъ}
ковъ, какъ Ломоносовъ, такихъ праги-
ковъ, какъ Сумароковъ, такихъ комиковъ,
какъ Визинъ, такихъ баснословцевъ (*fa-*
bulistes), какъ Дмишрѣевъ и проч. Однимъ

И о ш ъ
чего ?

словомъ такихъ , которые заслужили всеобщее одобрение. *) Иные изъ нихъ осуждены на вѣчное забвеніе, или служатъ образцами неудачнаго стихотворенія отъ того, что принялись за сіе дѣло, не имѣя нужныхъ стихотворцу дарованій; иные же хотя и получили отъ природы нѣкоторыя къ сему способности, которыя блистають но мѣстамъ въ ихъ произведеніяхъ, при всемъ томъ малое обращаютъ на себя вниманіе отъ того, что не имѣя истиннаго понятія о Стихотворствѣ, почитаютъ оное дѣломъ весьма обыкновеннымъ, и потому для всякаго, по ихъ мнѣнію, удобнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ полагають, что довольно для сего сильно воображать, чувствовать, и слѣдовать полету находящейся въ такомъ состояніи души; а другіе еще меншимъ ограничиваютъ оное, то есть однимъ искусствомъ стихосложенія. Отъ сего происходитъ, что первые, предаваясь порывамъ своего возхищенія, и ничѣмъ другимъ не руководствуясь, часто выходятъ за предѣлы здраваго смысла и вкуса; другіе же, заботясь единственно о наблюденіи размѣра слова, нерѣдко пишутъ такъ, что ихъ мѣрно падающая и звучащая римами

*) Сммотри стихотвореніе И. И. Давыдова подъ названіемъ: *Чужой толкъ*.

рѣчь не содержитъ въ себѣ ничего существенно стихотворческаго.

§. 2.

Сии обоего рода недостатки нашихъ ^{Нѣтъ у насъ хорошей Пѣшники.} стихотворцевъ весьма много, по моему мнѣнію, зависящъ отъ недостатка на нашемъ языкѣ шакой науки стихотворства (Пѣшника), которая бы дала полное и основательное понятіе о сущности стихотворства. Всѣ, какія мы имѣемъ на Россійскомъ языкѣ, правила сего искусства или занимающа изтолкованіемъ спосложенія, или весьма кратко и недостаточно предлагающъ о разныхъ родахъ стихотвореній, или содержатъ нѣсколько общихъ о стихотворствѣ понятій, сообщаящъ ихъ не въ связномъ порядкѣ, но случайно и разбросанно.

§. 3.

Сіе убѣждаетъ меня прежде, нежели Наука ^{Стихотворстварѣзбляется на двѣ части.} покажу разные роды стихотвореній, предложивъ нѣкоторыя общія понятія о семъ искусствѣ; и на семъ основаніи науку стихотворства раздѣлю на двѣ части, изъ коихъ первая будетъ содержать общія о немъ разсужденія, а другая частныя правила разныхъ родовъ стихотвореній. Для тѣхъ, которымъ природа отказала въ стихотворческихъ дарованіяхъ, довольно бу-

*

дешъ пройши первую часть, чтобъ увѣ-
ряться, что весь трудъ ихъ въ семъ дѣлѣ
будешъ напрасенъ; а тѣ, которые родили-
ся для стихотворенія, можетъ быть най-
душъ въ сей наукѣ нѣкоторое руководство.

§. 4.

Откуда по-
черпнута
предлагае-
мая прави-
ла?

При семъ за нужное почишаю изъяс-
нить, что я предприемаю сіе опинюдь не
съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать себя
знающимъ то, что другимъ неизвѣстно.
Лучшіе наши стихотворцы хотя не писали
о семъ, но своими произведеніями доказы-
ваютъ, что всѣ сіи замѣчанія, которыя
намѣренъ я предложить, имъ весьма извѣ-
стны изъ иностранныхъ о семъ предметѣ
писателей. Изъ сихъ такъ же и я почер-
палъ свои замѣчанія, присовокупляя къ
нимъ нѣсколько собственныхъ моихъ со-
ображеній, къ коимъ служили мнѣ пово-
домъ тѣже иностранныя о стихотвор-
ствѣ сочиненія и чтеніе лучшихъ какъ
природныхъ, такъ и чужезычныхъ сти-
хотворцевъ.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я,

С О Д Е Р Ж А Щ А Я

ОБЩІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ ПОНЯТІЯ.

§. 5.

Три отдѣленія составляютъ сію часть. Раздѣленіе
 Въ первомъ будутъ объяснены существен- первой ча-
 ныя и отличительныя качества стихо- сти на
 шворства вообще; во второмъ пособія, три отдѣ-
 ления.
 нужны для успѣха въ немъ; а въ треть-
 емъ цѣль и разныя мнѣнія о произведе-
 ніи онаго.

ОТДѢЛЕНІЕ, ПЕРВОЕ.

О

СУЩЕСТВЕННЫХЪ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХЪ
КАЧЕСТВАХЪ СТИХОТВОРСТВА.

§. 6.

О различіи Искуство стихотворенія всего болѣе
стихош- имѣеть сходства съ краснорѣчіемъ и сво-
ворства ворства одными художествами. И такъ, чтобы
отъ крас- бодными художествами. И такъ, чтобы
норѣчія и снискашь истинное о существѣ его поня-
свобод- шіе, (чѣмъ обыкновенно почитается вся-
ныхъ худо- кое важное, и при томъ новое дѣло); по
жествѣ. необходимо нужно замѣтитъ тѣ его ка-
чества, которыми оно отъ того и дру-
гихъ отличаетъ, и слѣдственно кои соб-
ственно и единственно ему принадлежатъ.
Его различіе отъ художествъ, заключаю-
щееся единственно въ тѣхъ способахъ,
какими они изображаютъ изящную при-
роду, *) гораздо явственнѣе, нежели разли-
чіе отъ краснорѣчія, такъ, что многіе
изъ самыхъ искуснѣйшихъ писателей о

*) Что живописецъ изображаетъ красками, каменосѣецъ и ваятель образованіемъ грубаго вещества, танцовщикъ тѣлодвиженіями, музыкантъ тонами; но стихотворецъ ибрымъ словомъ.

семъ дѣлѣ затрудняются назначить рѣшительный предѣлъ между тѣмъ и другимъ. Столь много есть общаго имъ обоимъ! То и другое сильно дѣйствуютъ надъ нами; то и другое одинъ имѣютъ источникъ сей силы, то есть изящную природу; то и другое суть произведенія возшорга; наконецъ то и другое однимъ дѣйствуютъ орудіемъ, то есть словомъ. Но разсмотримъ, нѣтъ ли въ сихъ общихъ краснорѣчія и стихотворства качествахъ какихъ отпѣней, изъ коихъ однѣ принадлежатъ собственно первому, другія другому.

§. 7.

Дѣйствіе, которое имѣютъ надъ нами **Витійство** и **стихотворство**, различно **и** стихотворство, что каждое изъ нихъ проникаетъ **дѣйствую-** въ нашу душу своимъ особливымъ, шакъ **юшъ** разсказать, пушемъ. Витія, чтобы привести **личными** ее въ необыкновенное состояніе, **дарованіями.** дѣйствуя силами разума, старается овладѣть разумомъ другихъ; стихотворецъ, употребляя собственное воображеніе, первымъ предметомъ своего искусства имѣетъ воображеніе или сердце другихъ: и потому первый почти вездѣ или историкъ или философъ, другой почти вездѣ мечтатель *). Отъ перваго всякой ожидаетъ истин-

*) Я не знаю стихотворенія, которое бы не держало басней или вымысловъ, говоритъ Плутархъ.

ны и новыхъ познаній; отъ другаго приятныхъ вымысловъ и новыхъ всегда причинъ къ возторгамъ: первый говоритъ о томъ, что дѣйствительно; другой о томъ, что правдоподобно: первый вездѣ наблюдаетъ, чтобы не произнести чего либо прошнянаго общимъ законамъ природы, не имѣя способовъ сего закрыть, поелику употребляемая имъ украшенія слова шаковы, что оно при всемъ томъ оспается естественнымъ; но другой, говоря о вещахъ несбыточныхъ и несообразныхъ со строгою истинною, своимъ искусствомъ даетъ все-

Какъ ви- му пому видѣ справедливости. Нерѣдко
 шіа упо- правди вишія, чтобы сильнѣе подѣйстви-
 требляешъ вать надѣ разумомъ, прибѣгаетъ къ сред-
 воображе- швамъ свойственнымъ стихотворцу; не-
 ніе? рѣдко онъ, какъ бы забывая объ убѣжде-
 ніи своихъ слушателей, занимается шѣмъ,
 чтобы привести въ возторгъ ихъ вообра-
 женіе, или разстрогать чувствительность
 ихъ сердца. Но и въ семъ случаѣ онъ ни-
 какъ не смѣетъ выдти за предѣлы ис-
 тинны; онъ изображаетъ однѣ только
 дѣйствительныя изящества; и возбужда-
 емая имъ восхищенія и волненія души
 суть впечатлѣнія почти того же рода,
 какія дѣлаютъ въ насъ самые предметы.

§. 8.

При всемъ Равнымъ образомъ стихотворство по-
 томъ въ цѣль сдѣлаю своею цѣлю всегда имѣетъ шже,

что и риторство. Оно было бы совершен-^{випіи} и
но дѣпскою забавою, естльи бы не со-^{спихо-}
общало намъ истинны и не внушало доб-^{творца}
родѣтели; но оно достигаетъ сего со-^{одна.}
всѣмъ инымъ образомъ. Зная, что сердце
человѣка, находящагося въ приятномъ
упоеніи, удобопрекленно ко всему, прежде
всего приводитъ его въ возшоргъ или въ
состояніе спрасши, и въ шо самое время
удобно располагаетъ его разумомъ. Для
сего-шо не сомнѣвается оно прибѣгать къ
вымысламъ. Правда, что внушаемая симъ
способомъ возхищенія и чувствования суть
только призраки оныхъ, продолжающіе-
ся въ насъ дошолъ, доколъ занимающъ
насъ самые вымыслы, но призраки нуж-
ные спихшворцу: ибо въ минуты из-
ступленія, въ которое они приводятъ ду-
шу, дѣлается онъ повелителемъ ея мыс-
лей и воли. Крашко сказать, шоржествовашъ
надъ разумомъ и желаніями подоб-
ныхъ себѣ естль общая цѣль какъ випіи,
такъ и спихшворца; но одинъ идетъ
къ ней прямо нерѣдко неприятнымъ, а
другой стороннимъ, всегда обольститель-
нымъ пушемъ.

§. 9.

Различнымъ такъ же образомъ випіи ^{Какъ ви-}
ж спихшворецъ пользуются изящною ^{птія и спи-}
природою. Одинъ довольствуется шѣмъ ^{хшворецъ} пользуется

ся и з.я щ- состояніемъ, въ какомъ ее дѣйстви-
 ною прир- дѣю? тельно находишь; другой почитая сіе не-
 достаточнымъ, представляеть ее себѣ
 совершеннѣйшею: и потому одинъ только
 наблюдаеть и вѣрно изображаетъ; дру-
 гой въ мысляхъ своихъ украшаетъ и
 даже, такъ сказать, передѣлываетъ ее на
 свой вкусъ; витія употребляетъ свои
 дарованія на то, чтобы разсмотрѣть со
 всѣхъ сторонъ свой предметъ, и узнать
 его истинное состояніе, существенныя ка-
 чества, дѣйствія, части, отношенія и
 проч. дабы не приписать ему, чего онъ
 не имѣеть, или не опясть у него, что онъ
 имѣеть, а еще болѣе, чтобы не измѣнить
 его въ другой; и такимъ образомъ обна-
 руживаетъ его внутренность, по край-
 ней мѣрѣ даетъ о немъ справедливое поня-
 тіе: но напротивъ сего стихопворецъ
 обзрѣваетъ въ своемъ предметѣ всего
 болѣе то, что въ немъ есть изящное, и
 по большей части недоволенъ будучи тѣмъ,
 что находить въ немъ, силою своего
 мечтанія воображаетъ его въ такомъ со-
 стояніи, въ какомъ желалъ бы видѣть
 его, то есть гораздо изящнѣе и болѣе
 поражающимъ чувства; для сего мыслен-
 но составляетъ его изъ частей и качествъ
 избраннѣйшихъ, заимствуя каждое изъ
 нихъ у какого нибудь другаго подобнаго
 ему существа, и приписываетъ ему дѣй-

ствія и отношенія чудеснѣйшія, но правдоподобныя, що увеличиваеть, що уменьшаеть его, или придавая ему, или отъемля у него нѣчто, и часто основоляеть свое и другихъ воображеніе на нѣкоторыхъ маловажныхъ, но такихъ обстоятельствахъ, которыя болѣе другихъ сообщаютъ изящества его предмету; а иногда для сего же самага, оставля оный, занимается чѣмъ нибудь стороннимъ. Однимъ словомъ, занимающій его предметъ служитъ ему токмо побужденіемъ разлится своимъ воображеніемъ по всей вещественной и нравственной природѣ, по всѣмъ историческимъ и баснословнымъ преданіямъ, дабы изъ всего того собрать, что гдѣ есть лучшее и плѣнительнѣе, а изъ собранныхъ такимъ образомъ сокровищъ выбравъ, что болѣе соотвѣтствуетъ его цѣли, и сообразивъ, помѣщаетъ въ своемъ предметѣ. По сей причинѣ вишія говоря о вещахъ дѣйствительныхъ и припомъ то, что всякой можетъ узнать въ нихъ собственнымъ наблюденіемъ или размышленіемъ, кажется членомъ обыкновеннаго человеческого общесства, и предполагаетъ своихъ читателей такими же: но стихотворецъ, предлагая о томъ, что токмо существуетъ въ воображеніи, предлагая такъ, что одна только находящаяся въ возтор-

гѣ мысль можетъ сему вѣрить, не только самъ кажется обитателемъ другаго какого либо міра, но и чипашелей своихъ представляеть такими же.

§. 10.

Оба рода
краснорѣ-
чія шре-
б у ю п і ъ
возторга.

Человѣкъ, котораго воображеніе спокойно и сердце равнодушно, можетъ говорить вяшно, правильно, благоразумно, но никогда пѣнишельно, сильно, рѣзко. Такая рѣчь есть изліяніе наполняющей душу страсти или обладающаго оною возторга. А посему не одинъ стихотворецъ, но и вишія погда токмо бывають истинно краснорѣчивы, каждый въ своемъ родѣ, когда бывають вдохновенны какими нибудь живыми чувствованіями *). Одно сильное опъращеніе къ рабству дѣлало Димосеена толь опаснымъ Филиппу; одна живо представляемая опасность ошечества родила тошъ громъ, которымъ Цицеронъ привелъ внѣ себя Капилину, впрочемъ рѣшившагося на все. Правда, что сѣ того времени, какъ искусство привело

*) И простой народъ употребляетъ рѣзкіе шрепы, когда воображеніе или сердце бывають возпламененны. Отъ сего во всѣхъ языкахъ есть сіи метафоры: глаза сверкають, кровь хладѣеть, надменъ гордостію, сердце отъ радости шрепещеть, и проч.

въ правила важнѣйшихъ способностей нашихъ естественныя дѣйствія, часто сіи бывають такъ удалены отъ истиннаго своего источника, что даже противопологаются тому, что прямо произтекаетъ изъ онаго. Такъ образованная нынѣшняя пляска не состояніе души, но шонкія соображенія искусства выражающая, составляетъ нѣчто противоположное пляскѣ дикихъ, въ которой всякое движеніе есть изображеніе особливаго сердечнаго чувствованія. Сколько противоположеній имѣетъ въ себѣ нынѣшняя музыка, сравненная съ изліяніемъ душевныхъ волненій дикаго на простой свирѣли! Подобнымъ образомъ и витійство нынѣ есть языкъ болѣе искусства, нежели истинной страсти или возторга. Но еслили оно при всемъ томъ не будетъ казаться по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ мѣстахъ произведеніемъ живыхъ чувствованій, всегда останешся обыкновеннымъ, а не краснорѣчивымъ словомъ.

§. II.

Впрочемъ спрасъ и возторгъ, (копечьямъ разрой можно названъ спрасію воображенія), кои одушевляютъ прозаиста, бывають другаго рода и иного качества, нежели свойственныя стихопворцу. Сего различія причиною вопервыхъ суть самые пред-

Чѣмъ раз- личенъ возторгъ стихо- шворца отъ возторга ви- сти?

мешы сихъ чувствованій. — То, чѣмъ восхищается, или отъ чего возпламеняется страстію вишія, дѣйствительно находится въ природѣ, и входитъ въ его душу чрезъ чувства или чрезъ разумъ; напрошивъ того предметъ страсти и возторга стихотворца по большой части есть собственное его, но есть его мечтанія твореніе. Слѣдовательно чувствованія перваго суть дѣйствительныя (réelles), втораго мечтательныя (illusoires). Однако не должно изъ сего заключать, что ощущенія вишія отъ того живѣе и стремительнѣе. На самомъ дѣлѣ совсѣмъ прошивное тому бываетъ, или по тому, что дѣйствія воображенія сильнѣе поражаютъ нашу душу, нежели дѣйствія другихъ способностей, или по тому, что мечтательное изящество, созидаемое стихотворцемъ, несравненно выше дѣйствительнаго. Прозаистъ во время самой страсти или возторга способенъ еще размышлять, и употребляя сіи средства къ достиженію своей цѣли, со всемъ однако надлежащимъ вниманіемъ входитъ во все; разсматриваетъ относящіяся къ его предмету мысли; избираетъ изъ нихъ сообразнѣйшія съ намѣреніемъ, и размѣщаетъ ихъ такъ, чтобъ онѣ отъ сего еще болѣе получили силы; но вездѣ осперегаются, члюбы не сказали чего ни-

будь противнаго истиннѣ, зная, что онѣ
 долженѣ бытъ шокмо изтолкователемѣ
 природы: для сего онѣ оставляетѣ свой
 предметѣ въ томѣ мѣстѣ, въ томѣ вре-
 мени, въ томѣ состояннн, какѣ оный на-
 ходится въ природѣ. Но страсть и вос-
 торгѣ стихотворца столько наполняютѣ
 его душу, что онѣ часто нимало, ка-
 жется, не мыслитѣ ни о какихѣ слуша-
 теляхѣ, и говоритѣ единственно для шо-
 го, чтобѣ излить обременяющнй его из-
 бышокѣ чувствованн, которое одно, ка-
 жется, замѣняетѣ собою всѣ дѣйстви-
 прочнхѣ дарованн, находящнхся въ шо
 время въ крайнемѣ замѣшательствѣ. Отѣ
 сего происходитѣ, что стихотворецѣ,
 весь предавшнсь впечатлѣннямѣ своего
 изящества, забываетѣ о дѣйствиель-
 номѣ онаго состоянн, и заботится не
 о томѣ, чтобы предсавить свой пред-
 метѣ точно, но о томѣ, чтобы живо
 выразить его съ той стороны, съ кото-
 рой оный болѣе дѣйствуетѣ на его во-
 ображенн или сердце. Въ семѣ намѣре-
 нн онѣ, такѣ сказать, воплощаетѣ, даже
 лицетворитѣ его, хотя томѣ не имѣетѣ
 ничего въ себѣ вещественнаго; и пред-
 савляетѣ его какѣ бы находящнмся предѣ
 своими чувствами, хотя оный находиш-
 ся въ другомѣ совѣмѣ мѣстѣ и въ кру-
 гу другаго времени, такѣ, что въ семѣ

случаѣ о стихотворцѣ можно сказать то, что сказалъ Виргилій о влюбленной Дидонѣ: *illum absentem auditque videtque*, то есть, ей кажется, что она и слышитъ, и видитъ только его; хотя его совсѣмъ шумъ нѣтъ.

§. 12.

О различ- Здѣсь, скажутъ мнѣ, возторгъ стихо-
ныхъ ро- творца весьма увеличенъ; поелику онъ
дахъ воз- творца весьма увеличенъ; поелику онъ
ш о р г а, часто занимается такими предметами,
свойствен- которые не столько важны, чтобъ могли
ныхъ раз- привести въ такой возторгъ. Чтобъ ош-
личнымъ привести въ такой возторгъ. Чтобъ ош-
р о д а м ъ вѣстствовать на сіе, предварительно ну-
сстихошво- жно знать, что различнаго рода предме-
реній. ты, занимающіе стихотворца, произво-
дятъ въ немъ возторги разные, правда,

не степенію, а особливимъ шокмо ро-
домъ внутреннихъ ощущеній, такъ, что
одинъ есть живое чувствованіе чего ни-
будь нѣжнаго, другой смѣшнаго, претій
ужаснаго, четвертый величественнаго, и
проч. Отъ сего происходитъ, что нѣко-
торыя изъ нихъ, состоя изъ ощущеній
тихихъ, но не менѣе нежели другія, напол-
няющія собою душу, кажутся нижней
степени предъ тѣми, коихъ составляютъ
весьма порывистыя чувствованія. Между
тѣмъ однако всякой, какой бы ни былъ,
возторгъ всегда будетъ источникомъ по-
средственнаго стихотворческаго произве-

денія, естльи онъ не достигъ еще самой высокой, свойственной его роду, степени.

§. 13.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ ручь, ру-
зомъ вишія и стихотворецъ изображаютъ ководств-
свои мысли и чувствованія посредствомъ в у е ш с я
слова. У шого и другаго оно служитъ стихотво-
убранствомъ ихъ рѣчи, въ которомъ вид- рецъ въ
но состояніе ихъ души. Онъ сего рѣчь выборъ
стихотворца кажется, ежели не особли- словъ и
вымъ языкомъ, по крайней мѣрѣ особли- выраже-
вымъ какъ бы нарѣчіемъ шого языка, ко- ніи ?
торымъ говоритъ прозаистъ. Находящее-
ся въ возпоргѣ воображеніе стихотворца,
приписывая всему умственному чувствен-
ныя качества, и всему чувственному, ка-
кой угодно, видъ, составъ, природу, пре-
вращаетъ обыкновенныя, свойственныя
прозѣ понятія въ шакія, которыя болѣе
и сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе, а
иногда раждаетъ совершенно новыя, срод-
ныя одному возпоргу. Къ сему присоеди-
няется чрезмѣрное стараніе стихотворца
всякую мысль, всякое чувствованіе ша-
кими изобразить выраженіями, которыя
бы дѣлали ихъ какъ бы подлежащими чув-
ствамъ. Вотъ, почему онъ въ выборѣ
словъ бываетъ разборчивъ, въ изобрѣшеніи
оныхъ какъ бы самосластенъ, въ упообре-
леніи украшеній ошваженъ. Въ разсужде-

ни выбора словъ онъ по большой части удаляется такихъ, которыя, какъ сказать, собственно принадлежатъ вити, то есть, коими изображаются понятія отвлеченныя; напротивъ того старается вездѣ изъясниться такими рѣченіями, которыя, сообщая мыслямъ ими изображаемымъ чувственные качества, даютъ рѣчи стихотворца такую живость, которая для прозы была бы чрезмѣрна.

§. 14.

Чѣмъ руководствуется стихотворецъ въ случаѣ избрѣнія новыхъ словъ, то есть, онъ старается вездѣ сдѣлать свои понятія, сколько возможно, болѣе дѣйствующими на воображеніе: и для того иногда соиздастъ такія реченія, которыя удовлетворя его намѣренію, въ обыкновенной рѣчи опличались бы отъ всѣхъ другихъ своею

чрезмѣрною выразительностію. *) Употребляемые имъ украшенія почти ту же имѣютъ цѣль. Возхищенное воображеніе стихотворца видитъ такія между вещами сходства, противоположенія и другаго рода отношенія, которыхъ находящійся

*) Но бѣдный Альнаскаръ — что дѣлать? разженился. Г. Дмитріевъ.
Упиваясь одоушіемъ. Г. Карамзинъ.

въ обыкновенномъ состояніи чловѣкъ не усматриваетъ. Отъ сего мешафоры, кашахрезисы, иперболы и всѣ почти шропы у стихотворца представляють нѣчто новое, въ обыкновенной рѣчи не встрѣчающееся, и нерѣдко болѣе, нежели отважное. Фигуры, дающія жизнь, разсудокъ и слово существамъ неодушевленнымъ, даже мысленнымъ, въ рѣчи стихотворца болѣе, нежели въ словѣ прозаиста, кажутся правдоподобными *) отъ того, что сіи превращенія (metamorphoses) и лицезворенія (personifications) во время его-возпора кажутся самому болѣе дѣйствительными, нежели вымышленными.

§. 15.

Наконецъ какъ въ такомъ состояніи Какъ сти- духа представленія вещей, ихъ свойствъ, хош во- дѣйствій и проч. бывають въ нашемъ умѣ речъ из- блюдаешъ въ нѣкоторомъ соотвѣпствующемъ оному грамматиче- безпорядкѣ; но стихотворецъ часто из- ческія пра- мѣняешъ реченія по правиламъ граммати- своей рѣ- ки, и соединяешъ въ своей рѣчи мысли чи?

*) Напримѣръ :

И черныи Понтъ надувъ хребетъ,
Валишь, реветъ во слухъ Селиму,
Объяту думой, нерѣшиму :
Возпрянь ! уже Перуна нѣтъ !

Г. Дмишрїевъ на смерть К. Пошемкина,

такимъ образомъ, что въ семъ самомъ явственно видно бываетъ возмущенное состояніе его души. *) Онъ прошедшее или будущее предсавляетъ настоящимъ, лице шрете превращаетъ во второе, удаленное отъ него въ находящееся предъ нимъ, и для того вмѣсто мѣстоименій, нарѣчій и предлоговъ, означающихъ что нибудь отсутствующее, употребляетъ противныя имъ. Въ разсужденіи связи мыслей, иногда онъ оставляетъ ихъ безъ всякихъ союзовъ, иногда же употребляетъ союзы не шѣ, какіе бывають въ такихъ случаяхъ въ обыкновенной рѣчи.

§. 16.

Что на-
блюдаетъ
стихотво.
рецъ въ рѣ-
чи своей
о шносн-
тельно къ
служу?

Сей внушаемый стихотворцу возпор-
гомъ или страстію его языкъ дѣйствуетъ
непосредственно на воображеніе или на
сердце. Но человѣческое слово имѣетъ въ
составѣ своемъ нѣчто, чѣмъ оно произво-
дитъ въ нашемъ слухѣ приятныя впечат-
лѣнія, и шѣмъ самымъ услаждаетъ нашу
душу. Стихотворецъ, котораго главная
цѣль, главный успѣхъ состоитъ въ томъ,

*) Вотъ примѣръ хотя и въ прозѣ, но яв-
ственно показывающій рѣчь произнесенную
во время смяшенія души: „Per, ego, te, fili,
quaecunque iura liberos parentibus iungunt, et
cet. Liv.

чтобы нравиться, рачительно пользуясь тѣмъ, что шокмо можетъ сдѣлать рѣчь его приятною, не оставляетъ безъ вниманія и онаго обстоятельства нашего слова. Въ семъ намѣреніи онъ вездѣ наблюдаетъ, дабы рѣчь его состояла изъ такихъ звуковъ и звукоизмѣненій, которые бы имѣли нѣкое услаждающее слухъ согласованіе (*harmonia*), естли шокмо позволяетъ сіе другой необходимѣйшій родъ его искусства, то есть, мѣра слова. Сверхъ сего онъ тѣ качества рѣчи, которыми она весьма чувствительно дѣйствуетъ на слухъ, съ особливимъ искусствомъ употребляетъ къ выразительнѣйшему изображенію своего предмета. Сіе искусство его состоитъ иногда въ томъ, что бывающіе повторяемыя шакіе звуки и звукоизмѣненія, которые явственнo сходятся съ естественными качествами изображаемой вещи; иногда же для живѣйшаго представленія оныхъ даетъ посредствомъ искусства своему слову то быстрое, то медленное печеніе *).

*) Г. Мейнерсъ, Профессоръ словесности въ Геттингенѣ, изъясняется о семъ слѣдующимъ образомъ: языки тѣмъ стихотворнѣе, чѣмъ изобильнѣе выраженіями, подражающими природѣ, (*verbis onomatopœicis*); чѣмъ больше имѣютъ многообразія въ нѣжныхъ и грубыхъ, краткихъ и долгихъ,

странице о семъ въ введеніи въ кругъ словесности §. 23. 25. Въ опытѣ риторики §. 13. Въ первой части сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею, стр. 245. о звукоподражаніи.

§. 17.

Стихо-
шворецъ
изчис-
ляетъ и
размѣ-
ляетъ всѣ
звуки въ
своей рѣ-
чи.

Стихотворецъ простираетъ свое искусство еще далѣе. Онъ даетъ своему слову такое сладкозвучіе, которое дѣлаетъ оное подобнымъ музыкѣ, изчисляя и измѣряя всѣ входящія въ его рѣчь звуки. Онъ какъ бы присвоилъ себѣ то нашего слова качество, которое мы называемъ ладомъ (rythme) или слогападениемъ (cadance), такъ, что въ его рѣчи бывающія подобраны слогъ къ слогу такимъ образомъ, что время употребляемое на произношеніе одного изъ нихъ содержится по большей части нѣсколько разъ во времени употребляемомъ на произношеніе другаго и обратно. Слѣдственно всякой слогъ въ отношеніи къ другому ближайшему находится въ Геометрической пропорціи. Но опытъ

легкихъ и трудныхъ къ выговору словахъ; чѣмъ ощушительнѣе въ нихъ гармонія и мелодія, и чѣмъ достаточнѣе въ нихъ запасъ стихотворныхъ выраженій. (Главное начертаніе Теоріи изящныхъ наукъ Мейн-ерса, перев. на Росс. языкъ, част II. §. 5.

свидѣтелемъ тому, что сія пропорція, когда весьма проста и внятна, какою она обыкновенно бываетъ въ семъ случаѣ, чрезмѣрно нравится намъ. Ошъ сего самыя дикіе находятъ удовольствіе въ пѣніи и пляскѣ, имѣющихъ свое основаніе на подобномъ отношеніи звуковъ составляющихъ первое, и движеній, изъ коихъ состоитъ другая. Впрочемъ сродная челоуѣческому слову геометрическая пропорція гораздо простѣе, и слѣдственно гораздо понятнѣе, нежели находящаяся въ пляскѣ и музыкѣ, въ коихъ кромѣ времени многія другія свойства ихъ имѣютъ еще взаимную свою пропорцію. Но какъ пропорція въ разсужденіи времени составляетъ во всѣхъ родахъ лада самое главное и самое явственнее ихъ качество; по весьма вѣроятно, что она съ начала будучи замѣчена въ одномъ токмо которомъ нибудь ладѣ, была поводомъ къ открытію оной въ другомъ; что по семъ открытіи единственно для умноженія удовольствія, доставляемаго симъ весьма ощущительнымъ и общимъ всѣхъ ладовъ качествомъ, древніе соединяли всѣ ихъ вмѣстѣ, и что наконецъ другія кромѣ времени свойства пляски, особливо музыки геометрическимъ своимъ соотношеніемъ придавали болѣе живости ладу слова, и возвышали приносимое имъ удовольствіе.

§. 18.

На чѣмъ Поелику музыка и пляска нынѣ со-
 о с н о в ы с т а в л я ю ш ъ с о в с ѣ м ъ о т д ѣ л е н н ы я о т ъ
 в а е ш с я с п и х о т в о р с т в а (к ѣ н е м а л о й п о т е р ѣ о н а г о)
 и с к у с т в о и с к у с т в а ; ш о з а й м е м с я е д и н с т в е н н о л а -
 н з м ѣ р я ш ъ д о м ѣ с л о в а . Е г о и с т о ч н и к о м ѣ е с т ь ш о ,
 и н з ч и с л я ш ѣ з в у ч ѣ ш ѣ ? ш о м ы , п р о и з н о с я р ѣ ч е н і е , с о с т о я щ е е
 к и в ѣ р ч и ? ч ш о м ы , п р о и з н о с я р ѣ ч е н і е , с о с т о я щ е e
 и з ъ н ѣ с к о л ь к и х ъ с л о г о в ъ , в ы г о в а р и в а е м ѣ
 и н о й с л о г ѣ с ѣ ш а к и м ѣ к а к ѣ б ы р а в н о д у -
 ш і е м ѣ , ч т о н и ч т о н е з а д е р ж и в а е т ѣ н а с ѣ
 п р и e г o п р о и з н о ш е н і и , и н о й ж е н а п р о п и в ѣ
 с e g o k a k ъ б ы с ѣ n ѣ k o ш o p ы м ѣ ч у в с т в і e м ѣ ,
 k o ш o p o e и з o б р а ж а e м ѣ и л и в o з в ы ш e н і e м ѣ ,
 и л и п o н и ж e н і e м ѣ , и л и c п e p в a v o z v ы ш e н і e м ѣ ,
 a п o ш o м ѣ п o н и ж e н і e м ѣ г o л o c a . K a k ъ
 c і i i з м ѣ н e н і я g o л o c a e c ш e c т в e n n o z a d e p -
 ж и в а ю ш ѣ n a c ѣ n a д ѣ p o и z н o ш e н і e м ѣ ш o g o
 c л o g a , k o ш o p o й m ы ш a k и m ѣ o б p a з o м ѣ v ы -
 p a ж a e m ѣ ; ш o o т ѣ c e g o п р o и з x o д и т ѣ , ч т o
 n a п р o и z н o ш e н і e ш a k o g o c л o g a y п o ш p e б л я e m ѣ
 g o p a z d o б o л ѣ e , a д л я д р y г и x ъ g o p a z d o м e -
 н ѣ e в p e м e н и , н o т a k ѣ , ч т o c і e p a z н o м ѣ p -
 н o e k o л и ч e c т в o в p e м e н и в c e g d a н a x o д и т с я
 в ѣ в e с ь m a п p o c т o м ѣ и я в c ш e n н o м ѣ o д н o
 к ѣ d р y г o м y c o д e p ж a н і и a и м e n n o , в p e м я
 y п o ш p e б л я e m o e n a п р o и z н o ш e н і e c л o g a б e з ѣ
 и з м ѣ н e н і я n a д ѣ n и m ѣ g o л o c a v c e g d a c o д e p -
 в ѣ p o ш н o , ж и т с я , k a k ѣ п o л o в и n a k ѣ e d и n и ц ѣ . M o -
 и z м ѣ n e н і я ж e ш ѣ б ы ш ѣ , ч т o c і i i z м ѣ n e н і я g o л o c a ,
 g o л o c a , б ы - п р и п р o и z н o ш e н і и n ѣ k o ш o p ы x ѣ c л o g o v ѣ
 в а ю щ і я v o - y п o ш p e б л я e m ы я , k a k ѣ c a m и п o c e б ѣ , ш a k ѣ
 в p e м я п p o -

и посредствомъ смѣшенія съ слогами, ко-
 шорые бывають произносимы равномѣр-
 нымъ голосомъ, имѣли когда нибудь уча-
 стіе въ стихотворческомъ слогападѣніи.
 Греческое *prosodia*, и Латинское *accentus*
 (*ad cantum*) дають поводъ думать, что
 извѣстенное качество произношенія сти-
 хотворческой рѣчи соединяемо нѣкогда
 было съ подобнымъ качествомъ музыки.
 Какъ бы то ни было, но нынѣшнее сти-
 хосложеніе довольствуется однимъ пѣмъ
 свойствомъ лада, которое состоить въ
 показанной пропорціи времени употре-
 бляемаго на произношеніе.

§. 19.

Показаннымъ измѣреніемъ слова стихо-
 творецъ пользуется такимъ образомъ, что
 обыкновенно раздѣляетъ свою рѣчь на нѣ-
 сколько равныхъ или неравныхъ частей, на-
 зываемыхъ стихами, составляя по большой
 части каждый стихъ изъ предписаннаго пра-
 вилами числа отдѣленій именуемыхъ стопами,
 а каждую стопу изъ назначеннаго числа
 и извѣстной между собою пропорціи слоговъ.
 Стопа состоить иногда изъ двухъ долгихъ,
 иногда изъ двухъ короткихъ, иногдаже
 изъ одного долгаго и одного короткаго
 слоговъ, такъ, что естли положить, что
 время употребляемое на произношеніе дол-
 гаго слога равно единицѣ; то изъ пока-
 занныхъ стопъ первая будетъ равна двумъ

Какъ со-
 ставляются
 стихи?

единицамъ, вторая одной единицѣ раздѣленной на двѣ равныя части, а третія одной единицѣ и половинѣ другой. Есть также стихотворческая стопа, состоящая изъ трехъ слоговъ, то есть двухъ короткихъ и одного долгаго; есть даже, которыя заключаютъ въ себѣ четыре слога, и кои суть не что иное, какъ соединенныя въ одну двѣ стопы двусложныя. Впрочемъ всѣмъ извѣстно, что въ Россійскомъ стихосложеніи болѣе всего употребляется ямбъ, нерѣдко хорей, и вмѣсто какъ того, такъ и другаго Пиррихій, но рѣже гораздо дактиль и анапестъ *). Величественныя Греческіе и Латинскіе шестистопные стихи, состоящіе изъ дактилей и спондеевъ, служатъ доказательствомъ, что разносложныя стопы, употребляемыя въ одномъ стихѣ, несравненно болѣе даютъ оному сходства съ музыкою. Впрочемъ хотя изъ разносложныхъ стопъ будетъ состоять стихъ; но онъ никогда не имѣетъ въ себѣ полныхъ стопъ болѣе шести и менѣе одной **).

*) Имена прочихъ стопъ, неупотребительныхъ въ нашемъ стихосложеніи, кому угодно, можно найти въ Пѣснѣ А. Байбакова.

***) Способъ нынѣшняго нашего стихосложенія обстоятельно описанъ въ первомъ томѣ сочиненій и переводовъ Г. Тредіковскаго, напечатанныхъ въ С. Петербургѣ 1752 года. стр. 95 — 143.

§. 20.

Наконецъ къ приятности, произхо-О риемъ. дящей отъ подбора стопъ, составляющихъ стихъ, стихотворцы среднихъ и новыхъ временъ разсудили еще прибавить единозвучное окончаніе двухъ или нѣсколькихъ стиховъ, называемое у насъ Риемою. Не лзя сказать, чшобъ сей родъ украшенія стиховъ не придавалъ имъ нѣсколько сладкозвучія; но самыя превосходныя стихотворцы иногда жалуясь на то, что часто принуждены бывають жертвовать достоинствомъ мысли сей наружной красотѣ стиха. Греки, имѣвшіе шоль нѣжный и разборчивый слухъ, и подражали ихъ Римляне умѣли дѣлать свои стихи весьма мусикійскими и безъ сего украшенія. Но чшобъ не быть страннымъ, надобно сѣдовашъ общему обыкновенію. Какъ шестистопные и пятистопные стихи весьма длинны; шо искусство стихосложенія отвращая сіе неудобшво, изобрѣло еще способъ сообщить имъ особый родъ приятности посредствомъ раздѣленія ихъ на двѣ равныя части, называемыя полусишіями *).

*) Сіе пресѣченіе (caesura) еще болѣе, кажется, дало бы стихамъ сходства съ музыкаю; ешьяли бы могло быть употреблено не только въ среднихъ, но и въ другихъ мѣ-

§ 21.

О стихахъ, въ которыхъ звуковъ не измѣняется, въ которыхъ стихъ составляется не изъ показанныхъ стопъ, но изъ определеннаго числа слоговъ. Не взирая, что сего рода стихи малымъ чѣмъ разнятся отъ прозы въ разсужденіи мусикии, извѣстнѣйшіе народы какъ на примѣръ Англичане и Французы и по нынѣ ихъ употребляютъ. Знашь его заставляешь насъ то,

Краткое поясненіе о стопосложеніи Россійскомъ. Что чрезъ 70 или болѣе лѣтъ частію въ 17-мъ, частію въ 18-мъ вѣкахъ такъ писали наши лучшіе тогдашніе стихотворцы. Какое у насъ существовало стихосложеніе до конца 15-го вѣка, о томъ ничего не

можно сказать достовернаго. Но въ сіе время при великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ бывшій въ Москвѣ ученый Грекъ, по имени Максимъ, который первый сочинилъ грамматику Славенскаго языка, старался ввести въ нашъ языкъ подобное Греческому и Латинскому стихосложенію безъ риѣма; но какъ по его правиламъ о слоудареніи, въ которыхъ

стихъ стиха, какъ-то бываетъ въ стихосложеніи Аглинскомъ, въ коемъ шестистопный стихъ можешь имѣть пресѣченіе послѣ четвертаго, пятаго, шестаго и седмаго слоговъ.

онъ соображался съ Лашинскими, многие слоги должно было произносить противъ ударенія; но по сей причинѣ вводимое имъ стихосложеніе не было принято. Помощь Петрѣ Могилѣ, Митрополитѣ Киевскій, основателю Киевской Академіи, замѣнилъ оное другимъ, взятымъ съ Польскаго, и состоящимъ, какъ уже сказано, въ опредѣленномъ числѣ слоговъ, составляющихъ стихъ, безъ всякаго наблюденія геометрической между ими пропорціи. Сего рода стихи у насъ были почти всегда состоящіе изъ 13 слоговъ, имѣющіе пресѣченіе послѣ седьмого слога и риему женскую *). Сіе, начавшееся въ Малой, а потомъ введенное и въ Великую Россію стихосложеніе было въ употребленіи у насъ до 1735-го года, въ которомъ Г. Тредіаковскій признавъ, что древнее Греческое и Лашинское стихосложеніе сродно нашему языку, и показавъ свойственныя оному правила слогаударенія, первый предпріялъ ввести въ наши стихи слѣдующія стопы: ямбъ, хорей, дактиль и анапестъ. Вскорѣ потомъ, а именно въ 1739-мъ году Г. Ломоносовъ въ письмѣ о правилахъ Россійскаго сти-

*) Вотъ небольшой образецъ сихъ стиховъ:

То богатства ищите, то деньги мѣшаютъ,
 То грусно бытъ одному, то люди скучаютъ.

хотворства поже самое подтвердилъ; но какъ ни онъ самъ, ни современникъ его Г. Сумароковъ не употребляли въ своихъ стихотвореніяхъ ни дактилей, ни анапестовъ; но отъ сего, кажется, произошло, что наши стихотворцы почти совсѣмъ оставили двѣ оныя послѣднія стопы *).

§. 22.

Разныя мнѣнія объ опредѣленіи стихотворства. Послѣ сихъ разсужденій о существенныхъ качествахъ стихотворства, ошличающихъ его отъ краснорѣчія, въ чемъ должно полагать сущность онаго? Разсмотрѣніе сего вопроса тѣмъ важнѣе, что искуснѣйшіе писатели различныя имѣютъ о немъ мнѣнія. Да и самыя показанныя качества стихотворства пошь естественно ему принадлежатъ, что съ перваго взгляду каждое изъ нихъ достаточно, кажется, для составления сущности онаго. Въ самомъ дѣлѣ, кто исключитъ изъ числа самыхъ существенныхъ его свойствъ то, что воображеніе стихотворца есть источникъ его произведеній, а воображеніе читателя

Иные полагаютъ сущность стихотворства въ томъ, что оно дѣй-

*) Г. Тредіаковскій способъ стихосложенія, вводимого Максимомъ Грекомъ, называетъ древнимъ, введеннаго Могилою среднимъ, а своего новымъ стихосложеніемъ. Ежемѣсячн: сочиненій 1755-го года мѣсяць Іюнь.

лей есть предметъ, которымъ оно, ка-еш в уеть
 жется, единственно занимается? Безъ воображе-
 пылаго и живаго воображенія, представ-
 ляющаго все отдаленное какъ бы находя-
 щимся предъ нами, даже какъ бы дѣй-
 ствующимъ на насъ, все возможное дѣй-
 ствительнымъ, будемъ только историками
 или философиами, удовлетворимъ любо-
 пыству или разсудку нашихъ читате-
 лей; но ихъ сила мечтанія останется
 безъ занятія, безъ дѣятельности, и такъ
 сказать, спящею. Однако полагая въ себѣ
 одномъ сущность стихотворенія, должны
 будемъ еще многое изъяснить. Тогда насъ
 вопросятъ: чѣмъ и какъ стихотворецъ
 какъ самъ поражается, такъ и другихъ
 воображеніе поражаетъ? А сей вопросъ
 нечувствительно ведетъ насъ къ источ-
 нику изящной природы, и къ тому спо-
 собу, какъ стихотворецъ пользуется ею
 въ своихъ произведеніяхъ.

§. 23.

Подобнымъ образомъ, должно, кажется. Помнѣнью
 ся, судить и о мнѣннн шѣхъ, которые другихъ
 сущность стихотворенія полагаютъ въ сущности
 одушевляющемъ стихотворца возторгъ стихотворца
 или спраси*). Не можно сказать, чтобы состоятъ
 въ возторгъ.

*) Блеръ говоритъ, что стихотвореніе есть
 языкъ спраси, или восхищеннаго вообра-
 женія.

сіи чувствованія, которыя въ немъ бы-
вають, какъ уже сказано, нѣсколько осо-
бливы, нежели въ прозаикѣ, не имѣли ве-
ликаго участія въ произведеніяхъ его ис-

По чему куства: но полагають въ нихъ сущность
сіе мнѣніе стихотворенія есть тоже, что прини-
неудовле- мають причину вмѣсто дѣйствія. Ибо са-
швори. мое пылкое ошъ природы воображеніе,
шельно. пока не придетъ въ возторгъ, самое чув-
шакъ же? ствительное сердце, пока не воспламени-
ся страстію, не произведутъ ничего ис-
тинно стихотворческаго, шакъ что воз-
шоргъ и страсть шокмо сущъ шо состо-
яніе, въ какомъ должны находиться вообра-
женіе и сердце стихотворца.

§. 24.

Нѣкто- Между шѣмъ всѣ показанныя качества
рые опять опличаютъ стихотворство ошъ красно-
полагають рѣчія, но не опличаютъ его ошъ свобод-
ее въ измѣ- рныхъ художествъ, которымъ онѣ шакъ же
ренія слога принадлежатъ. Ибо что сдѣлаетъ пре-
возходнаго изобрѣшатель художникъ безъ
пылкаго воображенія? И всякое, вдохно-
венное возшоргомъ или спррастію, его
произведеніе не есть ли подражаніе изящ-
ной природѣ? Гдѣ же остается искашь
сего различія? Я уже прежде показалъ,
что оно всего болѣе состоитъ въ шомъ
способѣ, которымъ каждый изъ нихъ изо-
бражаетъ ее. Онѣ различаетъ не только

между собою художества различных родовъ, но и всѣ вообще отъ стихотворства. Тѣ употребляютъ средства, какъ сказать, безсловныя и дѣйствующія на воображеніе или сердце чрезъ зрѣніе или слухъ*); напрошивъ сего стихотворецъ изображаетъ свои предметы приятнѣйшею измѣренною рѣчью, которая пошь опличительное и пошь собственное составляетъ качество сего искусства, что иные въ семъ одномъ полагали сущность онаго. Другіе же, раздѣляя сіе искусство на стихотворство мыслей (poësim re-рые един-
сшвенноrum), и стихотворство слова (poësim ser-въ томъ,monis), извѣсняются при томъ такимъ образомъ; что какъ бы все то, что составляетъ стихотворца, состояло един-шворсп-
вомъ мы-
слей.ственно въ первомъ; второе же, то есть стихотворство слова, есть нѣчто почти ничто не значущее. Они утверждаютъ свое мнѣніе тѣмъ, что все производящее отъ стихосложенія сладкозвучіе отъ малѣйшей перемѣны порядка и размѣщенія словъ въ рѣчи потчасъ исчезаетъ; но какъ бы худо, говорящъ они, ни былъ переведенъ даже прозою Гомеръ или Виргилій, однако всегда найдемъ и въ такомъ переводѣ яв-

*) Кромъ зрѣнія и слуха другія чувства не сошворены для изящныхъ искусствъ.

Баттіо.

смысленные слѣды истиннаго стихотвор-
 ни тѣхъ свѣта *). Должно сказать, что показанное
 ни другихъ раздѣленіе имѣетъ все надлежащее осно-
 мѣнія не ваніе, и что стихотворство мыслей со-
 основа- ставляетъ важнѣйшую и существеннѣй-
 шельны. шую часть сего искусства, какъ, что по-
 лагая сущность его въ одномъ стихосло-
 женіи, мы будемъ принимать одну шокмо
 внѣшность за цѣлое существо. Но съ
 другой стороны почитая стихосложеніе
 почти за ничто, мы отбемлемъ у сти-
 хотворца одно изъ лучшихъ его средствъ
 дать рѣчи своей мусикійское сладкозвучіе.
 Греки и Римляне, которые въ своихъ сти-
 хотвореніяхъ всегда наблюдали сіе внѣш-
 нее убранство, совсѣмъ иначе о семъ ду-
 мали. По моему мнѣнію стихосложеніе
 есть поже, что въ живописи краски, а
 стихотворство мыслей то, что рисовка.
 Въ опроверженіе сего могутъ сказать
 намъ, что есть творенія исполненныя
 стихотворства мыслей, но писанныя про-
 зою, какъ и напротивъ сего не имѣющія
 стихотворства мыслей, но писанныя из-
 мѣреннымъ словомъ. Но кому неизвѣстно,
 что сіи обоого рода сочиненія, появив-
 шіяся уже въ позднѣйшія времена, суть
 произведенія, удалившіяся отъ общихъ
 правилъ и общаго вкуса ?

*) *Invenies etiam disjecti membra poetae.* HORAT.

§. 25.

И такъ понятіе о сущности стихо- Справед-
 шворства будещъ гораздо достаточнѣе и ливѣе мнѣ-
 опредѣлительнѣе, когда признаемъ за оную ніе шѣхъ,
 искусство живо изображать измѣренную кои полагаю ш ѣ
 рѣчью вымышленную самимъ стихошвор- сущность
 цемъ по образцу дѣйствительнаго изя- сп ш и хо-
 щества изящнѣйшую въ его мнѣніи природу. лворства
 Сіе опредѣленіе будещъ тоже, какое дающъ ѣ подра-
 стихошворству Платонъ и Аристотель, щ и о ѣ
 природѣ. копорые сущность его полагаютъ въ вы-
 мыслахъ. Ибо всякой вымыслъ есть не-
 что иное, какъ созданное силою мечтанія
 правдоподобное изящество, превосходнѣй-
 шее дѣйствительнаго, или, (чтобы ны-
 нѣшнимъ выраженіемъ сказать), всякой
 вымыслъ есть подражаніе изящной при-
 родѣ. Сверхъ того всѣ такіе вымыслы
 ничему другому не можно приписать,
 кромѣ возхищеннаго воображенія стихо-
 шворца, спарающагося привести въ воз-
 шоргъ воображеніе другихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О

СРЕДСТВАХЪ КЪ УСПѢХУ ВЪ
СТИХОТВОРСТВѢ.

§. 26.

О пособіяхъ стихотворства вообще. Не излишне ли будетъ разсмаширивать, какія дарованія и пособія нужны стихотворцамъ, когда древніе почти всѣ говорили, что стихотворцы бывающъ вдохновенны, отъ чего называли ихъ иногда божественными (*divinus*)*), иногда вѣщими**) или прорицателями (*vates*); и когда всѣ швердять, что вишію можно сдѣлаться, а стихотворцемъ должно родиться? Справедливо, что такое разысканіе не можеть дать пошребныхъ способностей тому, кто не получилъ ихъ отъ природы; но можеть намъ служить основаніемъ въ сужденіяхъ нашихъ объ

*) *Ingenium cui sit, cui mens divinior atque os magna sonaturum.* НОВАТ.

**) Такъ неизвѣстный сочинитель пѣсни о походѣ Игоря, безъ сомнѣнія не зная ни Гоція, ни Овидія, которъ именуеть себя прорицателемъ (*vates*), называетъ вѣщимъ Бояна, древнѣйшаго нашего стихотвора.

истинномъ стихотворствѣ; и вмѣстѣ показашь, способны ли мы къ оному, или нѣтъ *). А при томъ несправедливо было бы наше мнѣніе, естли бы все, что дѣлаешь стихотворцемъ, заключали единственно въ однихъ природныхъ дарованіяхъ. Много есть превосходныхъ пособій, копорыхъ приобрѣшеніе зависитъ отъ него самаго. Впрочемъ то, что называ-
 емъ вообще даромъ стихотворства (genie Какія дарованія составляютъ то, что называется даромъ стихотворства? poétique), заключается въ воображеніи, соображеніи и чувствительности души, которыя всѣ должны быть отличны, превосходны. Въ другихъ наукахъ съ посредственными способностями можно упражняшья, даже съ нѣкоторымъ успѣ-

*) Ежели выраженіе способно возпламеняшья, ежели сердце тотчасъ принимаетъ впечатлѣнія, ежели то и другое быстро сообщаютъ себѣ взаимно свои чувствованія, ежели слухъ столь нѣженъ, что чувствуетъ приятности измѣренной и согласозвучной рѣчи, ежели красота стихотворства поражаютъ весьма сильно, ежели душа, пришедшая въ восторгъ отъ великихъ онаго образцовъ, ощущаетъ благородное соревнованіе, копорое возноситъ ее выше самой себя, ежели чувствуемъ, что какъ скоро представимъ себѣ первоначальное только и содержащее сущность понятіе; то оно какъ бы само собою въ насъ раздражается, само себѣ даетъ красоты, жизнь, плодовитость: ежели отъ полноты души, отъ восторга чувствуемъ необходимость, нестерпніе произвести что нибудь, ежели

хомъ; но стихотворцу такой степени дарованія недостаточны; потому что читатель, представляя его, какъ бы предназначеннымъ, и по сему преимущественно обогащеннымъ для сего отъ природы, а припомъ позволивъ ему всѣ возможные способы къ возвышенію своихъ произведений, почитаетъ себя въ правѣ требовать, чтобъ онѣ были самыя совершенныя.

§. 27.

Для чего стихотворцу нужно представить предметъ всегда въ самой высокой степени свойственнаго имъ изящества. На изображение?

легко постигаемъ отношеніе отвлеченныхъ понятій къ чувственнымъ предметамъ, подъ коими они могутъ сокрыть истинный свой видъ, или лучше сказать, ежели оныя понятія рождаются въ умѣ уже въ одеждѣ таковыхъ изображеній, ежели вещи представляющя намъ сами собою съ привлекательнѣйшей и самой выгодной для живописца стороны, ежели особливо при представленіи предмета рождающаго спрасъ множество живыхъ чувствованій одно за другимъ рождятся, и одно какъ бы преслѣдуетъ другое въ душѣ: тогда можемъ быть уврены, что мы родились стихотворцами.

Huic Musae indulgent, hunc poscit Apollo.
 VIDA. Мармонтель въ Энциклопедіи подъ словомъ стихотворецъ.

сей конецъ ему нужно такое воображеніе, которое бы, такъ сказать, пропекало по всему сосставу предмета; которое бы могло замѣтить все, что въ немъ находится отличнаго, не опуская даже иногда самыхъ малозначущихъ въ другомъ случаѣ обстоятельствъ; которое бы способно было остановиться на пѣхъ его качествахъ, кои болѣе всего служатъ къ живѣйшему онаго изображенію; которое бы по семъ разложеніи предмета могло разлиться вокругъ его во всѣ направленія, и не опустить ничего, что къ оному имѣетъ отношеніе, на примѣръ, сходства, противоположенія, историческія или баснословныя преданія и проч. Отъ сего стихотворецъ не только будетъ богатъ свойственными сему искусству изображеніями, (содержащимися иногда въ пространныхъ описаніяхъ, а иногда въ одномъ краткомъ выраженіи), но еще въ своихъ изобрѣшеніяхъ будетъ новъ, и слѣдственно шѣмъ болѣе привлекателенъ. Впрочемъ усмотрѣть и собрать все, что есть изящнаго въ предметѣ стихотворенія, еще весьма недостаточно. Надобно все сіе подобно, какъ въ живописи дѣлается съ цвѣтами, подобрать одно къ другому; надобно все сіе соединить такъ, чтобы вышло изъ того цѣлое правдоподобное, то есть сколько возможно похожее на то,

Остроумное соображеніе?

что дѣйствительно есть въ природѣ. Ибо пошѣ только стихотворческій вымыслъ превосходитъ, котораго правдоподобіемъ чашаешь съ перваго раза какъ бываетъ очарованъ, что принимаетъ его болѣе за истинное нѣчто, нежели за мечтаніе; и хотя скоро попомъ узнаешь, что онъ обманушъ, однако весьма охотно прощаетъ сіе стихотворцу за то, что онъ обманулъ его приятно и искусно, даже желаетъ, чтобъ сія мечта была истинна. Для сего-то нужно стихотворцу проникательное соображеніе, сопровождаемое

Чувств-зрѣлымъ и опытнымъ разсудкомъ. Навишель-носшь души. конецъ что можешь произвести въ равнодушномъ и хладномъ сердцѣ стихотворца нравственное изящество? Оно, какъ скажешь, скользитъ по немъ, и не оставляетъ почти никакихъ по себѣ слѣдовъ. Какая же изъ такого сердца изліется рѣчь? Безъ сомнѣнія соотвѣтствующая его чувствованіямъ, сухая, хладная. Икакъ надобно стихотворцу, представляя нравственное изящество, сильно бытъ пронупу возвышеніемъ души въ предпріятіи, спеченіемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ и внутреннимъ усиленіемъ при произведеніи, величіемъ намбрения, съ какимъ начато дѣянiе и проч. Тогда слово его будетъ огненнымъ пошомъ, вливающимъ понкій пламень въ сердца другихъ людей.

Съ сими дарованіями стихопворецъ **О** пособі-
 долженъ соединить хорошее знаніе исто- **яхъ** сти-
 чниковъ стихопворческаго богатства. Они **хошворст-**
 сущь: познаніе вещественной природы и **ва,** коло-
 человекъ, произведенія лучшихъ, особливо **рья** быва-
 древнихъ стихопворцевъ, и даже худож- **ютъ** при-
 никовъ. Вещественная природа безпредѣль- **обръшае-**
 на пространствомъ и многоразличіемъ: **мы.**
 она часто изощраетъ свое богатство и
 искусство на украшеніе одного какого ни-
 будь существа; часто являетъ свои силы
 и помѣщаетъ свои прелести въ собраніи,
 многихъ одно къ другому подобранныхъ,
 одно съ другимъ сопряженныхъ существъ,
 составляющихъ какое нибудь великое цѣ-
 лое; иногда самыя изящныя качества смѣ-
 шиваетъ съ обыкновенными и даже часто
 съ отвратительными или ужасающими,
 какими оныя нерѣдко бывають сокрыты
 и какъ бы заглушены 1). Наконецъ иногда
 она изъ такого дикаго смѣшенія произ-
 водитъ нечто приятное, по крайней мѣрѣ,
 изумляющее: по сему безъ обширнаго и

-
- 1) Прекрасное зрѣлище извивающейся по мрач-
 ному небу молніи сопряжено со страхомъ
 грозящей опасности, и въ большей части
 людей сей страхъ подавляетъ все удоволь-
 ствіе, какое быстрый и излучистый блескъ
 сего небснаго огня доставляетъ хладно-
 кровному наблюдателю естества.

основательнаго познанія смѣшевой, связей, законовъ вещественной природы, какимъ образомъ стихотворецъ почувствуетъ, гдѣ есть истинное изящество, какого оно рода, степени, и проч? Какимъ образомъ онъ оидѣлитъ, очиститъ его отъ всего сторонняго, съ чемъ оно сопряжено въ естествѣ, и какой имѣть будетъ образецъ, по которому въ собственныхъ вымыслахъ правдоподобнымъ образомъ соединитъ въ одно цѣлое собранныя имъ ошовсюду частныя красоты? *)

§. 29.

О познаніи
человѣка.

Познаніе человѣка есть познаніе его нравовъ. Оно не менѣе необходимо, сколько и трудно. Сего рода наши дѣянія по большей части бывающъ какъ бы двуличны, но есть часто кажущся намъ совсѣмъ другими, нежели каковы въ самомъ дѣлѣ.

*) Первый законъ есть слѣдовать природѣ. Утверждайте свои сужденія на ея основаніяхъ, которыя всегда однѣ. Природа, которая никогда не погрѣшаетъ, которая всегда сіяетъ однимъ божественнымъ огнемъ, которая есть чистый, неизмѣняющійся, всеобщій свѣтъ, должна всему дать жизнь, силу, красоту. Она есть въ одно время и источникъ, и цѣль, и правило искусствъ. Изъ ея сокровищницъ искусства должны удовлетворять своимъ справедливымъ потребностямъ. Попе въ опытѣ о критикѣ, часть I.

То, что составляет ихъ внѣшность, всѣмъ явственно, и произшекая изъ открытыхъ всѣмъ побуждений, рѣдко содержитъ въ себѣ что нибудь льстящее нашему воображенію; напротивъ сего что составляетъ, шакъ скажешь, ихъ внутренность, большею частію бываетъ сокровенно, и корень свой имѣя въ самыхъ тайныхъ помыслахъ и ощущеніяхъ чело-вѣка, шѣмъ болѣе открываетъ насъ самихъ, и слѣдственно сильнымъ образомъ ласкаетъ или раздражаетъ наше самолюбіе. По сему безъ глубокаго знанія сокровенныхъ качествъ и разположеній чело-вѣческаго сердца какимъ образомъ стихотворецъ покажетъ намъ внутренность нравственнаго дѣянія, и гдѣ, кромѣ сего источника, почерпнетъ онъ швердое основаніе вымышляемыхъ имъ самимъ дѣяній сего рода? Иначе онъ, прошивурѣча дѣйствительнымъ ощущеніямъ сердца, не будетъ имѣть вида истинны. Какія же Средства къ снисканію такого познанія средства? къ приоб- рѣшенію Занимающіяся симъ сущъ науки и собшвен- ныхъ поз- ная опытность, приобретаемая долговре- ннаний. меннымъ и внимательнымъ наблюденіемъ. Науки покажутъ общія умозрительныя сего рода истинны *), а наблюденіе, у-

*) Стихотворецъ не обязанъ быть естествоиспытателемъ, а еще менѣе требовать

тверждался на нихъ, шѣмъ вѣрнѣе будешь судить въ частныхъ случаяхъ.

§. 30.

О познаніи Къ симъ пособіямъ стихотворецъ долженъ присовокупить еще знаніе превосходныхъ древнихъ стихотворцевъ. Въ нихъ найдешь онъ тысячи образцевъ быстраго, но всегда управляемаго разсудкомъ воображенія, возшорговъ непришворныхъ и непринужденныхъ, глубокаго знанія природы, и отъ того произходящей величественной нѣкопорою простоты и правдоподобія ихъ вымысловъ *). По шѣмъ же и художниковъ.

отъ него изслѣдованій свойственныхъ физикѣ, или изчисленій занимающихъ звѣздовѣдца: равнымъ образомъ его познанія сущности, нежели познанія философа: сей учається природѣ, чшобъ познать ее; шшобъ чшобы ей подражать; сей хочешь изяснять; шшобъ единственнo изобразить ее. Однако должно признаться, чшо глубокомысленныя изысканія философа, ежели не принадлежатъ стихотворцу, по крайней мѣрѣ весьма полезны ему. Физика въ отношеніи къ стихотворенію есть шже, чшо Анапомія въ разсужденіи живописи. Она не должна бытъ весьма явственнo видима въ стихотвореніи, но будучи одѣяна вымысломъ, сообщаетъ оному прелести правдоподобія. Зри Мармоншеля въ Енциклопедіи подъ словомъ стихотворецъ.

) Попе (въ опытѣ о кришикъ часть I) говоритъ: чшо когда Виргилій разсмотрѣлъ со вниманіемъ Гомера, шо нашель, чшо природа и Гомеръ были одно.

самымъ причинамъ новые художники весьма высоко ставятъ произведенія знаменитыхъ въ древности художниковъ, а стихотворецъ всегда найдетъ въ нихъ, чемъ можетъ воспользоваться; найдетъ слѣды пламеннаго воображенія, найдетъ выраженія возшорга, примѣры искусства, вымысловъ и украшеній, и проч: *). Правда, что художества въ сравненіи съ стихотворствомъ недостаточны тѣмъ, что онѣ всѣ, исключая музыку и пляску, не могутъ въ одномъ произведеніи представить цѣль слѣдующихъ одно за другимъ обстоятельствъ, но избираютъ изъ всего шокмо то, что должно происходить въ самое крашкое продолженіе времени. Однако избираютъ всегда самую изящную часть цѣлаго, въ кошорой, такъ сказать, сливаясь въ одно мѣсто всѣ силы воображенія, возшорга, спраши искусства и проч. Какой изобильный источникъ для стихотворства! Сверхъ сего живо изображенная художникомъ сія избранная имъ часть нечувствительно входитъ въ нашу мысль и прочія относящіяся къ тому же цѣлому части. И такъ новое еще для стихотворца богатство!

*) Какія на примѣръ, прекрасныя стихотворческія мысли могутъ родиться при видѣ памятника воздвигнутаго въ С. Петербургѣ Государю Императору ПЕТРУ I.

§. 31.

О вкусѣ Въ числѣ нужныхъ стихотворцу пособій справедливо полагается еще нѣжный и правильный вкусъ. Онъ руководствуетъ въ различеніи истиннаго изящества отъ мнимаго, общаго отъ частнаго, въ опредѣленіи рода и мѣры его, и вмѣстѣ рода и мѣры внушаемаго имъ возпора. Но предвидуція наши разсужденія о дарованіяхъ и познаніяхъ стихотворца заключающъ уже въ себѣ то, что должно бы при семъ сказать о вкусѣ. Ибо изящное всегда произведетъ свое дѣйствіе, то есть правильный возпоръ въ стихотворцѣ, соединяющемъ въ себѣ оныя дарованія съ и знаніемъ показанными познаніями. Гораздо нужнѣе **языка.** здѣсь упомянуъ о такомъ пособіи стихотворства, о кошоромъ немногіе говорятъ, и кое впрочемъ есть одно изъ необходимыхъ. Я разумѣю искусство владѣть языкомъ, на коемъ пишетъ стихотворецъ; искусство изобразить на немъ всякую ошѣнь мысли и чувствованія такъ, чтобы самое выраженіе служило писателю нѣкошорымъ средствомъ къ достиженію предполагаемой имъ цѣли и ко внушенію читателямъ преднамѣреваемыхъ ошущеній. Для сего стихотворецъ при основательныхъ понятіяхъ вообще о богатствѣ и бѣдности, о силѣ и слабости, о приащности и грубости человеческого

слова, обязанъ хорошо знать преимуще-
 ственныя качества и обстоятельства
 употребляемаго имъ языка; знашь перво-
 начальный его источникъ, его степени
 отъ самаго избраннаго до самаго проста-
 го, его нарѣчія отъ просвѣщеннаго до
 проспонароднаго, отъ общепринятаго
 до самыхъ областныхъ, а всего болѣе,
 что шокмо языкъ имѣетъ, или можетъ
 имѣть приятнаго или слуху въ составѣ
 своихъ реченій, или воображенію въ от-
 ношеніи знаменованія ихъ къ вещамъ ими
 выражаемымъ. Нѣтъ, скажутъ мнѣ, та-
 кого стихотворческаго сочиненія, которое
 бы требовало всѣхъ отличій языка, на
 коемъ оно писано: оно было бы чудовищ-
 ною смѣсью (*monstrum horrendum*). Правда,
 что каждому роду стихотворства сродна
 особливая степень языка; но чтобы знашь
 ее основательно, должно быть свѣдущимъ
 въ другихъ. Прочитавъ одну или двѣ оды
 Ломоносова, мы удивляемся искусству,
 съ какимъ онъ пользовался величіемъ, бо-
 гатствомъ, силою своего языка, и тѣмъ
 его преимуществомъ, что онъ произхо-
 дитъ отъ одного изъ прекрасныхъ язы-
 ковъ, то есть Славенскаго. Но въ письмѣ
 его о пользѣ стекла найдемъ, какъ бы
 другой уже Россійскій языкъ, который
 шакъ же изобиленъ, часто приятенъ, но
 гораздо ниже лирическаго его слова. На-

конецъ немногія написанныя имъ басни показывающъ, что онъ какъ бы не зналъ никакой другой степени языка, кромѣ простой; столько онъ свѣдущъ былъ въ ней. Тоже самое можно справедливо сказать о неподобныхъ съ сей стороны швореніяхъ Хемницера и Дмишріева; но кто повѣришь, чшобъ они пѣняя насъ самымъ простымъ нарѣчіемъ нашего языка, не знали хорошо другихъ его отраслей?

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О

ЦѢЛИ И ПРОИЗХОЖДЕНІИ
СТИХОТВОРСТВА.

§. 32.

Всѣ глубокомысленныя розысканія и Цѣль всѣхъ остроумныя открытія были бы дѣйстви- изобрѣше- ній и от- тельно шокмо пищею нашей суешности, к р ы т і й естли бы не служили ни къ какому по- должна со- стоятъ въ лезному въ нашей жизни умощренію. пользѣ.

Естли мы уважаемъ такія изобрѣненія ума, которыя при всемъ ихъ высокомъ достоинствѣ еще никакой не приносятъ намъ пользы; то по большой частѣ въ надеждѣ, что время и наше щаніе впредь покажутъ намъ оную. На семъ основа- Цѣль сти- хотворствъ. хотворствъ ва состо- вать должно судить и о стихотворствѣ. и ш ѣ в ѣ

Есть много благовоспитанныхъ людей, ко- и р а в - шорые, почитая достойными человекъ ственной отъ него упражнений шокмо шѣ, кои пипаютъ пользѣ. нашѣ разумъ и доставляютъ намъ суще- ственныя выгоды, почти за ничто счи- шаютъ стихотворство; потому что оно, по ихъ мнѣнію, только обольщаетъ наше воображеніе своими мечтаніями, и играетъ нашимъ сердцемъ, возпламеня въ немъ призраки спраспей. Сіе мнѣніе было бы справедливо, естли бы дѣйствіе сти-

хопворства надъ нами ограничивалось единственно приятнымъ занятіемъ нашего воображенія или сердца. Но сіи очарованія суть не иное что, какъ токмо употребляемыя стихопворствомъ средства доставишь намъ истинную и притомъ весьма важную пользу; средства извлеченныя изъ глубокаго познанія нравственной части чловѣка, и по сему приносящія честь чловѣческому уму. Ибо что можетъ бытъ важнѣе и благодѣтельнѣе, какъ впечатлѣвать въ душѣ живыя чувства добродѣтели и отвращенія къ пороку? Съ другой стороны коль трудно успѣть въ семъ предрїаніи, когда открытымъ образомъ стараемся о томъ. Тогда самолюбіе, личныя выгоды, тайныя склонности, долговременныя пристрастія и множество другихъ господствующихъ въ насъ чувствованій возстаютъ противу того, кто явно вооружается противу ихъ. Сіе обстоятельство заставило ревностныхъ попечителей о нравственномъ благоисканіи такихъ способовъ, которые, производя въ нашей душѣ намѣреваемое дѣйствіе, не раздражало бы явно сопротивляющихся онымъ внутреннихъ чловѣческихъ разположеній. Сіи способы наконецъ найдены въ общемъ рода чловѣческаго свойствѣ услаждаться всемъ, что обольщаетъ наше воображеніе, или размяг-

часть наше сердце, и отъ сего быть гораздо преклонѣе къ предложеніямъ другихъ, которыя въ иное время съ ожесточеніемъ отвергаемъ. Сіе счастливое замѣненное разположеніе нашей души есть источникъ и правило истиннаго стихошворства. Что оно употребляетъ всѣ сродныя ему средства пѣвнишь воображеніе и разпрогашъ чувствительность другихъ, сіе единственно для того, дабы съ сею приятною пищею дать непримѣтно вкусить сладость нравственнаго добра и горестъ зла.

§. 33.

На сей конецъ оно иногда пылкимъ словомъ выражаетъ живыя, наполняющія сердце стихошворства, чувства любви, удивленія и проч: къ добродѣтели; иногда представляетъ намъ въ примѣръ великихъ ироевъ не такихъ, какъ мы иногда видимъ, но какіе должны быть; иногда изображаетъ предъ нами по невинности борющуюся съ крайними обстоятельствомъ, по порокъ во всей обширности свойственныхъ ему изступленій; иногда какъ бы нарочно преселяется въ жилища простыхъ, невинныхъ людей, и живыми красками изображаетъ тихіе и добрые ихъ нравы, естественныя, удаленныя суетности склонности и крошкія неощадли-

Таковыя
цѣль одъ,
Поэмъ,
Трагедій,
Комедій,
Эпогъ

мыя отъ человеческого естества страсти; или лучше сказать, изображаетъ насъ такими, какими намъ быть должно; иногда наконецъ, чтобы не оскорбишь удобораздражаемаго самолюбія нашего, описывая наши пороки, вмѣсто насъ выводитъ на зрѣлище бессловесныхъ животныхъ и даже неодушевленные существа.

Стихотворство не должно угадывать пороку. Слѣдовательно стихотворецъ весьма далеко отступилъ бы отъ своей цѣли, если бы позволилъ себѣ всякими способами плѣнять наше воображеніе, и всякаго рода страсти производить въ нашемъ сердцѣ: напротивъ сего онъ долженъ возбуждать въ насъ токмо то, что оживотворяетъ нашу склонность къ добродѣтели, или отвращеніе къ пороку. *)

*) Весьма подробно и основательно рассуждаетъ о семъ (въ Энциклопедіи подъ словомъ Стихотвореніе, роѣте) кавалеръ Жюкуръ. Вотъ его рассужденіе. „Цѣль стихотворства есть нравиться, и нравиться воспаляя страсти. Но чтобы доставлять намъ совершенное и твердое удовольствіе, оно должно возжигать въ насъ такіа токмо страсти, которыхъ сильныя ощущенія намъ полезны, а не такіа, кои противны разсудку. Ужасъ внушаемый порокомъ, котораго слѣдствіями суть стыдъ, страхъ, раскаяніе, не говоря о другихъ наказаніяхъ; соболѣзнованіе о несчастіяхъ, котораго польза почти споль-

§. 34.

Сверхъ сего къ чести стихотворства еще надобно замѣтить, что оно посредствомъ своего искусства отвращаетъ насъ отъ, что спрости имѣютъ не приятнаго, и сохраняетъ между тѣмъ для насъ то, что онѣ имѣютъ полезнаго намъ.

Стихо-
творство
и збав-
ляетъ нѣ-
жныи
вкусъ отъ
того, чѣмъ
онѣ мо-

коже обширна, какъ и человеческій родъ; удивленіе великимъ дѣланіемъ, которое оспавляетъ въ нашемъ сердцѣ всегдашнее поощреніе къ добродѣтели; ироническая и слѣдственно правильная любовь; вошъ, по признанію цблага свѣта, тѣ страсти, которыми должно заниматься стихотворство, не съ тѣмъ произведенное, чтобы писать развращеніе своевольныхъ сердець, но чтобы бышь усладеніемъ доброжелательныхъ душъ. Добродѣтель, находящаяся иногда не на своей степени, всегда представляетъ намъ жалкое зрѣлище. Во глубинѣ самыхъ развращенныхъ сердець есть нѣкій гласъ, который всегда вопіетъ въ пользу оной.

Когда стихотворство оказываетъ услугу пороку, то оно дѣлаетъ себѣ безславіе. Своевольные стихотворцы сами себя унижаютъ. Несправедливо было бы, по крайней мѣрѣ показывало бы недостатокъ вкуса, если бы мы стали порицать красоты ихъ слова: но отнюдь не должно одобрять сочинителей, дабы чрезъ то не дать болѣе силы пороку. Сего недовольно: могло ли когда нибудь придти на мысль великимъ стихотворцамъ, чтобы ихъ шворенія, плодъ шоль долговременной неусыпности и шолкихъ трудовъ, служили единственно къ забавѣ легкомыслія суешныхъ

ж е ш ъ И вотъ какимъ образомъ. Спрасти будучи
 быль о- въ разсужденіи нашей нравственности
 скорбленъ. то, что нарушение равновѣсія въ рассу-
 жденіи жидкихъ тѣлъ, бываютъ источни-
 комъ необыкновенныхъ нашихъ усилій въ
 подвигъ добродѣтелей или пороковъ: но
 часто присутствіе предмета, возбуждаю-
 щаго въ насъ истинную страсть, весьма
 дорого стоитъ нашей чувствительности.
 Стихотворство, освобождая насъ отъ сей
 часто жестокой неприятности, вну-
 шаетъ намъ почти такія же къ добродѣ-

умовъ, или къ побужденію безчувственности
 какогонибудь празднолюбца. Если
 бы сіе было ихъ цѣлю, кто бы ихъ на-
 звалъ великими мужами?

Не должно однако изъ сего заключать,
 что стихотворство никогда не должно
 быль употреблено къ невинной забавѣ. Музы-
 сущъ веселаго нрава и всегда любящъ прият-
 ности. Но сіи меньшія стихотворенія
 почитаютъ болѣе плодомъ отдохновенія,
 нежели трудовъ. Онѣ обязаны оказывать
 людямъ другія услуги, людямъ, которыхъ
 жизнь не должна быть непрерывною за-
 бавою; а примѣръ природы, которую онѣ
 имѣютъ образцемъ, наспавляетъ ихъ не
 дѣлать ничего важнаго, не предполагивъ
 внушаемой благоразуміемъ цѣли, споспѣше-
 ствовашъ усовершенію тѣхъ, для коихъ
 онѣ трудятся. И такъ онѣ подражая при-
 родѣ въ ея основаніяхъ, ея вкусъ, ея дви-
 женіяхъ, должны такъ же подражать ей
 и въ томъ, что она всегда имѣетъ свои
 виды и свои намѣренія.

шли побужденія, какія производитъ истинная страсть. Оно представляеть намъ вмѣсто дѣйствительнаго предмета токмо подражательный его образъ, и слѣдственно вмѣсто истинной страсти родитъ подобіе оной, продолжающееся въ нихъ до полнѣ, доколѣ образъ предмета находится предъ нами, но послѣдующее, какъ уже сказано, такимъ же душевнымъ разположеніемъ, въ какое приводитъ насъ истинная страсть.

§. 35.

Противу сего могутъ быть предложены два возраженія. Во первыхъ, что скоропреходящею силою страстей, внушаемыхъ стихотворствомъ, должны въ одно время изглаждаться и тѣ въ разсужденіи добродѣтели и порока чувствія, копорья оно спарается произвести въ нашемъ сердцѣ; во вторыхъ, что въ самомъ дѣлѣ есть люди, кои любя по, что стихотворство имѣетъ пріятнаго, нимало не дѣлаютъ вниманія къ тѣмъ напавленіямъ, копорья сокрываются подъ прелестями стихотворенія. Первое изъ сихъ возраженій разрѣшится удобно, когда представимъ себѣ, что самые малосвѣдущіе чипашели или зришели стихотвореній явственно отличаютъ въ своихъ мысляхъ вымыслъ, обворожающій воображе-

Мнѣнія тѣхъ, кои не признаютъ нравственной отъ стихотворства пользы, несправедливы.

ніе или сердце ихъ отъ тѣхъ истиннѣ, кои соединены съ ними, и во внутренности своей души постигаютъ (хотя нерѣдко весьма смутно) цѣль того и другихъ: а отъ сего происходитъ такъ же, что всѣ просвѣщенные народы театръ почитаютъ училищемъ общенароднаго добронравія. Что касается до вшораго возраженія, то всякой признаетъ, что оное нѣкоторыхъ слабоумныхъ людей невниманіе къ тѣмъ наставленіямъ, которыя преподаетъ стихотворство, произтекаетъ единственно изъ собственнаго ихъ легкомыслія, или какого нибудь предубѣжденія, и по сему есть порокъ ихъ самихъ, а не стихотворческаго искусства.

§. 36.

Произхождение стихотворства.

Я опустилъ бы еще нѣчто принадлежащее къ общимъ о стихотворствѣ замѣчаніямъ и способствующее къ начертанію яснѣйшаго о немъ понятія, естли бы ничего не сказалъ о началѣ или происхожденіи онаго, тѣмъ болѣе, что изъясненіемъ сего занимались почти всѣ лучшіе изъ новѣйшихъ писателей о семъ искусствѣ. А что я говорю о томъ уже послѣ, вмѣсто того, что всѣ другіе предлагали въ началѣ своихъ разсужденій о стихотворствѣ, причиною сего то, что въ семъ случаѣ истинны, сообщаемыя мною,

будутъ, по моему мнѣнію, гораздо внятнѣе. И такъ въ разсужденіи произхожденія стихотворческаго искусства достойно вниманія то, что почти всѣ единогласно утверждаютъ, что оно родилось прежде прозаическаго витійства, такъ, что первоначальнаго произхожденія его должно искать не у благоустроенныхъ и просвѣщенныхъ народовъ, которые только усовершенствовали оное, но въ обществахъ самыхъ дикихъ *). Вотъ доказательства сего: что

*) Слѣдующія семь примѣчаній взяты мною изъ уроковъ о словесности Блера, изданныхъ на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ 1797. Томъ 3-й. стран. 141—152.

- 1) Весьма несправедливо думать, что стихотворство и музыка суть искусства, принадлежащія народамъ только просвѣщеннымъ. Источникъ ихъ содержишься въ природѣ чловѣка, въ какой бы странѣ, и въ какое бы время онъ ни былъ; но сіи искусства, подобно всѣмъ другимъ имѣющимъ свое основаніе на природѣ, были воздѣлываемы и при спеченіи благоприятствующихъ обстоятельствъ доведены до совершенства въ однихъ странахъ болѣе, нежели въ другихъ. И такъ, чтобъ открыть начало стихотворства, надобно искать онаго въ лѣсахъ и дикихъ мѣстахъ; надобно пренестися къ тѣмъ временамъ, когда люди были звѣроловами и пастырями, предавшими себѣ самую отдаленную древность

открытыя Европейцами житеди Америки, особливо Сѣверной, и нынѣ вновь открываемые дикіе островитяне во всѣхъ необыкновенныхъ и пакихъ, кои сильно поражаютъ ихъ, случаяхъ изъвѣляютъ свои чувствованія пѣснями, музыкою и пляскою, согласованными между собою 2). Что источникомъ того есть врожденное всѣмъ безъ изъятія народамъ свойство чувствовать впечатлѣніе отъ всего, что

и то состояніе, въ коемъ ихъ нравы имѣли еще первобытную грубость.

- 2) Человѣкъ рождается музыкантомъ и стихотворцемъ; Возжищеніе, которое было источникомъ стихотворческаго слога, прибрало свойственныя себѣ звуки, то есть способныя къ выраженію движеній радости, печали, удивленія, любви, гнѣва и проч. Дѣйствіе звуковъ надъ нами зависитъ частію отъ самой ихъ природы, частію же отъ ихъ подбора и соединенія, что производитъ приятныя ощущенія въ самихъ дикихъ народахъ. И по сему музыка и стихотворство имѣютъ одно начало; ихъ должны были родить одни обстоятельства. Ихъ соединили вмѣстѣ посредствомъ пѣсней; и пока сіе продолжалось, ихъ взаимное впечатленіе становилось время отъ времени болѣе. Первые стихотворцы пѣли свои собственные стихи; и сіе было источникомъ стопосложенія, то есть, размѣщенія словъ болѣе, нежели въ прозѣ, искусственнаго и приноровленнаго къ пѣнію или напѣву. Весьма вѣроятно, что слогапденіе въ своемъ началѣ было не столь

наполняешъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ или чрезмѣрнымъ огорченіемъ ихъ душу 3). Что въ каждомъ народѣ есть лю-

приятно; однако оно производило чувствія удовольствія; потомъ начали оному учиться, изъ сего мало по малу родилось искусство стихосложенія.

3) Съ самаго начала человѣческаго общежитія были случаи, которые заставляли людей собираться въ одно мѣсто, напримѣръ для празднованія чего нибудь, для жертвоприношеній, для общенародныхъ дѣлъ, и проч. Извѣстно, что въ сихъ собраніяхъ главныя увеселенія состояли въ музыкѣ, пляскѣ и пѣсняхъ. Всего болѣе мы видѣли въ Америкѣ сіе надъ ея жилищами, находящимися въ первобытномъ дикомъ состояніи. Всѣ путешественники свидѣтельствуютъ, что у народовъ сей обширной земли, особливо обитающихъ на Сѣверѣ, съ которыми мы (Англичане) имѣли болѣе дѣлъ, музыка и пѣсни, употребляемые ими въ собраніяхъ, доведены до нѣкотораго даже изсупленія; что тѣ, кои въ сихъ случаяхъ оказываютъ болѣе рвенія, дѣлаются народоправителями; что они употребляютъ пѣніе при празднествахъ ихъ богослуженія, при оплакиваніи общественныхъ или случившихся съ ними несчастій, при пошереніи какого нибудь своего свойственника, при изъявленіи радости о побѣдѣ, при прославленіи подвиговъ своихъ соотечественниковъ или своего яря, при взаимномъ убѣжденіи къ безпрепятственному сраженію и перенесенію съ непоколебимымъ мужествомъ (когда попадутся въ плѣнъ) мученій и даже самой смерти. Итакъ мы находимъ здѣсь

ди, которые обращаютъ въ свою пользу сіе общенародное разположеніе, и при помощи живѣйшаго воображенія и превосходнѣйшей чувствительности изображаютъ оныя общія или свои собственныя чувствованія предъ соотечественниками рѣзкимъ словомъ, дабы чрезъ то обратить на себя ихъ вниманіе, и заслужить отъ нихъ предпочтеніе 4). Что сіи изліянія возпорговъ суть первоначальныя стихотворенія; что по сей причинѣ исторія первобытнаго, то есть самага неуспроеннаго состоянія большей части народовъ заключается въ ихъ пѣсняхъ, содержащихъ въ себѣ или славословіе боговъ, или похвалу ироевъ, или дѣла предковъ, или описаніе какого либо народнаго

первоначальныя стихотворенія въ оныхъ грубыхъ изліяніяхъ, внушаемыхъ возпоргомъ или спрастію людямъ невѣжественнымъ, когда ихъ воображеніе бываесть разгорячено какимъ нибудь необыкновеннымъ приключеніемъ, или соединеніемъ ихъ въ общенародномъ собраніи.

- 4) Скиены и Гошеы часто избирали своихъ правителей и Царей изъ стихотворцевъ и Бардовъ. Ихъ первые историкки, каковъ Саксо-Грамматикъ, говорящъ, что они начальныя свѣдѣнія почерпнули изъ Руническихъ пѣсней. Извѣстно такъ же, коль высоко почитаемы были у Цельтовъ Барды, и коль великую они имѣли силу надъ

благополучія или несчастія, или правленіе власшителей, и проч. 5). Что наконецъ въ первыя времена Греціи жрецы, философы и законодатели, для овладѣнія душою другихъ, имѣли обыкновеннымъ орудіемъ спихошворство, соединяя иногда

народомъ въ Галліи, Бришаніи и Ирландіи. Они были спихошворцы и вмѣшавъ музыканты, какими и вездѣ бывали первые спихотворцы. Они всегда находились при особѣ народоправителя или Государя, прославляя великія его дѣянія, ошправляемы были во всѣхъ посольства и сношенія съ другими народами, и почитаемы были, какъ бы священными.

- 5) Судя по тому, что мною (говоритъ Блеръ) сказано, первыя произведенія словесности, дошедшія до потомства писменно или изустно, необходимо должны быть спихотворенія. Однѣ онѣ могли привлечь вниманіе людей, едва изшедшихъ изъ звѣроподобнаго состоянія. Надъ дикими, занимающимися всегда звѣроловствомъ или войною, не имѣютъ силы умствованія. Одна страсть къ музыкѣ или пѣснямъ могла побудить нѣкоторыхъ изъ нихъ стараться заставить себя слушать ихъ. Правители, или законодатели какого рода не могли употребить другихъ средствъ, когда хотѣли ихъ возпламенить или вразумить. Еще другое обстоятельство подтверждаетъ сіе, то есть, что однѣ сего рода произведенія могли дойти до потомства. Прежде изобрѣшенія искусства писать, однѣ пѣсни были памятуемы долго. По причинѣ слогападенія слухъ помогаль въ

оное съ голосомъ лиры 6). Что сіе продолжалось дошолъ, какъ Греки стали различашь мечшы, увеселяющія воображеніе, отъ познатій пишущихъ разумъ; что иногда испорики, философы, правовѣдцы и риторы, оставивъ свойственныи стихотворству образъ мыслей и рѣчи, начали писать каждый о своихъ дѣлахъ прозою, дабы писать со всею точностію, такъ что послѣ сего стихотворство сдѣлалось особеннымъ искусствомъ, и стало бытъ упоребляемо къ возхищенію воображенія или сердца другихъ.

§. 37.

Вѣроятнѣе, что **Всѣ показанныя обспоятельствва неоспоримо справедливы; но онѣ доказываютъ, по моему мнѣнію, не то, что стихотворство родилося прежде эпическаго, но то, что ежели оныя первобытныхъ**

семъ дѣлѣ памяти. Опцы научали дѣшей симъ пѣснямъ, пѣли ихъ съ ними, и такимъ образомъ впечатлѣвали оныя въ ихъ памяти.

- 6) Исторія предаеть объ Аполлонѣ, Орфѣѣ и Амфіонѣ, что они первые умягчили нравы людей, а Миносъ и Фалесъ по свидѣтельству Страбона кн. 10: пѣли вмѣстѣ съ лирою сочиненные ими законы.

временъ каждого народа полустихотворческія изложенія сильныхъ чувствованій или полезныхъ нравственныхъ и гражданскихъ истиннъ заслуживаютъ названія произведеній словесности; по онѣ содержатъ въ себѣ начало равно прозаическаго, какъ и стихотворческаго вѣтійства 7). И по сему справедливѣе, кажется мнѣ, будещь, ежели истиннаго ихъ обоихъ произхожденія будемъ искать уже въ тѣхъ временахъ, когда начали различать между собою сіи два рода краснорѣчія. А принявъ сіе предположеніе, трудно повѣришь, чшобы тѣ, которые хотѣли повелѣвать другими посредствомъ слова, начали сіе тѣмъ родомъ вѣтійства, который гораздо возвышеннѣе, и не сравненно болѣе пребуешъ дарованій какъ отъ сочинителя, такъ и отъ читателя, а припомъ и во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ для изтолкованія какихъ либо высокихъ истиннъ, неудобенъ. Сіе ка-

7) Въ первыя времена всѣ разные роды стихотвореній не были различаемы одинъ отъ другаго, какъ нынѣ: они всѣ были не что иное, какъ смѣшеніе не только различныхъ стихотвореній, но даже всѣхъ безъ изключенія родовъ словесности. Исторія, краснорѣчіе и стихотворство съ начала были одно и тоже. Вотъ, какъ говоритъ Блеръ, который впрочемъ утверждаетъ, что стихотворство родилось прежде вѣтійства.

жется было бы вопреки обыкновенному ходу всѣхъ нашихъ дѣлъ. Въспъ мнѣнія о началѣ стихотворства вообще. Что касается до произхожденія разныхъ его родовъ, о семъ предложено будетъ въ слѣдующей части.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

О

РАЗНЫХЪ РОДАХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

§. 38.

Разнообразныя отрасли стихотворствъ родилися также точно, какъ частіи всякой другой науки, то есть оппюдь не въ томъ порядкѣ, въ какомъ нынѣ ихъ намъ предлагаютъ, но какъ первобытные стихотворцы, слѣдуя внушеніямъ своихъ склонностей и руководству своихъ дарованій случайно ихъ находили. Одинъ изъ нихъ, какъ бы нечаянно, попалъ на такой, другой на другой, и такъ далѣе новый родъ стихотворенія такъ, что сіи, такъ сказать, безъ намѣренія изобрѣтатели разныхъ онаго родовъ нимало не мыслили о томъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать одно за другимъ ихъ изобрѣтенія *), какъ и всѣ тѣ, кои приобрѣли пер-

Общее по-
нятіе о
раздѣленіи
стихошво-
реній на
разные ро-
ды.

*) Древніе, говоритъ Сульцеръ (въ Энциклопедіи подъ словомъ стихотвореніе, роѣмк) не принимали на себя много труда въ разсужденіи сего (то есть раздѣленія стихотворства). Какъ скоро дарованія ихъ стихотворцевъ производили что нибудь новое,

выя свѣденія, составившія послѣ какую нибудь науку. Однимъ словомъ раздѣленіе стихотвореній на разные роды есть произведеніе позднѣйшихъ умовъ, основанное на томъ, что каждому, кто тѣмъ занимался, казалось сообразнѣе съ качествами дѣлимаго предмета.

§. 39.

Стихош-
воренія
раздѣля-
ются по
мнѣнію од-
нихъ на
два.

Отъ сего происходитъ, что стихотворенія раздѣляются различно. Нѣкоторые писатели правилъ стихотворства, принявъ за основаніе то, что предметомъ стихотвореній бываетъ что нибудь иногда предлагаемое воображенію, иногда же представляемое нашему взору, *) раздѣляютъ всѣ стихотворенія на два главныхъ рода, то есть на Эпическія и Драмагическія; относя къ первымъ всѣ тѣ произведения сего искусства, въ которыхъ стихотворецъ бываетъ явнымъ и непосредственнымъ наставникомъ нашимъ, такъ

то они потѣчасъ давали сему произведенію названіе по своему благоразсужденію, не заботясь о томъ, соотвѣтствуютъ ли оному существенныя качества того рода стихотворенія. Многія изъ такихъ новизнъ названы были сообразно болѣе наружному ихъ виду, нежели ихъ содержанію.

*) Aut agitur res in Scenis, aut acta refertur.

что предлагаемое имъ мы слышимъ, а не видимъ; а ко второму шб, въ которыхъ мы слышимъ не стихотворца, но шбхъ самыхъ, о коихъ идетъ рѣчь. Другое из-а по мнѣ-вѣрнѣйшее раздѣленіе стихотвореній нию дру-предполагаетъ четыре рода оныхъ; а и-гихъ на че-четыре рода.менно: 1) Эпическія, заключающія въ себѣ всѣ стихотворческія описанія и повѣстшвованія; 2) Лирическія, имѣющія главною цѣлю изображеніе спрасныхъ въ душѣ чувствованій; 3) Дидактическія, въ коихъ стихотворецъ сообщаетъ намъ какія нибудь свѣденія, или преподаетъ какія либо наставленія; и 4) Драмагическія, изображающія какое нибудь дѣйствіе такъ, что оно происходитъ предъ нами, по естѣ, что мы слышимъ и видимъ сами дѣйствующихъ въ ономъ лицъ, не имѣя нужды ни въ какомъ повѣстшвованіи стихотворца. *)

§. 40.

Слѣдовашь первому изъ двухъ показанныхъ раздѣленій я нахожу шо неудобство, что въ семъ случаѣ отдѣленіе перренія на вое, предлагающее объ Эпическихъ стихо-двѣ-пять ро-довъ, и по сему вторую часть

*) Иные предлагаютъ о разныхъ стихотвореніяхъ такъ, что начавъ самыми мѣлки-же отдѣлами изъ нихъ, поспешенно доходящъ до самыхъ большихъ. левій.

швореніяхъ, будеть не только несоразмѣрно велико въ сравненіи со вторымъ, но при томъ необходимо потребуеть еще нѣсколько подраздѣленій, которыя не всегда облегчаютъ вниманіе. И такъ послѣдуемъ второму, то есть сперва разсмотримъ стихотворенія Эпическія, потомъ Лирическія, послѣ Дидактическія, а наконецъ Драматическія. При семъ два обстоятельства достойны особливаго замѣчанія. Во первыхъ, что показанные, четыре рода стихотвореній не столько разнородны между собою, чтобы въ одномъ изъ нихъ не могъ имѣть мѣста другой претій и проч. и обратно; напротивъ сего каждый изъ нихъ почти обыкновенно бываетъ употребляемъ для украшенія другаго. А посему ни объ одномъ не можно рѣшительно сказать, что его прежде другихъ узнать необходимо нужно. Другое достойное замѣчанія обстоятельство относится особенно до стихотвореній Эпическихъ. Оно состоитъ въ томъ, что какъ Эпическая поэма, которая по сему раздѣленію должна принадлежать къ стихотвореніямъ тогоже имени, требуетъ столько изъясненій, что, судя по ихъ множеству и важности, должна нечувствительно произойти изъ того довольно значущая часть науки стихотворства; то на семъ основаніи я изъ правилъ о Эпической поэмѣ

составлю особое отдѣленіе, такъ, что сія вторая часть будетъ содержать въ себѣ пять отдѣленій; въ первомъ изъ нихъ предложено будетъ о стихотвореніяхъ Эпическихъ, во второмъ о Поемѣ Эпической, въ третьемъ о стихотвореніяхъ лирическихъ, въ четвертомъ о стихотвореніяхъ Дидактическихъ, а въ пятомъ о Драмашическихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

О

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ.

§. 41.

Эпическія спихотворенія, судя по ихъ содержанію, можно привести въ два главныхъ рода; къ одному опнесемъ шѣ изъ нихъ, въ коихъ сочинитель подобно художнику изображаетъ какое нибудь дѣйствительное или вымышленное существо, и копорыя по сему можно назвашь вообще описаніями; къ другому же роду шѣ, въ коихъ спихотворецъ подобно историкъ повѣствуетъ о какомъ нибудь дѣйствительномъ или вымышленномъ происшествіи, копорое или безъ всякаго предварительнаго намѣренія со стороны разумнаго существа слулилось, какъ напримѣръ землетрясеніе или естъ исполненіе какого нибудь предпріяшя принадлежащаго разумному, или предполагаемому разумнымъ существу. Сего послѣдняго рода Эпическія спихотворенія можно назвашь вообще повѣствованіями. Впрочемъ какъ описанія и повѣствованія въ разсужденіи употребляемаго въ нихъ спихотворческаго искусства много имѣютъ общаго; по я предложу здѣсь вообще о шѣхъ и другихъ.

§. 42.

И шакъ описанія и повѣствованія спи-Различіе
хошворческія не шокмо истинныя, но и сшихош-
вымышленныя въ разсужденіи главныхъ ворчес-
правилъ изобрѣшенія и разположенія сход- кихъ опи-
савшій и по-
свшуюшъ сѣ рипорическими; будучи въ вѣштова-
нній ошри-
прочемъ во многихъ другихъ ошношеніяхъ шоричес-
ошъ нихъ различны. *) Рипоръ и сшихо-

- *) Всякое повѣствование, говоритъ Баттіо, имѣетъ при существенныя достоинства: краткость, ясность и правдоподобіе. Краткость бываетъ соблюдена, когда удаляемъ такихъ подробностей, кошорыя не служатъ къ цѣли повѣствованія и далеки отъ содержания онаго; когда повѣствование оканчивается тѣмъ, чѣмъ оно дѣйствительно должно кончиться; когда не помѣщаемъ въ немъ ничего посторонняго, когда оставляемъ подразумѣвать другимъ то, что удобно можно выразумѣть, и когда убѣгаемъ повшореній; однимъ словомъ краткость состоитъ не въ томъ, чтобы сказать немного словъ, но чтобы сказать шокмо то, что нужно. Ясность повѣствованія зависитъ отъ того, когда все, что въ ономъ содержится, помѣщено въ своемъ мѣстѣ и въ надлежащемъ времени, и когда слова и выраженія будутъ употреблены присшойныя, почныя, естесшвенныя, недвузнаменательныя. Правдоподобіе же зависитъ отъ того, когда то, о чемъ повѣствуемъ, имѣетъ всѣ качества истинныя, то есть, когда время случай, мѣсто, дѣйствующія лица и проч. соотвѣтствуютъ главному содержанию повѣствованія, и шакъ же одно другому взаимно, и когда наконецъ судя по свойствамъ, какія приписуюшся вымы-

творецъ имбють въ нихъ цблію посредствомъ изчисленія избраннйшихъ обстоятельствоуь какого нибудь предмета дань ясное обв ономъ понятіе и сообщитъ сообразное сему ощущение. Но сія ясность гораздо болбе и сіе возбуждаемое чувствование гораздо живбе у стихотворца, нежели у вишии. Ясность свойственная описанію стихотворческому должна бышь такова, до какой бы иногда не достигъ чипатель, естльи бы онъ съ возможнымъ замбчаніемъ самъ разсматривалъ описанный предметъ, а сила внушаемаго ощущения иногда превозходитъ ту степень чувствования, въ какой оно производятъ въ насъ самыя предметы. *)

шленному существу, шотчасъ узнаемъ въ немъ шо истинное, которое посредствомъ онаго стихотворецъ хотблъ изобразить.

*) Таковы слбдующіе стихи въ стихотвореніи Г. Р. Державина извбстномъ всбмъ подъ названіемъ, *Водопадъ*.

Алмазна сыплеться гора
 Съ высотъ четьрема скалами;
 Жемчугу бездна и сребра
 Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
 Отъ брызговъ синій холмъ стоить,
 Далече ревъ въ лбсу гремитъ.

Подобная живость воображенія, свойственная стихотворческимъ описаніямъ, находишья

§. 43.

Первое изъ сихъ совершенствъ стихотворческаго описанія зависить отъ творческой силы воображенія, а другое отъ превосходной и непритворной чувствительности души. Истинно стихотворческое воображеніе всегда находить въ своемъ предметъ такія свойства, которыя по причинѣ своей новосты, отличности и, что всего болѣе свойственно стихотворческому творенію, величайшаго сходства съ дѣйствіями вещей на наши чувства возбуждають самое широкое вниманіе, и разгорячаютъ дремлющее воображеніе. Вотъ образецъ сего искусства :

Източникъ живыхъ и сильныхъ описаній и повествованій.

въ слѣдующихъ стихахъ, взятыхъ изъ такъ названной лирической поѣмы, *спасенная Россія*.

Съ высотъ Саянскихъ мѣдныхъ горъ,
Стоящихъ спражею Байкалу,
Бѣгутъ вѣтвистыя струи.
И Лена славная изъ рѣкъ,
Еще младенецъ безъизвѣстный,
Отважный воспримлетъ бѣгъ.
Возрасши въ силу совершенно,
Вбѣгаетъ въ бездну устращенну,
Далече гонитъ вѣчны льды.

Приводя здѣсь сіи стихи въ примѣръ, я не вхожу никакъ въ сужденіе какъ о цѣломъ стихотвореніи, изъ коего они взяты, такъ и о прочемъ до онаго принадлежащемъ.

Драгимъ уборомъ покровенны
 Лешашъ быстрѣе снрѣль кони ;
 Брозды ихъ пдной оловенны ;
 Сверкаютъ изъ ноздрей овни ;
 Крутятся, топаютъ бурливы ;
 По втпру долги вдутъ гривы ,
 Копыта мещутъ вихрель персть :
 На нихъ подвижники избранны
 Текутъ въ спези пескомъ ушланны ,
 Спремашся чесши храмъ ошверзшь .
Петровъ на карус.

И л и :

Гдѣ обелискъ швой ? мы незнаемъ ,
 Гдѣ даже прахъ швой былъ зарышь ,
 Увы ! онъ вепремъ попяраемъ ,
 Или *Остакъ по немъ бджитъ*
За ланью быстрой и рогатой ,
 Прицѣлясь къ ней снрѣлой пернатой .
Г. Дмитриевъ Ермаку.

§. 44.

Причины Напрощивъ сего спихотворецъ съ по-
 описаній и средспвеннымъ воображеніемъ почти обык-
 повѣствованій сла- новенно ссоставляетъ свое описаніе изъ
 быхъ. обшояшельствъ общихъ, то есть весьма
 многимъ подобнымъ существамъ прили-
 чныхъ, не усматривая въ своемъ предметѣ
 почти ничего новаго, ничего ему одному
 собспвенно принадлежащаго, какъ бы тѣ,
 которые писали прежде его о томъ, шакъ
 изчерпали все, что ему ничего уже не
 оставили. А отъ сего происходитъ, что

онъ часто старается замѣнить сей недостатокъ звучными, но ничего отличнаго не значущими словами и выраженіями *). Такое описаніе, сообщая о предметѣ слабое, не отличающее и, такъ сказать, не выставляющее онаго впередъ другихъ понятіе, производитъ и ощущение сему соразмѣрное. Поелику воображеніе и чувствительность души сообщаютъ одно другому свои впечатлѣнія не иначе, какъ въ той степени, въ какой чувствуетъ его сообщающее дарованіе души.

§. 45.

Откуда же, спросятъ, стихотворецъ можетъ заимствовать разительную ясность и силу въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ вымышленныхъ? Какъ предметомъ ихъ обыкновенно бываетъ родъ (genus), по сочинителю изображаетъ его посредствомъ присвоенія ему свойствъ, дѣйствій и проч. принадлежащихъ видамъ или умонераздѣльнымъ (individuis) онаго.

*) Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму Не выдумать и въкъ: зари багряны персы,
И райской кринь, и фѣбъ, и небеса отверзшы.
Такъ громко, высоко ! А ибѣ, не веселишь,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелишь.

Г. Дмитриевъ.

Въ семъ случаѣ онъ имѣетъ особенную необходимость въ дарѣ стихотворства, дабы не могло ускользнуть отъ него ничего такого, что въ частныхъ понятіяхъ способно содѣлать возмозночувственнымъ понятіе отвлеченное. Такое присвоеніе роду качествъ, принадлежащихъ видамъ или умонераздѣльнымъ, дѣлаетъ описаніе болѣе вѣроятнымъ, то есть дѣйствующимъ на чувства или воображеніе: поелику при представленіи каждаго приписуемаго роду свойства представляется намъ пошъ видъ, у коего оно занято, а отъ сего вымыслъ кажется истинною.

Особенныя
правила и-
зобрѣше-
нія для
стихо-
творче-
скихъ опи-
саній и по-
вѣствованій.

§. 46.

Сверхъ сего общаго правила о стихотворческомъ изобрѣшеніи, есть еще нѣкоторыя, не менѣе способствующія къ живости и ясности описанія. Я упомяну о главныхъ изъ нихъ.

1. Помѣщашь существа разумныя.

1) Стихотворецъ въ описаніяхъ неодушевленныхъ вещей, подобно живописцу видовъ или ландшафтовъ, всегда, такъ сказать, оживотворяетъ ихъ вмѣщеніемъ въ нихъ какого либо разумнаго существа, имѣющаго къ нимъ близкое отношеніе. Такъ напримѣръ, на рѣкѣ плывущія суда съ людьми; на горахъ пастуховъ; на поляхъ землелашцевъ, прудящихся

и проч. Таковы приведенныя выше два описанія.

2) Стихотворецъ въ описаніяхъ, 2. Искусно
какъ и вездѣ, въ употребленіи прилага- избирашь
тельныхъ бываетъ весьма разборчивъ; онъ прилагательныхъ.
избираетъ такія только, которыя столько
много придаютъ значенію существитель-
ныхъ, что безъ оныхъ сіи не произвели
бы иногда и половины своего дѣйствія.
Напримѣръ:

Тамъ коня бурными ногами
Взвивающъ къ небу прахъ густой;
Тамъ смерть межъ Готескими полками
Бѣжитъ, явась, изъ строя въ строй,
И алму челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый изшоргая духъ.

Г. Ломон. во 1-й одѣ.

Или:

Въ колетѣ вохряномѣ и въ длинныхъ сапо-
гахъ,
За круглымъ столикомъ дрожащимъ съ тай-
ной ташкой.

Г. Дмитріевъ въ повѣсти, Пригудница.

3) Чтобы описуемый предметъ сдѣ- 3. Сдѣлашь
лать болѣе чувственнымъ, стихотворецъ описуемый
дастъ ему такія свойства, которыя пред- предметъ
ставляютъ его намъ умонеразбѣльнымъ, чувствен-
нымъ.

(не смотря на то, что онымъ иногда бываетъ родъ,) опредѣляя, напримѣръ, его мѣсто, и проч. Такъ говоритъ Г. Державинъ въ одѣ Фелицѣ.

Тамъ славной окорокъ *Вестфальской*,

Тамъ звеня рыбы *Астраханской*,

• *Шампанскимъ* вафли запиваю.

4. Укра- 4) Часто стихотворческія описанія
шашь ихъ и повѣствованія присобрѣтаютъ особенное
шакъ на- нѣкоторое совершенство опъ того ритор-
зы ваемы- нѣкакого украшенія, которое Французы назы-
ми выра- скаго украшенія, которое Французы назы-
зипельны- ваютъ images, а мы назвали выразишель-
ми мысля- ными мыслями. Оно дѣйствительно со-
ми. споишь изъ такихъ изображеній какого
либо предмета, которыя показывая намъ
весьма немногія онаго свойства, и слѣд-
ственно будучи весьма крашки, при всемъ
помъ столь живо начерпываютъ его въ
нашемъ воображеніи, что какъ бы онъ въ
то время сильно дѣйствовалъ на наши
чувства. Такая, шакъ сказать, рѣзкость
сихъ изображеній происходитъ опъ того,
что стихотворецъ составляетъ ихъ изъ
такихъ свойствъ, особливо дѣйствій и
спраданій описуемаго предмета, коими
онъ самъ приведенъ былъ въ восхищеніе,
не упустивъ замѣнить ихъ въ то самое
время, и выразивъ ихъ шѣми словами,
копорыя тогда же вмѣстѣ съ мыслями и

ощущеніями его родилися, изображенія сего рода будучи болѣе спискомъ истинной природы, нежели произведеніемъ искусства, отъ сего самаго особливую имѣютъ силу и выразишельность. Приведемъ нѣсколько примѣровъ сихъ изображеній:

Какъ сильный левъ спада волковъ,
 Что кажутъ острый рядъ зубовъ,
 Очей горящихъ гонитъ страхомъ.
 Отъ рева лѣсъ и брегъ дрожитъ,
 И хвостъ песокъ и пыль мушитъ,
 Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

Г. Ломоносовъ въ 1-й одѣ.

И л и

Въ безпамяшствѣ, куда ихъ страхъ влечетъ,
 несутся,
 И стрѣлы въ ихъ хребтахъ вонзенныя тря-
 сущся.

И л и

Свистъ ядръ, оружія шрескъ, ревъ машинъ,
 звукъ броней,
 Сражающихся крикъ и ржаніе коней,
 Вязгъ, шопотъ, шумъ и вопль до облакъ
 раздаются.

*Г. Петровъ въ поэмѣ на побѣды Рос-
 сійскаго воинства.*

§. 47.

Что касается до расположенія спи- О располо-
 хотворческихъ описаній и повѣствованій, женіи спи-
 шо онѣ бывають располагаемы, какъ уже х о ш в ор-
 сказано, по пѣмъ же правиламъ, по какимъ писаній и
 ческихъ о-

повѣствованій - и риторическія. Исключаются однако тѣ изъ нихъ, коихъ содержаніемъ бываетъ какое нибудь дѣйствіе, и кои непременно должны состоять изъ трехъ частей, то есть предпріятія, самаго дѣйствія и окончанія. Однако и въ семъ случаѣ должно быть не иное, какъ естественное, соотвѣтствующее времени разположеніе: ибо прошивоестественно было бы говорить прежде о дѣйствіи, а шѣмъ болѣе объ окончаніи онаго, не сказавъ ничего о предпріятіи, или сказавъ объ ономъ послѣ.

§. 48.

О выраженіяхъ и украшеніяхъ стиховъ и повѣствованій. Въ разсужденіи выраженій и украшеній, какія пристойны стихотворческимъ описаніямъ и повѣствованіямъ, надобно замѣтить, что сіе зависитъ отъ ихъ содержанія. Есть такія изъ нихъ, которыя требуютъ низкаго, иныя средняннаго, а нѣкоторыя даже и высокаго слога. Но какого бы рода ни былъ онъ, стихотворецъ всегда долженъ извѣстныя избраннѣйшими, принадлежащими къ оному, выраженіями, то есть сообразно тому, какъ показано въ §. 29.

§. 49.

О употребленіи описаній и повѣствованій. Употребленіе описаній и повѣствованій въ стихотвореніяхъ есть прояко. Большею частію онъ бываетъ помѣщаемы

въ пространныхъ сочиненіяхъ для украшенія оныхъ, но нерѣдко составляютъ, особливо повѣствованія, цѣлое стихотворческое сочиненіе, называемое однако другимъ какимъ либо именемъ. Таково превосходное твореніе Овидія, извѣстное подъ именемъ Превращеній; таковы на Россійскомъ языкѣ поэма Г. Пепрова на побѣды Россійскаго войска, Г. Дмипріева слѣдующія стихотворенія: Модная жена, Воздушныя башни, Карпина, Причудница. О стихотвореніяхъ сего рода проспраннѣе будетъ предложено ниже.

§. 50.

Къ стихотвореніямъ, копорыя въ су- Какія сти- ществѣ своемъ суть не иное, чѣмъ какъ х о ш в о р е- нія при- описанія, принадлежатъ надписи, разные ^{надлежатъ} роды эпиграммъ и загадки. Надпись есть къ описа- ніямъ? ^{Надписи.} красное чего либо замѣчательнаго описаніе, состоящее изъ явственнаго изображенія такихъ описуемаго предмета принадлежностей; коими онъ болѣе всего привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Слѣдовательно предметомъ надписи можетъ быть все, что только заслуживаетъ особое вниманіе, напримѣръ, достопримѣчательное зданіе, памятникъ, необыкновенный человекъ, примѣрное дѣяніе, и проч. Надписью сіе сочиненіе называется по тому, что оно дѣйствительно бываетъ написано иногда на своемъ предметѣ, иногда же

на изображеніи представляющемъ оный; или по крайней мѣрѣ дѣлается въ такомъ видѣ, какой бы оно имѣло, еспь-либъ было въ самомъ дѣлѣ написано на своемъ предметѣ.

§. 51.

**Источники изобрѣ- Источники изобрѣшенія для надписи
женія для служашъ самая принадлежности изобра-
надписей: жаемаго предмета. Надобно только сочи-
нишело употребишь свое остроуміе, чпо-
бы замѣтишь, чѣмъ онъ болѣе отличает-
ся отъ другихъ ему подобныхъ, или чѣмъ
производитъ надъ нашимъ воображеніемъ
г. Свой- или сердцемъ разительное дѣйствіе. Та-
ства пред- кія принадлежности предмета надписи
мета. сущь иногда собственено такъ называемыя
свойства онаго, какъ напримѣръ въ слѣ-
дующихъ двухъ надписяхъ:**

Природа какъ себя на свѣтѣ производила,
На шо изтощена была ѣя вся сила,
Дабы ниодного паланша не отняшь.
Великъ былъ Твой Отецъ, была прекрасна Мать;
Герой себя родилъ, носила Героиня;
Какой бытъ долженъ плодъ? не иной, какъ Богиня.
Но сколько смертныхъ Ты превыше почтена,
Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна;
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедрою сіяешь.

*Г. Ломоносовъ Государынѣ Императрицѣ
ЕЛИСАВЕТѢ по случаю маскарада.*

Съ цвѣшущей младости до сребреныхъ власовъ
 Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ,
 Таланпу каждому покровъ,
 Почтенъ, доступенъ и любезенъ.

Г. Дмитріевъ И. И. Шувалову.

Иногда дѣйствія предмета надписи ^{2.} Дѣйстви-
 составляющъ содержаніе оной, напри- ^{вія} пред-
 мѣръ : ^{меша.}

Суворова здѣсь ликъ искусство начертало,
 Да вѣдающъ его грядущи времена :

Едина Царства имъ не спало,
 А шремъ корона ошдана.

Г. Дмитріевъ.

Сойди къ намъ, Златоустъ, оставивъ небеса :
 Достойна швоего здѣсь зрѣнія краса.
 Петрова Дщерь шебъ корабль сей посвящаетъ,
 И именемъ швоимъ все море наполняетъ.
 Когда ты пойдешь вѣ пушь на немъ между валовъ,
 Гремь прошивъ ея зависливыхъ враговъ.
 Златыми прежде ты гремѣлъ вѣ церквахъ устами,
 Но пламенными впредь звучи вѣ водахъ словами :

*Г. Ломоносовъ на спускѣ корабля имен-
 нцамаго : Иоаннъ Златоустъ.*

Иногда причина дѣйствующая, ино- ^{3.} Причины
 гдаже конечная дающъ сочинишело над- ^{пред-}
 писи мысли, напри ^{меша.} мѣръ :

Парисъ и Марсъ, — о томъ ни слова,
 И Апеллесъ когда хотѣлъ,

*

Меня выдали безъ покрыва :
Но какъ увидѣлъ Пракситель ?

*Изъ Антологіи къ Венериной статуѣ,
переводъ Г. Дмитриева.*

Какой ужасный , грозный видъ !
Мнѣ кажешся, лишь скажешь слово,
Законы, проишь, все пасшь гошово.
Не бойшесь ! онъ на дождь сердитшъ.

Г. Дмитриевъ.

4. **Обстоятельства** Бываютъ такъ же надписи, состав-
ленные изъ обстоятельствообразующаго
предмета. предмета, какъ слѣдующая:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рои, въ ночь потокъ сверкающій въ долину,
Надъ печкой соловей, при Граціи въ каршинѣ :
Вошь все его добро . . . и счастливъ! онъ поѣтъ.

5. **Разныя** Иногда наконецъ сочинитель надписи,
в другъ замѣтивъ не одно, но нѣсколько разно-
принадле- родныхъ опличительныхъ принадлежно-
жностей родныхъ опличительныхъ принадлежно-
предмета. стей изображаемаго предмета, помѣ-
щаетъ ихъ всѣ въ одной. Такъ составле-
ны слѣдующія двѣ надписи:

Гора, что горизонтъ на сушъ закрывала,
Внезапно съ берега на быстринус бѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ.
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ шѣхъ чудесъ.

Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чужь сидѣли,
Когдабъ Великаго Петра мы не имѣли.

Г. Ломоносовъ на спускѣ Корабля именованнаго : С. Александръ Невскій.

Колоесъ Родосскій, свой смири надменный видъ,
И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе щитаться чудесами:
Вы смертныхъ бранными сошворены руками.
Не рукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божию изъ устъ ЕКАТЕРИНЫ,
Во градъ Пешровъ прешла чрезъ Невскія пучины,
И пада подъ стопы Великаго ПЕТРА.

Г. Рубанъ на камень, составляющій подножіе памятника ПЕТРУ I-му воздвигнутаго въ Санктъпетербургѣ.

§. 52.

Со изображеніемъ описуемаго предмета почти всегда соединена бываетъ такая мысль, въ которой мы находимъ вмѣстѣ и остроуміе сочинителя, и по отличное о предметѣ надписи понятіе, или къ оному чувствованіе, какое онъ хочетъ произвести въ насъ симъ небольшимъ швореніемъ. Мысль сія, которая иногда бываетъ заключеніемъ онаго, иногда же слиша съ его содержаніемъ, и по большой части, какъ бы въ половину только выражена, должна имѣть такую связь съ изображеніемъ предмета, что сочинитель какъ бы не могъ не соединить ее

О замысловатой мысли въ надписи.

съ онымъ, то есть чтобы казалось, что надпись дѣлана не для того, дабы сказать сію мысль, но сія мысль произведена въ сочинителѣ единственно содержаниемъ надписи. Сверхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, въ коихъ сіе явственно видно, вотъ еще образецъ:

Infelix Dido, nulli bene nupta marito:

Hoc pereunte fugis, hoc fugiente peris.

То есть: несчастная Дидона, ни съ однимъ мужемъ неимѣвшая удачнаго брака! Одного смерть принудила тебя бѣжать, другого побѣгъ заставилъ тебя умереть.

§. 53.

До стои-
ства слога
надписей.

Ясность, краткость, правдоподобіе, и особенно естественность слога составляютъ достоинства сего малаго сочиненія. Какъ оно дѣлается съ тѣмъ предположеніемъ, что всякой, кто будетъ его читать, будетъ читать мимоходомъ; по сему оно должно быть кратко и ясно. При всемъ томъ краткость надписи неразрывно бываетъ соединена съ сильнымъ слогомъ такъ, что многія въ ней реченія такого рода, что каждое изъ нихъ объемлетъ нѣсколько важныхъ понятій. Отъ сего происходитъ, что бывають надписи въ двухъ или трехъ словахъ состояція,

но заключающія въ себѣ обширный смыслъ,
каковы суть слѣдующія:

ПЕТРУ I. ЕКАТЕРИНА II.

Или: *Laeso militi et invicto.*

То есть: раненому, но непобѣжденному
воину.

Что касается до правдоподобія, то сочинитель до невѣроятности увеличившій или унизившій свой предметъ лишается у читателя довѣрія, и слѣдственно того дѣйствія, какое онъ хотѣлъ произвести въ немъ своею надписью. Наконецъ естественности слога сіе сочиненіе пребудетъ по тому, что оно должно казаться не произведеніемъ размышленія и труда, но изліяніемъ рожденныхъ предметовъ онаго въ сочинитель впечатлѣній. Впрочемъ въ шакомъ маломъ сочиненіи, какова надпись, никакая вообще погрѣшность непрощительна.

§. 54.

Къ надписямъ принадлежитъ Эпиша-Эпитафія. фія, то есть надгробіе, показывающая самымъ именемъ своимъ опредѣленное ея употребленіе и нѣкоторыя собственно ей свойственныя правила. Сочинитель надгробія долженъ въ немногихъ весьма словахъ дать ясное понятіе объ усопшемъ

изобразивъ, что есть опличнаго въ его или нравственности, или дѣлахъ. Когда онъ намѣренъ показать свой предметъ съ похвальной стороны, то сверхъ оспроумія долженъ показать благородную чувствительность и нѣжность души, а въ случаѣ великихъ дѣлъ усопшаго возвышенное чувство: напрошивъ сего въ надгробіи, изображающемъ свой предметъ со стороны пороковъ или недоспашковъ, стихошворецъ соединяетъ остроуму съ колкостью, въ которой однако не должны имѣть участія ни злость, ни пристрастіе.

Таковы слѣдующія надгробія:

Когда и дружество струило слезъ попоки,
 На мраморъ сіи начершывая строки,
 Чшожъ должны чувствовашь, увы, отецъ и мать?
 О небо! и дѣшей ужасно намъ жедашь.

Г. Дмитріевъ.

Суворовъ здѣсь лежитъ. Кшо онъ? иные скажутъ.
 Но Висла и Римникъ шо всякому докажутъ.

Въ надеждѣ будущихъ талантовъ
 И вѣчныхъ за стихи наградъ
 Родитель спитъ здѣсь фоліаншовъ,
 Умершій послѣ чадъ.

Къ Эпифаніямъ принадлежатъ еще
 такъ называемыя Кеношафіи. Все ихъ

различіе отъ Эпитафій состоишь въ томъ, что онѣ были изображаемы древними на гробницахъ пустыхъ, то есть не содержащихъ въ себѣ тѣла покойнаго, коего по роду смерти имѣть не можно было.

§. 55.

Чтобы яснѣе выразумѣть, что есть **О Эпиграмма**, то полезно напередъ замѣ- **рамѣ вообще.**
 шить два обстоятельство, первое, что надпись была поводомъ къ изобрѣшенію оной; второе, что находящаяся въ надписи замысловатая мысль не составляетъ, какъ я уже сказалъ, цѣли ея, то есть не изображеніе, содержащееся въ надписи, дѣлается для замысловатой мысли, но сія для изображенія. Напротивъ сего когда разсудили дѣлать надписи шакъ, что ея цѣлю сдѣлали не то, чтобы изобразить предметъ, но чтобы сказать о немъ что нибудь остроумное или замѣчательное шакъ, что описаніе онаго единственно стали дѣлать для того, чтобы сказать шакую остроумную: то надпись измѣнилась въ особый родъ стихотворческаго сочиненія, который названъ эпиграммою. По сей причинѣ большая часть о семъ писателей говорятъ, что эпиграмма есть **Опачіе Эпиграммы отъ надписи.**
 не что иное, какъ шонкая и замысловатая мысль, удачно выраженная немногими словами, разумѣя, что чашатель бы-

ваеиъ приготоуленъ къ сей мысли предварительнымъ изображеніемъ шого предмета, о которомъ она будетъ сказана. Другое обстоятельство, которымъ эпиграмма отличаетъ отъ надписи, есть то, что сія послѣдняя пишется или дѣйствительно съ тѣмъ, чтобы ей быть написанной на ея предметъ или на изображеніи онаго, по крайней мѣрѣ имѣетъ шаковую наружность: но предметомъ эпиграммы весьма часто бываетъ то, на чемъ написать ее не можно, какъ напримѣръ семейственныя добродѣтели или пороки и проч.

§. 56.

Эпиграмма Изъ предвѣдущаго явствуетъ: 1. что, **и мѣшъ** эпиграмма, какъ ни кратка, имѣетъ двѣ **двѣ части,** эпиграмма, какъ ни кратка, имѣетъ двѣ **и какія до-** части, предложеніе и замыслъ, и что пер- **стоинства** вая изъ нихъ есть изображеніе предмета **первой изъ** эпиграммы, а вторая содержитъ ту мысль, **нихъ?** о коей выше говорено; 2) что хотя эпиграмма въ семъ, а равно и въ другихъ главныхъ своихъ качествахъ весьма сходствуетъ съ надписью, но въ оной первая ея часть должна быть, такъ сказать, подчинена второй, то есть должна содержать въ себѣ единственно то, что нужно для оной, и быть написана такъ, какъ требуетъ сія; 3) что на семъ отношеніи предложенія къ замыслу имѣютъ свое основа-

ніе почти всѣ частныя правила эпиграммы. Мысли въ ней для предложенія хотя изобрѣпають изъ тѣхъ же источниковъ, изъ кошорыхъ и для изображенія предмета надписи, но въ эпиграммѣ онѣ должны бытъ шакovy, чшобы пригошовляли насъ къ замыслу; должно бытъ ихъ шолько, сколько шребуешся для шого, чшобы замыслъ былъ вразумителенъ. Въ семъ состоишь крашкость, свойшвенная предложенію эпиграммы: ибо помѣщенныя въ немъ шакія обстоятельшва, безъ коихъ замыслъ можеть бытъ вяшенъ, лишаютъ всю эпиграмму ея цѣны; тогда предложеніе, содержащее въ себѣ нѣкопорыя излишнія мысли, наносишь излишній шрудъ читателю, а чрезъ шо отнимаешь нѣсколько приятности, кошорую долженъ принести ему замыслъ. Наконецъ ясность, какой шребуешъ изображеніе предмета эпиграммы, должна бытъ въ шакой шепені, чшобъ не могла обратишь на себя вниманія читателя болѣе, нежели самый замыслъ.

§. 57.

А по сему онъ шѣмъ болѣе долженъ имѣшь достоинствъ. Многіе въ числѣ правилъ эпиграммы показываютъ шѣ источники, изъ коихъ ея сочинители почерпають мысли для замысла; но я оставляю сіе по шому, что я имѣлъ уже случай го-

Достоинства второй части эпиграмы, по есть замысла.

ворить пространно объ отличныхъ мысляхъ, которыя въ существѣ своемъ суть шаковы, какихъ пребуешь замыслъ эпиграммы. И такъ обращаюся къ главнымъ достоинствамъ сей ея часши. Онѣ суть непринужденность, непришворность и сильная краткость. Непринужденность состоитъ во первыхъ въ шакой связи замысла съ предложеніемъ, чтобы казалось, что сказавъ первое, не можно было не сказать втораго, при всемъ томъ, чтобы сія связь не прежде намъ открылась, какъ по проченіи уже всей эпиграммы такъ, чтобы читатель, читая предложеніе, былъ еще въ неизвѣстности, чѣмъ кончится эпиграмма. Непринужденность замысла эпиграммы состоитъ еще въ томъ, что изобрѣшеніе мысли, составляющей оной, не стоило, кажешся, никакого труда сочинителю, но она встрѣтилася съ нимъ сама, и при томъ при первомъ его взглядѣ на предметъ. Непришворность замысла состоитъ въ томъ, когда содержащаяся въ немъ мысль кажешся произведеніемъ не остроумія сочинителя, но самаго предмета, то есть такъ естественнo будетъ ему принадлежать, что со всякимъ, кажешся, она должна встрѣтиться, кто представитъ себѣ предметъ эпиграммы съ той стороны, съ какой изобразилъ его въ предложеніи со-

чинитель. Наконецъ краткость замысла заключается въ томъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ выраженъ немногими словами и при томъ, чтобы всегда оставялъ что нибудь выразумѣть читателю самому. Впрочемъ и вся эпиграмма бываетъ сочиненіе краткое, состоящее изъ немногихъ и при томъ равныхъ или неравныхъ стиховъ, почти обыкновенно предлагаемая въ видѣ эпическомъ, а иногда для большей живости дающъ ей видѣ разговора.

Хотя сіе сочиненіе какъ и всякое другое, требуетъ особливаго дарованія, и есть изъ иностранныхъ словолюбцевъ такіе, которые занимались единственно онымъ, и при томъ со славою; но рѣдкой изъ стихотворцевъ, особливо тѣхъ, кои пишутъ, такъ называемыя мѣлкія стихотворенія, (*poesie fugitive*), не сдѣлалъ въ жизни своей одной, или нѣскольکو эпиграммъ. Отъ сего ихъ великое множество. Я приведу для образца слѣдующія.

Фиршъ всегда въ лѣсахъ за дичью на охотѣ,
И чуть успѣетъ бѣшь, и шо въ пыли и въ потѣ.
Кшо скажетъ, чтобы онъ былъ въ семъ дѣлѣ
не удалъ?

Онъ самъ ужъ отъ шого свирѣлымъ зѣремъ
сшалъ.

* * *

Я раззорился отъ воровъ: —
 Жалѣю о швоемъ я горѣ. —
 Украли пукъ моихъ стиховъ: —
 Жалѣю я о ворѣ. —

* * *

Кого вамъ надобно? — Я домъ ищу Развраща.
 Кошораго сударь? — ихъ въ городѣ два брата.
 Богатаго. — Какъ шомъ, шакъ и другой богатъ.
 Не очень складнаго. — Не молодецъ и брашъ.
 Онъ крупъ обычаемъ. — И шомъ... избави Боже!
 Жена красавица. — И у другога шожѣ.
 Короче шомъ рогашъ, котораго ищу.
 Какой же случай? — Я молчу.

§. 57.

О мадригалъ.

Къ Эпиграммѣ обыкновенно относятъ Мадригалъ, Сонетъ, Рондо и Триолетъ по причинѣ весьма явственнаго ихъ съ оною сходства въ шомъ, что каждое изъ сихъ небольшихъ стихотвореній содержитъ въ себѣ острую, удачно и кратко выраженную мысль. Имя мадригала было неизвѣстно древнимъ, но въ ихъ Эпиграммахъ находящся образцы сего сочиненія. Его начали употреблять, и употребляли гораздо болѣе, нежели нынѣ, не въ давнія времена. Отъ эпиграммы онъ различается болѣе всего свойствомъ своего замысла. Первая имѣя предметомъ вещи или важныя, или забавныя, или достойныя хулы, въ замыслѣ своемъ бываетъ иногда нѣсколько возвышенна, иногда приятна, ино-

гда бѣда, и вообще показываетъ живое воображеніе сочинителя: напропивъ сего мадригалъ, занимаясь единственно нѣжными предметами, составляетъ свой замыслъ изъ такого же, и хотя спрашнаго, но шихаго чувствованія. И по сему замыслъ эпиграммы производитъ рѣзкое, и по большей части въ воображеніи чистаго, а замыслъ мадригала приятное и при томъ въ чувствительности впечатлѣніе. Въ самомъ выраженіи замысла эпиграммы видны живость и усовершенствованное искусствомъ дарованіе; въ выраженіяхъ же замысла мадригала примѣны тихій возпоргъ, естественная простота и добродушіе. Сверхъ сего по замѣчанію Г. Ешенбурга въ мадригалъ не всегда бываютъ нужны обѣ существенныя части эпиграммы. Наконецъ мадригалъ почти обыкновенно, а эпиграмма токмо иногда, пишется неравными стихами съ непрерывною или смѣшанною римою. При томъ въ немъ бываетъ не менѣе четырехъ и не болѣе пятнадцати стиховъ: Вотъ нѣсколько примѣровъ.

По чести отъ тебя не можно глазъ опиветь;
 Но что къ тебѣ влечеть? ... Загадка непонятна!
 Ты не красавица, я вижу... а приятна!
 Ты лучшебъ бытъ могла, но лучше шакъ, какъ
 есть.

Г. Дмитр.

Въ селѣ у насъ пастушка есть одна,
 Которой прелестямъ все должно покориться.
 Цыгера красотою могабъ такой хвалишься.

Приятнымъ голосомъ она
 Приводитъ въ ревность соловья.

Не знаю только я,
 Что сердце нѣжно ли припомъ она имѣетъ.
 Счастливымъ, кто пламень въ ней любви возжеть
 успѣетъ.

Но кто сей страстію не хочетъ въкъ страдать,
 Не долженъ шомъ ее ни слушать, ни видашь.

Переводъ съ французскаго.

Ты пишешь только, чтобъ о чемъ нибудь пишешь,
 Щипая по утѣхою своею;
 А я, любя васъ всей душою,
 Пишу, чтобъ вамъ о шомъ сказать *)

Сей мадригалъ весьма многіе французскіе Писцы приводятъ въ примѣръ. Онъ сочиненъ ихъ стихотворцемъ Прадономъ въ отвѣтъ одному изъ его знакомцевъ, который писалъ къ нему письмо, наполненное остроуміемъ,

§. 59.

О Сонетѣ. Сонетъ есть небольшое стихотвореніе, имѣющее многія свойства мадригала и многія собственно ему принадлежащія.

*) Vous n'écrivez que pour écrire;
 C'est pour vous un amusement:
 Moi, qui vous aime tendrement,
 Je n'écris que pour vous le dire.

Онѣ часто занимаяся такимъ предметомъ, который выше, нежели предметъ мадригала, содержишь въ себѣ нѣсколько относящихся къ оному мыслей, изъ коихъ послѣдняя, составляющая замысль, состоить также изъ шихаго и нѣжнаго, но болѣе возвышеннаго и болѣе поражающаго чувствованія, и при томъ бываетъ выражена сильно и кратко. Но главное и отличительное сего стихотворенія качество состоить въ томъ, что въ немъ все должно быть верховно, изящно и превосходно. Мысли должны быть зрѣло обдуманы; слово имѣть всю, приличную ему красоту и приятность; стихи всю надлежащую плавность и сладкозвучіе; ризмы свое богатство въ совершенной степени, такъ, что самое малое отступленіе отъ предмета, слабая мысль, негладкій стихъ, неточное и безъ вниманія избранное выраженіе, повтореніе одного слова, коротко сказать, всякая прошиву слога погрѣшность отнюдь непрощительна въ семъ сочиненіи. Сверхъ сей со стороны, такъ сказать, внутренняго состава трудности, сонетъ затруднителенъ также и въ разсужденіи наружнаго своего вида. Онъ состоитъ изъ 14 стиховъ, которые въ томъ случаѣ, когда его содержаніе нѣсколько важно и высоко, бывають шестистопные. Первые восемь стиховъ раздѣ-

ляются на двѣ строфы, изъ коихъ каждая содержишь четыре стиха и двѣ только имѣють риемы, одну мужескую и одну женскую, и притомъ такъ, чтобъ риемы имѣли такой же порядокъ во второй строфѣ, какой имѣли въ первой. Послѣдніе шесть стиховъ должны быть раздѣлены также на двѣ строфы, изъ которыхъ каждая состоить изъ трехъ стиховъ. Въ первой строфѣ два первые стиха имѣють одну риему, а третій кончится на одну риему со вторымъ стихомъ второй строфы. Каждая четырехстишная строфа должна содержать въ себѣ полную и окончанную мысль. Толь затрудняющее сочинителей качество сонета есть причину, что почти не можно найти сего стихотворенія со всѣми свойственными ему совершенствами. Слѣдующій сонетъ можетъ быть образцемъ, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи наружнаго вида сего сочиненія.

Надежда, всѣхъ сердецъ и всѣхъ умовъ магнитъ!
Заря счастливыхъ дней, въ несчастіяхъ отрада!
Въ трудахъ нашъ вѣрный другъ! терпѣніи награда!
Волшебный голосъ твой всѣхъ за собой манишь.

Тобой обманушый себя клянеть, винишь;
Но ты опять его унынію преграда;
Ты свѣтаый для него рай дѣлаешь изъ ада.
И такъ что въ слѣдъ тебѣ идти намъ возбраняшь?

Не страшень намъ тогда злой смерщи видъ су-
 ровый,
 Когда въ рукъ твоей мы зримъ вѣнецъ лавровый.
 Ты въ полѣ страшный Марсъ, во градѣ силь-
 ный богъ.

Богъ, коимъ движется разумная природа!
 Кто безъ тебя бы жить, сносить, шрудиться
 могъ?
 Что солнце для планетъ, то ты для смерт-
 ныхъ рода.

§. 60.

Рондо есть небольшое стихотвореніе, О Рондѣ.
 изобрѣшенное такъ же въ позднѣйшія вре-
 мена, судя по имени, Французами. Опши-
 чительныя качества его состоятъ частію
 въ опредѣленномъ родѣ предметовъ, кои-
 ми оно занимается, частію въ особливыхъ
 свойствахъ мыслей, изъ коихъ оно дѣ-
 лается, и частію наконецъ въ особливомъ
 наружномъ составѣ. Содержаніемъ Рондо
 бываетъ почти всегда что нибудь забав-
 ное, а не прищворное; простодушіе и от-
 кровенность суть главныя достоинства
 составляющихъ его мыслей. Бываютъ въ
 немъ иногда нѣжныя и даже тонкія мы-
 сли, но только такъ, чтобъ отъ свой-
 ственнаго имъ искусства Рондо ничего не
 потеряло со стороны вышесказаннаго гла-
 внаго своего совершенства, то есть есте-
 ственной простоты. Что касается до

наружнаго вида, то въ разсужденіи сего, оно гораздо затруднительнѣе, нежели Сонетъ. Впрочемъ, что окончаніе цѣлаго Рондо, или такой его части, которая заключаетъ въ себѣ полное разсужденіе, тѣми словами, коими оно было начато, за-
 Наружный спавило назвашь его симъ именемъ. Впрочемъ. ссоставъ. чемъ сіе сочиненіе состоитъ изъ 13 стиховъ, которые могутъ быть всякой мѣры, кромѣ шестистопныхъ, свойственныхъ важнымъ сочиненіямъ. Изъ сихъ стиховъ восемь кончатся на одну женскую, и пять на одну мужскую, или восемь на одну мужскую и пять на одну женскую риему, такъ, что во всемъ Рондо только двѣ риемы, всегда при женскихъ или мужскихъ стиха, имѣющихъ одну риему, будутъ стоять съ ряду. Съ пятымъ стихомъ должно окончиться разсужденіе, а послѣ осьмаго и также послѣ тринадцатаго стиха повторятся первое полустипише, или нѣсколько первыхъ словъ перваго стиха, такъ, чтобы то, что повторяется (*réfrain*), содержало въ себѣ продолженіе и окончаніе начатой въ предвѣдущемъ стихѣ мысли, и при томъ не составляло бы ни части онаго предвѣдущаго, ни особливаго стиха. Особенныя достоинства сего повторенія состоятъ въ томъ, чтобы содержащаяся въ ономъ часть мысли имѣ-

ла естественную и непринужденную связь съ тою частію, которая заключаешся въ предвѣдущемъ стихѣ, и чтобы двукратное оное повтореніе однихъ словъ заключало въ себѣ каждый разъ особливую мысль. Вообще же о семъ стихотвореніи примѣтитъ нужно, что чѣмъ труднѣе правила его, тѣмъ болѣе легкость и непринужденность слога въ немъ уважаются. Въ тѣ времена, когда полагали великое достоинство стихотвореній въ ослепительной ихъ наружности, и когда вѣроятно изобрѣшены всѣ сего рода очиненія, были еще Рондо, имѣющіе совсѣмъ иной, и при томъ гораздо затруднительнѣйшій наружный видъ. Такое Рондо состояло изъ пяти четырехстишныхъ строфъ, и слѣдственно изъ 20 стиховъ, изъ коихъ десять было женскихъ, имѣющихъ одну риѣму, и десять мужескихъ, кончащихся также одною риѣмою. Ни въ одной строфѣ не должны быть съ ряду два женскихъ и два мужескихъ стиха, а при томъ таимъ стихомъ должна начинаться слѣдующая строфа, каковымъ кончилась предвѣдущая. Но главное правило и самая большая трудность въ составѣ сего сочиненія состояли въ томъ, что вторая строфа оканчивалась первымъ стихомъ первой строфы, третья вторымъ стихомъ первой строфы, и такъ да-

лѣ; и что полагаемый на концѣ каждой строфы стихъ, взятый изъ первой строфы, долженъ составлять съ предвѣдущими стихами одинъ непринужденный и другой, нежели въ первой строфѣ, смыслъ. Сіе Рондо нѣкошорые называютъ / сложнымъ. Весьма немногіе изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ занимались симъ родомъ сочиненія.

§ 61.

О Триолетѣ.

Триолетъ есть особый родъ Рондо, занимающійся также забавнымъ предметомъ, имѣющій искусственное повтореніе нѣкошорыхъ стиховъ и опшбнный свойственный ему наружный составъ. Изъ осьми, обыкновенно составляющихъ его, стиховъ пять должно быть мужескихъ, кончащихся на одну риѣму. Первые два стиха, изъ коихъ первый есть мужескій, а второй женскій, должны содержать въ себѣ полный смыслъ. Третій стихъ есть опять мужескій, а въ четвертой строка повторяется весь первый стихъ Триолета, но такъ, что онъ служилъ окончаніемъ мысли, начатой въ прешьемъ стихѣ. Потомъ пятый стихъ долженъ быть мужескій, а шестой женскій; наконецъ въ седьмой и восьмой строкахъ опять полагаются два первые стиха Триолета такъ, что въ нихъ содержится окончаніе мысли начатой въ

предвѣдущемъ стихѣ. Самое главное сего сочиненія достоинство и приятность зависишь отъ того, чтобы мысль содержащаяся въ повторяемомъ стихѣ имѣла немало непринужденную связь съ мыслию предвѣдущаго стиха.

§ 62.

Загадка есть такое описаніе вещи, въ О загадкѣ. которомъ сочинитель, изобразивъ ее посредствомъ изчисленія нѣкоторыхъ ея принадлежностей, но не называя оной, оставляетъ читателю удовольствіе узнать ее изъ самаго описанія. Я говорю удовольствіе; ибо читатель, отгадавъ загадку, тайно услаждается своимъ въ семъ случаѣ остроуміемъ. Но чтобы сіе удовольствіе имѣло надлежащую цѣну, то загадка не должна быть такъ ясна, чтобы отгадать ее почти никакого не стоило труда. Напрошивъ сего ежли она такъ темна, что отгадать ее читателю покажется очень трудно; то онъ скорѣе можетъ отказаться отъ меньшаго въ семъ случаѣ угожденія своему самолюбію, нежели приобрести оное несоразмѣрнымъ трудомъ. На семъ основано главное правило сочиненія загадки, то есть, она должна содержать въ себѣ нѣсколько такихъ принадлежностей своего предмета, которыя какъ бы указывая намъ его, пѣмъ самимъ

возбуждали бы въ насъ болѣе желанія и надежды отгадать ; а между тѣмъ другія помѣщенныя въ тойже загадкѣ обстоятельства затрудняли бы сію представляющуюся съ перваго взгляду удобность. Показавъ такія свойства предмета загадки , по коимъ бы казалось нетрудно узнать его, есть дѣло шребующее обыкновеннаго искусства. Но труднѣе и по сему достойнѣе замѣчанія шѣ приводимыя въ ней обстоятельствова , которыя производяшъ противное. Онѣ бывають или принадлежащія кромѣ предмета загадки нѣкоторымъ другимъ вещамъ ; или по видимому противорѣчащія другимъ въ тойже загадкѣ упоминаемымъ свойствамъ предмета , или представляющіяся съ перваго взгляда несообразными съ какимъ нибудь такимъ понятіемъ , которое всѣ вообще почитаютъ несомнѣннымъ ; или наконецъ невнятные отъ того , что къ изъясненію ихъ употреблены такія выраженія , коими рѣдко бываетъ изображенъ содержащійся подъ ними въ загадкѣ несобственный смыслъ. Впрочемъ примѣры могутъ насъ навѣсть болѣе. Слогъ въ семъ сочиненіи , которое пишется съ тѣмъ предположеніемъ , чтобы послужило нѣкоторою забавою въ кругу приятелей , бываетъ обыкновенной. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Меня родила мать, которую я рождаю.

Что рѣдко видишь Царь, пасшухъ шо зришь
всегда,

А Богъ не видывалъ ошъ вѣка никогда.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ штысячѣ мѣсцахъ вдругъ слышанъ я бываю;
Всегда и важенъ и шушлавъ,

Умень и глуповатъ, и дурень и красивъ.
Еженедѣльно я иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И шолько лишь рожусь, въ продажу оппускаюсь.

Я брашьями богашъ, названье намъ одно,
Однако въ свѣтѣ мы зовемся неровно.

Узнали? Нѣтъ? Еще прибывимъ:

У насъ нѣтъ матери, за шо

Мы сошны двѣ опцовъ представимъ,

И это не причтешъ въ обиду намъ никто.

Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою

Во многомъ сходствую съ молвою.

Г. Дмитриевъ.

§. 63.

Съ самаго начала человѣческихъ об-Произхож-
щесствъ благомыслящіе оныхъ члены воз-деніе бас-
сшавали противу свойственныхъ многимъ нн.
или знаменитѣйшимъ изъ ихъ согражданъ
пороковъ, слабостей и предразсудковъ, или
посыдныхъ для того, кто ихъ имѣетъ
или вредныхъ другимъ. Но возставая про-
шивъ сего явно, не можно было избѣгнушь

ненависти многихъ, или мщенія сильныхъ. Сіе заставляло изобрѣсти на такіе случаи особый родъ оспорожности и искусства. Спали говорить о сихъ вещахъ такъ, чтобы въ рѣчи не было ни слова о томъ, о комъ собственно идетъ дѣло; но на мѣсто его стали выставлять вымышленное лице; а чтобы еще менѣе коснуться и раздражить того, до кого сіе относится, то начали вымышленному лицу приписывать такое вымышленное же дѣйствіе, которое, какъ бы частно, ему токмо, а не многимъ принадлежало, и при томъ имѣло бы шоль разительное сходство съ истинными порочными или предосудительными поступками, что естлибъ оно было истинное, то бы могло служить весьма явственнымъ оныхъ примѣромъ. Сего мало, чтобы еще осторожнѣе быть въ такихъ обстоятельствахъ, стали оное вымышленное дѣйствіе приписывать безсловеснымъ живоцнымъ и даже неодушевленнымъ существамъ, говоря о нихъ такъ, какъ будто бы онѣ одарены были разумомъ и дарованіемъ слова. Такой способъ наставленія, не оскорбляя никого, забавенъ и полезенъ. Вотъ весьма вѣроятное происхождение басни.

§. 64.

Изъ сихъ предварительныхъ понятій **Опредѣленіе басни.** явствуетъ, что баснь есть стихотворческое повествованіе о какомънибудь вымышленномъ дѣйствіи, приписуемомъ такъ же вымышленному лицу, но чаще безсловеснымъ животнымъ, и даже неодушевленнымъ вещамъ, *) которое изображая собою какойнибудь нашъ порокъ, слабость или предрасудокъ, тѣмъ самымъ служилъ къ нашему наставленію, кое впрочемъ предлагается явственно въ пристойномъ мѣстѣ басни.

§. 65.

Слѣдовательно сіе стихотвореніе **Басня** и **мѣстѣ дѣйствія** двѣ существенныя части, повествованіе дѣйствія и предложеніе наставленія. Дѣйствіемъ вообще, какъ уже вы- **мѣстѣ дѣйствія** **часши.**

*) На семъ различіи дѣйствующихъ существъ основано принятое нѣкоторыми раздѣленіе басенъ на правдивыя (fables raisonnables,) въ коихъ дѣйствующими существами бывающъ одаренныя разумомъ, или въ коихъ дѣйствіе, какъ говоритъ Г. Ешенбургъ, бываетъ возможное; и кои у насъ называются притчами; на басни несбыточныя, (fables impossibles,) иначе называемыя иногда нравственными, въ коихъ дѣйствующія существа суть вещи неодушевленные; и наконецъ на басни смѣшанныя, въ коихъ дѣйствуютъ существа разумныя вмѣстѣ съ безсловесными или неодушевленными.

ше сказано, называется приведенное въ исполнение какое нибудь дѣло, съ выборомъ и намѣреніемъ предприятіе отъ существа разумнаго или такоаго, которое въ семъ случаѣ почитается разумнымъ. О изобрѣшеніи дѣйствія басни нужно замѣтить, что источникомъ онаго есть вся природа, средствомъ наблюденія и воображенія стихотворца, и руководствомъ тѣ правила, кои показываютъ достоин-

Свои свойства такоаго дѣйствія. Сихъ достоинствъ четыре: чшобы дѣйствіе было 1, полно, 2, точно, 3, вѣрояшно, и 4, чшобы въ немъ сохранено было единство цѣли. Полнымъ оно бываетъ тогда, когда находимъ въ немъ а) предприятіе повѣствуемаго намъ дѣла, б) стремленіе предпринявшаго довести оное до намѣреваемаго конца, и в) наконецъ самое исполненіе съ желаемымъ или прошивнымъ успѣхомъ. Разсмотримъ сіе правило въ слѣдующемъ примѣрѣ, взятомъ изъ Г. Ломоносова.

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣлъ пасшущее платье волкъ,
И взялъ пасшущей посокъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ стаду.

Вотъ предприятие: даѣе же увидимъ средства, употребленныя волкомъ къ исполненію сего предпріяшя.

Увидѣвъ шамъ, что жучка спитъ,
Обнявъ пастушку Фирсъ хранишь,
И овцы всѣ лежали съ ряду,
Онъ могъ изъ нихъ любую взять.
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ,
И именемъ овецъ назвашь.

Симъ кончится дѣйствіе волка, а теперь слѣдуешь окончаніе предпріяшаго дѣла.

Однако чуть лишь пасты рзанинулъ,
Раздался въ роцѣ волчей вой.
Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
И жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣшилъ
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;
Въ полахъ и рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Фирсъ недолго размышлялъ;
Уборъ съ него и кожу снялъ.

§. 66.

Точность дѣйствія басни состоитъ что есть.
въ томъ, чтобъ оно имѣло шоль явствен- ^{точность}
ное сходство съ шѣмъ истиннымъ, комо- ^{дѣйствіе}
Басни?

рое подь онымъ разумѣтся, чтобъ и са-
маго посредственнаго вниманія чашель
весьма удобно могъ понять содержащееся
подь онымъ. Такъ напимѣрь, въ слѣ-
дующей Федровой, переведенной Г. Сума-
роковымъ, баснѣ:

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ,
Однако въ низѣ рѣки гораздо ошступилъ,
Такъ пилъ онъ ниже,
И слѣдственно, что волкъ къ тому былъ мѣсту
ближе,

Ошкрялъ шокъ водѣ спремленіе влечетъ:
Извѣстно, что вода всегда на низѣ печетъ.

Голодной волкъ ягненка озираетъ,
Ошъ ужаса ягненокъ обмираетъ,
И мнишь: не буду я съ ягняшками играть,
Не станешь на руки меня паслушка брать,
Не буду голоса я слышати свирѣли,
И пшички для меня въ посабдіе пропѣли,
Не на зеленомъ я скончаюся лугу,
Умру на семъ пещаномъ берегу.
Волкъ началъ говорить: бездѣльникъ, какъ ты
смѣешь

Питье мое мушишь,
И въ воду чистую мнѣ сору напустишь?
Да шжѣ шакую мать имѣешь,
Которая ко мнѣ учшивства не храня, вчера
бѣжала на меня.

Ягненокъ отвѣчаетъ,
Что мать его дней съ шридцать умерла,
Такъ волка не она ко гнѣву привела;
А шокъ воды бѣжитъ на низѣ, онъ чаетъ;

Такъ волкъ его опивковъ не встрѣчаетъ.
 Волкъ прешьюю виной ягненка уличаетъ:
 Не мни, что ты себя, бездѣльникъ, извинялъ;
 Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.
 Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ дѣй недѣли,
 Что псы его забли.

Такъ дядя швой, иль братъ,
 Иль можешь быть и сватъ
 Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,
 И говорю тебѣ я это неварочно.

Ягненковъ былъ отвѣтъ:
 Всея моей родни на свѣтѣ больше нѣтъ;
 Ледѣтъ лишь меня прекрасная пастушка.

А! а! вертушка!
 Не отвершился ты; вчера швоя пастушка
 Блѣяла на меня: комолые рога,
 И длинной хвостъ у ашаго врага,
 Густая шерсть, копыта невелики:
 Довольно ли тебѣ, плутишка сей улики?
 Пастушкѣ я швоей покорнѣйшій слуга.
 За то, что на меня блеяшь она дерзаетъ,
 А ты за то умри. Ягненка волкъ шерзаетъ.

Въ рѣчахъ и поступкахъ волка не всякой ли видишь безсовѣстную наглость сильнаго человѣка, а въ отвѣсахъ ягненка невинность, часто бывающую жертвою насилія?

§. 67.

Въ прочемъ точность дѣйствія басни Когда она бываетъ нарушена не только тогда, когда содержащееся подъ онымъ истинное бываетъ и тогда нарушена?

дѣйствіе все вообще невнятно; но и тогда, когда или въ истинномъ дѣйствіи бываетъ такое существенно къ нему принадлежащее обстоятельство, которому соотвѣствующаго нѣтъ въ вымышленномъ; или обратно въ семъ находишься нѣчто такое, чего не можно примѣнить ни къ какому обстоятельству истиннаго дѣйствія. Однако симъ не исключаются изъ дѣйствія басни тѣ свойственныя имъ описанія, которыя состоятъ изъ изчисленія самыхъ мѣлкихъ подробностей, относящихся къ одному обстоятельству дѣйствія, и о коихъ предложено будетъ ниже.

§. 68.

Отъ чего зависитъ въ роаяшность дѣйствія басни? Вѣроятность дѣйствія басни зависитъ отъ того, чтобы въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, которыя бываютъ приписуемы дѣйствующимъ существамъ, не было ничего прошиворѣчащаго природнымъ ихъ качествамъ, или общему всѣхъ оныхъ мнѣнію такъ, что еслибы онѣ какимъ нибудь чудодѣйствіемъ получили разумъ, то бы стали дѣйствовать не иначе, какъ дѣйствуютъ въ баснѣ. И посему Федрова басня, въ которой корова, коза и овца вслушаются въ товарищество со львомъ, явно прошиворѣчишь вѣроятности.

§ 69.

Наконецъ единство цѣли, свойствен- Вѣ чемъ
ное дѣйствию басни, соблюдено будетъ, состоятъ
когда каждое приводимое въ баснѣ общо- единство
шательство, такъ скажешь, указываетъ чи- цѣли, свой-
шателью главную цѣль басни, кою обы- ственно е
кновенно бываетъ нравоучительное наста- дѣйствию
вленіе. Почему сіе правило не будетъ со- басни ?
хранено въ томъ случаѣ, если въ дѣй-
ствіи басни будетъ находиться такое об-
стоятельство, которое обращая на себя
сполько замѣчанія чипателя, сколько и
самая цѣль басни, какъ бы другую цѣль
составляетъ. Такова басня Дела Фоншеня,
предложенная на нашъ языкъ Г. Дмишріе-
вымъ:

Два голубя друзьями были,
Издавна вмѣстѣ жили,
И кушали и пили.

Соскучился одинъ все видѣвъ пожъ да пожъ,
Задумалъ погулять, и другу въ томъ открылся.
Тому вѣсть аша острый ножъ,
Онъ вздрогнулъ, прослезился,

И къ другу возопилъ:

Помилуй, брашецъ, чемъ меня ты поразилъ?
Легколь въ разлукъ бышь?.. Тебѣ легко, жес-
шокой!

Я знаю, ахъ! а миѣ.. Я съ горести глубокой
И дня не проживу... Къ тому же разсуди,
Такая ли пора, чтообъ въ странствіе пускаешься?
Хоть до зефировъ ты, голубчикъ, погоди!

Къ чему спѣшить? Еще успѣемъ мы разстаться.
 Теперь лишь воронъ прокричалъ,
 И безъ сомнѣня... страшуся я безмѣрно,
 Какойнибудь извѣстницѣ напасть онъ предвѣщалъ,
 А сердце въ горести и пуце имовѣрно.
 Когда разстанусь я съ тобой,
 То будетъ каждый день мнѣ угрожать бѣдой:
 То ястребомъ лихимъ, по люшыми спрѣлками,
 То коршунами, по силками.
 Все злое сердце мнѣ на память приведетъ.
 Ахипи мнѣ я скажу вздохнувши, дождь идетъ.
 Здоровъ ли по мой другъ? не шерпимъ ли онъ
 холодъ?

Не чувствуешь ли голодъ?
 И мало ли чего не вѣдуваю тогда?
 Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
 Журчишь и мимо протекаешь.
 Затѣйникъ слушаешь, вздыхаешь,
 А все таки лешѣшь желаешь.
 Нѣшь, брашецъ, шакъ и бышь, сказалъ онъ, полечу,
 Но вѣрь, что я тебя крушить не захочу.
 Не плачь, пройдетъ дня три, и буду я съ тобою
 Клевашъ,
 И ворковашъ

Опять подъ кровлею одною;
 Начну рассказывать тебѣ по вечерамъ,
 Вѣдь все одно да тожѣ приговорится намъ,
 Что видѣлъ я, гдѣ былъ, гдѣ хорошо, гдѣ худо.
 Скажу: я шамъ-то былъ, такое видѣлъ чудо,
 А шамъ случилось то со мной.
 И ты, дружечекъ мой,
 Наслушавшись меня такъ свѣдушь будешь къ
 лѣшу,
 Какъ будто бы и самъ гулялъ по бѣлу свѣну.

Пресстижь!.. При сихъ словахъ
 На мѣсто всѣхъ, увы и ахъ!
 Друзья взглянулись, поклевались,
 Вдохнули, и разшались.
 Одинъ, носокъ повѣся, сѣлъ,
 Другой вспорхнулъ, взвился, лешить, лешить
 стрѣлою,

И вѣрнобъ сторяча край свѣта залетѣлъ;
 Но вдругъ покрылось небо мглою,
 И прямо страннику въ глаза
 Изъ шучь дождь проливной, градъ, вихрь, ска-
 зать вамъ словомъ,

Со всею свисою, какъ водитси, гроза.
 При случаѣ такомъ опасномъ, кошь не новомъ,
 Голубчикъ поскорѣй садитси на сучокъ,
 И радъ еще тому, что шолько лишь измокъ.
 Гроза утихнула, голубчикъ обсушился,
 И въ пушь опять пусшился.

Лешить, и видитъ сѣ высока
 Разсыпано пшено, а подѣ голубка.

Садитси, и въ минушу

Запушался въ сѣши; но сѣшь была худа,
 Такъ онъ прошивъ ея носкомъ вооружился.
 То имъ, шо ножкою шянувъ, тянувъ, пробился
 Изъ сѣши безъ вреда,
 Сѣ ушрашой перьевъ лишь, но это ли бѣда?

Ко прибавленью спраха

Явился вдругъ соколъ, и со всего размаха
 Напалъ на бѣдняка,

Который какъ злодѣй, опутанъ кандалами,
 Тацилъ сѣ собой снурокъ сѣ обрывками сила.
 Но къ счастью шутъ орелъ сѣ широкими крылами
 Для встрѣчи сокола спустился сѣ облаковъ;
 И шакъ благодаря смеченію воробъ,

*

Нашъ пушникъ соколу въ добычу не достался,
 Однако все еще съ бѣдой не развязался.
 Летя отъ сокола, отъ страха или шакъ,
 Насунулся избы на уголь, какъ дуракъ,
 И вывихнулъ крыло; потомъ, въ него мальчишка,
 Знашь голубиной былъ и въ помъ еще умишка,
 Кирпичъ, иль камешекъ лукнулъ,
 И шакъ его зашибъ, что чужь онъ отдожнулъ.
 Потомъ.. потомъ проклявъ себя, судьбу, дорогу,
 Рѣшился брестъ назадъ полмершвой, полхромой,
 И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
 Таца свое крыло и волочявши ногу.

Послѣ сего стихотворецъ показы-
 ваетъ въ нравоченіи главную цѣль басни,
 полагая оную въ помъ, что любящіе
 другъ друга не должны разлучаться. Но
 при всемъ помъ чистатель оспается по-
 чти въ неизвѣстности объ оной: ибо
 столь живо изображены въ баснѣ съ од-
 ной стороны безпокойство оспяющагося
 друга, а съ другой вѣтреность, и осо-
 бливо несчастія путешествующаго, что
 то и другое не менѣ привлекаетъ къ
 себѣ вниманіе, какъ и показанная сочи-
 шелемъ цѣль.

§. 70.

О нравоченіи въ баснѣ. О второй части басни, то есть о
 нравоченіи, слѣдуетъ примѣшеть, 1) что
 какъ поводомъ къ оному бывающіе обык-
 новенные въ человѣческихъ обществѣхъ

пороки, слабости и предрасудки; но онѣ и составляютъ источникъ его изобрѣшенія; а посему какъ не могутъ бытъ въ баснѣ нравоученіемъ высокія какія нибудь философскія наставленія, такъ не должны бытъ и самыя простыя и всякому извѣстныя правила, (например, будь умѣренъ въ пищѣ,) сіе было бы проповѣдно намѣренію басни, которая состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать внятнымъ и яснымъ то, на что мы смотримъ по большей части безъ дальняго замѣчанія. 2) По сей причинѣ нравоученіе должно имѣть съ баснею самую естественную связь, то есть слѣдовать изъ нея самымъ непринужденнымъ образомъ; и при томъ 3) бытъ выражено просто, кратко и безъ многихъ разсужденій подобно тому, какъ истинны сего рода изображены въ нашихъ пословицахъ, напримеръ въ баснѣ называемой, морѣ звѣрей.

И у людей такой же нравъ,
Кто силенъ, тотъ у нихъ и правъ.

Также въ приведенной мною выше Г.
Ломоносова баснѣ.

Я басню всю короткимъ цолкомъ
Могу вамъ, Господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывашь.

Напротивъ сего чрезмѣрно распро-
странено слѣдующее нравоученіе, принад-
лежащее къ показанной выше мною баснѣ
о двухъ голубяхъ:

О вы, которыхъ богъ любви соединилъ,
Хотите ли странствовать, забудьте гордый
Нилъ,

И дальнѣйшняго ручья не разлучайтесь:
Чѣмъ любовались вы? Другъ другомъ возхи-
щайтесь.

Пускай одинъ въ другомъ находитъ каждый часъ,
Прекрасный, новый міръ, всегда разнообразный.
Бываетъ ли въ любви хоть мигъ для сердца
празднѣй?

Любовь, повѣрьте мнѣ, все замѣнитъ для васъ.
Я самъ любилъ; тогда за дугъ уединенной,
Присутствіемъ моею любезной озаренной,
Я не хотѣлъ бы взять ни мраморныхъ палатъ,
Ни царства на земляхъ Придетель вы назадъ
Минуты радостей, минуты возхищеній?
Иль буду я однимъ воспоминаемъ жить?
Ужель прошла пора столь милыхъ обольщеній,
И поздно мнѣ любить?

§. 71.

О помѣще-
ніи нраво-
ученія въ
баснѣ.

Помѣщеніе нравоученія предъ баснею,
или послѣ оной, зависитъ отъ выбора
сочинителя: ибо то и другое приноситъ
читателю своего рода удовольствіе. Въ
первомъ случаѣ онъ, узнавъ его прежде,
удобно можетъ примѣнять къ нему всѣ
повѣствуемыя въ баснѣ обстоятельства;

а во второмъ ему приятно самое ожиданіе, соединенное съ желаніемъ узнать, чѣмъ кончится басня. Но когда въ баснѣ такая будетъ точность, то есть сходство съ изображаемыми поступками людей, что всякой удобно можетъ се разумѣть, въ такомъ случаѣ вывести нравоученіе представляется самому читателю. Образецъ сего можетъ служить выше приведенная басня о волкѣ и ягненкѣ. Но я намѣренъ показать для примѣра еще такуюже басню изъ сочиненій Г. Хемницера.

* * *

Плясать медвѣдя научили,
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.

Медвѣди земляки лишь только что узнали,
Всѣмъ по лѣсу о немъ, что шупъ онъ, промышали,
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
Вѣдь мишка къ намъ опішь явился.
Откуда кто пустился,
И къ мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ,
Другъ передъ другомъ мишку шупъ встрѣ-
чаютъ,

Поздравляютъ

Цѣлуютъ, обнимаютъ,

Не знаютъ съ радости, что съ мишкою начашъ,
Чѣмъ угостишь, и какъ примешь.

Гдѣ! развѣ шоржество шакое!

Какое

Ни разсказашь,

Ни описашь.

И мишку всѣ кругомъ обстали,
Потомъ просишь всѣ мишку спали,
Чтобъ похождение онѣ свое имѣ разсказалъ.

Тутъ все, что шолько мишка зналъ,

Разсказывашь имѣ спалъ,

И между прочимъ показалъ,

Какъ на цѣпи плясалъ.

Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,

Дивилися, превозносили;

И каждый силу всю свою употреблялъ,

Чтобъ шакѣ же пропласать, какъ и плясунѣ
плясалъ.

Однако сколько ни спарались,

И сколько всѣ ни умудрялись,

И сколько ни кривлялись,

Не шолько чтобъ плясашь,

На силу шакѣ, какъ онѣ, могли на лапы всшашь,

Иной совсѣхъ ногѣ шакѣ шумѣо землю квашился,

Когда плясашь было пушшися:

А мишка видя что,

И вдвое умудрился,

И зришелей своихъ поставилъ всѣхъ вѣ ничшо.

Тогда на мишку напушмили,

И ненависшь и злосшь искусство все зашмили.

На мишку окрикѣ всѣ: прочь, прочь отсешь сей часѣ.

Скощина эшака умнѣй бышь хочешъ насѣ!

И всѣ на мишку нападали,

Нигдѣ проходу не давали,

И шолько мишку спали гнашь,

Что мишка принушденѣ бѣжашь.

§. 72.

Остаётся ещё нечто сказать о слоге басни. Судя по ея содержанию, по дѣйствующимъ въ ней существамъ, особенно же по намѣренію, съ какимъ она дѣлается, (что все видно изъ предвѣдущихъ извѣстій), сіе стихотвореніе не можетъ перенести ничего глубокомысленнаго, важнаго, страстнаго и опзывающегося искусствомъ; коротко сказать, оно пребудетъ обыкновеннаго слога, кошорой при свойственной ему простотѣ, естественности и при всѣхъ приличныхъ ему украшеніяхъ долженъ быть забавенъ. Сіе опличительное качество слога басни поддерживается въ немъ во первыхъ помѣщеніемъ въ повѣствованіи всего, что есть приятное и веселое въ дѣйствіи басни; а во вторыхъ нерѣдко пространнымъ изчисленіемъ самыхъ мѣлкихъ подробностей, относящихся къ какому нибудь обстоятельству дѣйствія: изъ чего рождающіяся описанія забавляютъ читателя или пѣмъ, что въ нихъ онъ находитъ живое изображеніе того, что по маловажности своей не обращало на себя ничего замѣчанія, или пѣмъ, что описанія сего рода иногда съ намѣреніемъ позабавить представляющъ намъ важнымъ что нибудь малозначащее. Примѣромъ сего можетъ быть описаніе убранныхъ волка въ приведенной мною Г. Ломоносова

О слоге
басни.

баснѣ. Таковоже слѣдующее описаніе положенія зайца въ одной изъ басенъ Г. Дмитриева.

Увидя онъ ружье, которое лежало
 Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
 Такъ испугался,
 Что даже и бѣжать съ душою не собрался,
 А только сжался,
 И уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
 Что въ мозгъ ружье убьетъ.
 Проходишь часъ, другой. — Перунъ еще не грянулъ;
 Часъ и еще: — Перунъ молчитъ,
 А заяцъ веселѣй глядитъ;
 Потомъ онъ обдрясъ возпрянулъ,
 Бросаетъ любопытный взглядъ:
 Прыжокъ впередъ, прыжокъ назадъ,
 И наконецъ къ ружью подходитъ.

Забавнымъ слогъ басни дѣлается еще отъ того, что баснописцы нерѣдко приписываютъ дѣйствующимъ въ ней безсловеснымъ существамъ свойственные людямъ и въ ихъ обществахъ обыкновенные нравы, сужденія, поступки, происшествія, даже званія и имена человѣческія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Исправилъ наконецъ я волкъ свой грѣшный вѣкъ,
 И спалъ онъ добрый человекъ.

Г. Дмитриевъ.

Однажды вредъ нее предстало, воздыкая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ:

Оно идетъ просить защиты отъ дворянъ

Противу кощечья народа,

Который вдругъ на ихъ республику напалъ,

И крысополисъ ихъ въ осаду ужъ держалъ.

Г. Дмитриевъ.

*

Я плюнулъ бы на мокрыхъ сихъ бояръ.

Г. Дмитриевъ.

*

Петръ кроликъ приводилъ въ доводъ,

Обычай, давность; — ихъ закономъ,

Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ

Безспорно этимъ домомъ,

Который кроликомъ Софрономъ

Отказанъ, справленъ былъ за сына своего,

Ивана кролика; по смерти же его,

Достался въ силу права,

Тожъ сыну, именно мнѣ кролику Петру.

Г. Дмитриевъ.

§. 73.

Наконецъ весьма немалую придаютъ О знаніи я-
слогу басни пріятность избранныя сочи- зыка.
нители сѣ раченіемъ самыя лучшія, на-
ходящіяся большею частію единственно
въ томъ языкѣ, на коемъ онъ пишетъ,
реченія, выраженія, словосочиненія и пр.
Само собою явственна, что все сіе богат-
ство языка должно быть такое, которое

принадлежитъ низкому его нарѣчію. А по-
сему не можно бытъ превозходнымъ ба-
снописцемъ, не зная всѣхъ красотъ и при-
ятностей, свойственныхъ, сказанному
нарѣчію употребляемаго стихотворцемъ
языка.

Едва нужно здѣсь упомянуть о томъ,
что сіе стихотвореніе составляется изъ
стиховъ всякой правильной мѣры.

Лучшіе наши баснописцы суть Г. Сума-
роковъ, Дмишріевъ и Хемницеръ. Между
шбмъ много такъ же содержатъ въ себѣ
образцевъ сего искусства Басни Г. Крылова
и Графа Хвостова.

§. 74.

О произхо-
жденіи па-
стушеска-
го стихо-
творенія.

Извѣстно, что первый изъ всѣхъ, за-
нимавшихся пастушескимъ стихотворе-
ніемъ, есть Сиракузянинъ Теокрипъ,
жившій въ шретиѣ столѣтіи до Р. Х.
Его шворенія большею частію поль пре-
возходны, что жившіе послѣ него стихо-
шворцы, кои хотѣли упражняться въ семъ
родѣ, всегда имѣли его своимъ образцемъ,
а достигнуть до того, чтобы сравняться
съ симъ подлинникомъ, почти никто не
могъ. Но весьма вѣроятно, что Теокрипъ
только опредѣлилъ содержаніе, качества и
цѣль сего стихотворенія; и что оно го-
раздо древнѣе и произхожденіемъ своимъ
одолжено болѣе природѣ, нежели искусст-

ву. И дѣйствительно, представимъ себѣ съ одной стороны то блаженное и нынѣ столь рѣдко встрѣчающееся съ нами состояніе, въ какомъ жили люди въ первыхъ вѣкахъ міра, то есть состояніе пастуховъ; представимъ возхитительныя красоты природы, коими они, особливо въ счастливыхъ странахъ востока, всегда были окружены; представимъ ихъ свободу мыслей и дѣйствій, во всемъ изобиліе при весьма умѣренныхъ желаніяхъ; съ другой стороны вообразимъ, что сіи блаженствомъ наслаждавшіеся люди имѣли разумъ обогащенный познаніемъ не наукъ, но природы и руководствуемаго ею челоуѣка, имѣли ничѣмъ не угнетенное и слѣдственно быстрое воображеніе; имѣли чувствительность души, которую изливать во всей ея силѣ не препящивовали имъ принятыя въ нашихъ обществахъ и отъ младенчества внушаемые намъ обычаи. Представивъ, говорю, сіе все, можно ли повѣришь, чтобы сіи любимцы и сыны природы могли равнодушно и безмолвно взиращь на благость къ нимъ Творца, на богатство естества и на свое счастье; чтобы они въ простотѣ и невинности души своей не были сильно поражаемы встрѣчающимися иногда между ими необычайными, счастливыми или несчастными произшествіями, и чтобы въ малочисленныхъ

и мирныхъ своихъ бесѣдахъ не разговаривали о томъ съ нѣкоторымъ родомъ свойственнаго ихъ сосшоюнію изсупленія, подобно тому, какъ занимаются въ нашихъ шумныхъ собраніяхъ новостями о войнахъ и проч? Такія или подобныя обстоятельства производили всегда природныхъ стихотворцевъ и стихотворенія. Безъ сомнѣнія сіи были во многомъ недостаточны, каковымъ бываетъ въ началѣ всякое дѣло; хранились въ изустныхъ преданіяхъ, и весьма удобно пришли въ забвеніе, когда явились совершеннѣйшія, обработанныя искусствомъ произведенія сего рода. Первые изобрѣтатели сихъ послѣднихъ съ начала должны были, кажешся, стараться только дополнить то, чего не доставало въ порожденіяхъ природнаго дара: ихъ послѣдователи предпріяли уже болѣе, то есть посредствомъ приятнаго и вмѣстѣ сильнаго изображенія красоты природы, мирной сельской жизни и невинныхъ нравовъ пастуховъ дать намъ увидѣть, сколь далеко отъ сего настоящее состояніе чловѣка, живущаго въ большемъ свѣтѣ, а чрезъ сію противуположность возбудишь нѣкоторое тайное о томъ сожалѣніе, и вмѣстѣ оживотворить въ насъ вкусъ къ сельской простотѣ и шу любовь къ невинности, свойственныя

всѣмъ, коихъ стягопитъ забошлвая градская жизнь.

§. 75.

Теперь весьма внишно, почему Бат- Опредѣле-
ніе,
тіо называетъ пастушеское стихотворе-
ніе изображеніемъ сельской жизни, пред-
ставляющимъ оную со всѣми возможными
прелестями; а Эшенбургъ полагаетъ его
въ чувственномъ изображеніи благород-
ныхъ дѣйствій, нравовъ, страстей и чув-
ствованій, свойственныхъ людямъ живу-
щимъ обыкновенно въ малыхъ сельскихъ
обществахъ. А изъ сихъ двухъ, впрочемъ и достоин-
ства пас-
тушескаго
стихотво-
ренія.
одно и тоже означающихъ опредѣленій
слѣдуетъ, что упражняющіеся въ семъ
родѣ должны съ особеннымъ вниманіемъ,
1) подобно ландшафтному живописцу из-
бирашь мѣсто, на которомъ произошло
то, о чемъ имъ надобно говорить; 2)
дать и соблюсти надлежащія свойства
лицъ, ими вводимыхъ въ сочиненіе; 3)
предназначить свойственное оному со-
держаніе; 4) сами имѣть нужныя къ се-
му дарованія; 5) дать всему сочиненію
приличный составъ и слогъ.

§. 76.

Въ избраніи мѣста стихотворецъ со- О избра-
ніи и укра-
шеніи мѣс-
та.
храняетъ два главныя правила, то есть,
чтобъ оно отвѣтствовало во первыхъ

цѣли всякаго вообще паспущескаго, а во-
впшорыхъ цѣли особенно шого сочиненія,
въ кошоромъ оное предполагается. Какъ
главное намѣреніе всякаго вообще сочине-
нія сего рода состоитъ въ томъ, чтобы
живѣе и вкрадчивѣе представитъ преле-
сти сельской жизни; по паспущескій спи-
хошворецъ долженъ всегда предполагать,
что изображаемое имъ дѣло происходило
на мѣстѣ, обыкновенно посѣщаемомъ сель-
скими жителями; его зрѣлища по сло-
вамъ Г. Ломоносова должны быть

..... роци злачны,
Долины шучныя, испочники прозрачны.

Идиллія Полицдоръ.

Вотъ небольшой образецъ изъ Эклоги
Г. Сумарокова, Дамонъ.

Я часто прихожу къ рѣкѣ въ шалашъ пустой,
Я часто прихожу въ березникъ сей, густой,
И шамо отъ жаровъ въ полудни отдыхаю;
Подъ сею иногда горой въ бору бываю,
И шакъ ищу грибовъ подъ дубомъ на рѣкѣ,
Который тамъ стоитъ отъ паспы въ далеѣ.
Я и вчера была

Впрочемъ сего мало: должно еще избран-
ному мѣстцу дать самый привлекательный
видъ; и для шого не только не опустишь,
что оно дѣйствительно имѣетъ плѣни-

шельного, но еще дополнить своимъ воображеніемъ; когда оно со стороны природы въ чемъ либо недостапочно, должно собравъ дать оному приспойныя обстоятельства и качества, такъ чтобы оно могло служить источникомъ изобрѣшенія для шворца даже живописца. На избранномъ такимъ образомъ мѣстѣ всегда царствуетъ весна, всегда воздухъ ароматическій, охлаждаемый приятнымъ и пихимъ вѣтеркомъ, оглашаемый пѣніемъ птицъ и шуму подобное. Вотъ примѣръ:

Гуляли пастухи въ срединѣ красной рощи,
Котору съ трехъ сторонъ лугъ чистый украшалъ,
Съ четвершой хладный шокъ лѣся орошалъ.
Пастушки сладкія шумъ пѣсни возпѣвали,
Тумъ Нимфы, крояся въ водахъ, ихъ гласъ
внимали;

Саширы изъ лѣсовъ съ верховъ высокихъ горъ,
Прельщаяся на нихъ метали въ рощу взоръ;
Приятный пѣсенъ гласъ по рощамъ раздавался
И эхомъ разносимъ въ долинахъ повторялся.

Г. Сумароковъ въ Эклогѣ, Филиса.

Другое въ разсужденіи избранія мѣста правило состоитъ въ томъ, чтобы оно отвѣтствовало содержанию шого стихотворенія, въ которомъ приводится, представляя нужные и приятные предметы, когда матерія сочиненія веселая; напро-

пивъ сего мрачные и помные, какъ по темные лѣса, голыя скалы и проч: въ противномъ случаѣ. Сіе соотвѣстствіе мѣста содержанію стихотворенія придаетъ нѣчто къ тому впечатлѣнію, которое должно бытъ произведено повѣствованіемъ или дѣйствіемъ; подобно тому, какъ на театрахъ декораціи соотвѣстствуя содержанію представленія, тѣмъ самимъ даютъ оному болѣе правдоподобія. Случается правда, что стихотворцы скучнымъ какимъ нибудь повѣствованіемъ назначаютъ красивыя и приятныя мѣста; но тогда въ горести дѣйствующихъ, кажется, принимаютъ участіе и самыя мѣста; тогда все, что прежде упѣшало пасуха или пасушку, ему несносно, и его болѣе обременяетъ.

§. 77.

О качествахъ дѣйствующихъ въ пастушескихъ лицахъ. **Качества, свойственныя 'лицамъ вводимымъ въ пастушеское стихотвореніе, вообще представляющъ ихъ намъ воспитанниками единственно природы, не знающими ничего того, что сообщаетъ намъ воспитаніе и градская жизнь. Ихъ сужденія касаются токмо вещей, ежедневно съ ними встрѣчающихся; они знаютъ только въ томъ, что касается до ихъ стадъ, до ихъ сельскихъ заботъ, до изобилія и красотъ природы и проч. Ихъ сужденія**

о сихъ вещахъ просты, естественны и свободны; ихъ разговоры откровенны: а когда случается имъ говорить о предметахъ, кои для нихъ необыкновенны, то судятъ о нихъ сообразно съ тѣми понятіями, какія имѣютъ о вещахъ имъ извѣстныхъ. *) Что касается до ихъ нрав- Ихъ нравы ственности, то они, ведя посреди благо-разшвореннаго воздуха почти беззаботную жизнь, всегда имѣютъ веселый духъ, влекущій ихъ къ гульбѣ и пѣснямъ. Они не знаютъ дѣйствія сильныхъ спрасей; имъ неизвѣстно ни честолюбіе, ни корыстолюбіе; вся ихъ роскошь въ удовольствованіи умѣренныхъ ихъ нуждъ произведеніями ихъ спадъ и трудовъ; однимъ словомъ, во всѣхъ ихъ рѣчахъ и поступкахъ видна невинность, чувствительность и

*) Вотъ образецъ сего изъ Виргиліевой Эклоги, Тиширь и Мелибей:

Ахъ, какъ же я былъ простъ! Послушай для забавы:
Я думалъ городъ сей, о коемъ столько славы,
Что Рямомъ всѣ зовушъ, похожъ на нашъ
родной,
Куда гоняли мы ягнятъ своихъ весной.
Такъ равнымъ матери козленокъ мнѣ казался;
Такъ малое съ большимъ ровнять я изучался.
Нынь! Римъ среди градовъ, шакъ высятся главой,
Какъ гордый кипарисъ надъ низкою шравой.

Переводъ Г. Мерзлякова.

*

простодушіе. Небольшимъ сего примѣромъ
могутъ служить слѣдующіе стихи:

Не буду безъ тебя, Альципъ, ни ѣсть, ни пить,
Не стану и подъ тѣнь деревъ одна ходишь;
Не буду рвать цвѣты руками я своими,
Брать стану отъ тебя, и украшаться ими.
Я перваго плода не сѣмъ сама сыскавъ,
И принесу тебѣ, что я сыщу, сорвавъ.
Пѣть стану пѣсни тѣ, кошорыя ты сложишь,
Тебѣ дамъ пѣть свои, коль ихъ не уничижишь.

Г. Сумароковъ въ Эклогѣ Филиса.

Ихъ не-
приятно-
сія и не-
счастія.

Впрочемъ хотя такая блаженная жизнь
паспуховъ, существующая покомъ въ во-
ображеніи стихотворца и въ повѣствованіяхъ
о златомъ вѣкѣ, должна, кажется, пропекашь
въ непрерывныхъ удовольствіяхъ; но съ
другой стороны несчастливо было бы, е-
еслибъ они вовсе не знали несчастій,
случающихся въ состояніи самыхъ сельскихъ
жителей, и не испытывали никакихъ не-
приятностей, соединенныхъ съ существомъ
человѣка. Имъ извѣстны бывающія въ ихъ
состояніи несчастія, бури, болѣзни стадъ,
нападенія отъ звѣрей и проч. имъ извѣстны
не выводящія, правда, души внѣ себя, но
возмущающія ея спокойствіе дѣйствія
страстей, особливо любви.

§. 78.

Изъ всего доселѣ сказаннаго откры-
 вається, что должно бытъ содержаніемъ
 пастушескаго стихотворенія. Оно пред-
 ставляетъ намъ сельскую жизнь, но такъ,
 что не найдемъ ни въ одномъ изъ сочи-
 неній сего рода полного и по правиламъ
 составленнаго описанія оной. Каждое та-
 кое стихотвореніе занимается или какимъ
 нибудь произшествіемъ, случившимся ме-
 жду пастухами, или предложеніемъ какого
 либо между ними дѣйствія, или изобра-
 женіемъ какой нибудь имъ свойственной
 страсти. Но повѣствованіе о томъ сти-
 хотворца, или разговоры самихъ пасту-
 ховъ содержатъ въ себѣ изображенія раз-
 ныхъ вещей и обстоятельствъ, предспа-
 вляющихъ намъ соспояніе пастуховъ, ихъ
 невинные нравы и красоты природы. Впро-
 чемъ при посредственномъ размышленіи
 о тихой сельской жизни, каковою пред-
 ставляютъ ее стихотворенія сего рода,
 удобно усмотрѣть можно, что случающі-
 я въ ней произшествія, достойныя пе-
 ра стихотворца, не могутъ бытъ много-
 численны, а еще менѣе разнообразны; да-
 же самыя мѣста, гдѣ онѣ происходятъ,
 самыя качества дѣйствующихъ въ нихъ
 лицъ по большей части имѣютъ одно съ
 другимъ весьма великое сходство. Отъ
 сего происходитъ, что первоначальные

Осодержа-
 ніи пасту-
 шескаго
 стихотво-
 ренія.

пастушескіе стихотворцы имѣютъ весьма великое преимущество предъ ихъ послѣдователями; потому что творенія первыхъ содержали въ себѣ все новое, а послѣднихъ суть не что иное, какъ шокмо повторенія.

§. 79.

Нового рода содержаніе пастушескихъ стихотвореній.

Сіе заставило позднѣйшихъ стихотворцевъ стараться разпространить кругъ содержанія пастушескихъ сочиненій. Санныцарствъ шестнадцатая вѣка Римскій стихотворецъ въ подражаніе Феокрипу началъ писать Идилліи о дѣлахъ рыболововъ. Но какъ соспояніе сихъ промышленниковъ менѣе можетъ занимать вниманіе и чувствительность нашу, поелику жизнь ихъ, будучи гораздо заботливѣе, многотруднѣе и бѣднѣе; нежели пастуховъ, мало представляетъ приятностей сельской жизни; то Санныцарствъ и не имѣлъ послѣдователей. Но изъ числа новѣйшихъ пастушескихъ стихотворцевъ болѣе всѣхъ обогатилъ сіи сочиненія новыми предметами извѣстный Геснеръ. Онъ въ своихъ Идилліяхъ первый сталъ изображать разные случаи, бывающіе въ домашней жизни поселянъ, большею частію открывающіе душу сихъ простыхъ жителей, и служащіе примѣромъ любви супружней, нѣжно-

сти родительской, взаимной горячности между родственниками и проч.

Приведемъ для примѣра одну изъ шаекъ Геснеровыхъ Идиллій, называемую Миршилъ:

„Во время тихой вечерней зари Миршилъ сидѣлъ у пруда, осребряемаго свѣтомъ луны: спокойствіе всей освѣщаемой равнины и лѣсни соловья приводили его въ продолжительное восхищеніе. Наконецъ онъ возвратился въ зеленую виноградную сѣнь предъ его уединенною хижиною, увидѣлъ престарѣлаго отца своего, коимъ тихо спалъ, подперши рукою сѣдую голову свою; ошановился предъ нимъ, сложивъ руки накрестъ. Долго споялъ онъ, и взоръ его неподвижно устремленъ былъ на старика; иногда только обращался онъ къ небу сквозь блестящія виноградныя вѣтви, и радостныя слезы капились изъ глазъ нѣжнаго сына.

„О ты! (такъ говорилъ онъ потомъ) ты, коего я послѣ боговъ почитаю болѣе всего на свѣтѣ: отецъ мой! какъ приятно ты покоишься! Сладокъ сонъ праведника! Конечно шрепещущія ноги твои вышли изъ хижины, чтобы въ сердечной молитвѣ провести вечеръ, и въ молишвѣ сонъ покрылъ тебя. Ты молился и за меня, отецъ мой! Ахъ, какъ я счастливъ!

Боги услышали твою молитву. Отъ чего же наша хижина стоить такъ спокойно, такъ безопасно между вѣшьями, согбенными отъ плодовъ? Отъ чего благословеніе почиетъ на спадахъ нашихъ и на плодахъ въ полѣ нашемъ? Боги услышали твою молитву. Часто при моемъ попеченіи о спокойствіи дряхлой старости твоей, ты проливаешь радостныя слезы; когда ты упоенный такою радостію, взирая на небо, меня благословляешь: ахъ что я чувствую тогда, родитель мой? Тогда грудь моя вздымается, и слезы градомъ кашаются изъ глазъ моихъ. Когда я вывелъ тебя сего дня изъ хижины, чтобъ ты отдохнулъ на солнцѣ, когда ты увидѣлъ вокругъ себя великое спадо, и древа обремененныя плодами, и кругомъ плодоносныя нивы; тогда сказалъ ты: волосы мои посѣдѣли въ радости! благословляю сіи поля! Недолго уже будешь носиться по нимъ померкающій взоръ мой; скоро я премѣню ихъ на поля блаженныя. — Ахъ родитель мой! лучший изъ друзей моихъ! скоро мнѣ должно лишиться тебя. Печальная мысль! Ахъ! тогда, тогда я поставлю алтарь подлѣ твоего гроба; и потомъ всякой блаженный день, въ которой могу сдѣлать добро безпомощнымъ, польется молоко, и посыплются цвѣты на гробъ моего родителя.,,

„Тутъ онъ умолкъ, смотрѣлъ на своего отца, слеза блеснула въ глазахъ его. „Какъ приятно покоится онъ! сказалъ нѣжный сынъ сквозь слезы. Добрыя дѣла его представились и во снѣ душъ его. Какъ луна освѣщаетъ его посѣдѣвшую голову и бѣлую бороду! О, да не повредитъ своего здоровья прохладный вечерній вѣтеръ и влажная роса!“, Тутъ онъ поцѣловалъ его въ чело, старикъ проснулся, и сынъ отвелъ его въ хижину, чтобъ онъ спокойно отдохнулъ на мягкихъ кожахъ.“

§. 80.

Есть еще примѣры, что стихотворцы, иногда желая изобразить скрытнѣе или приятнѣе какія нибудь происшествія, случившіяся въ гражданскомъ общежитіи, представляютъ ихъ подъ видомъ или подобіемъ пастушескихъ дѣлъ, превращая шѣхъ, кои въ оныхъ участвуютъ, въ пастуховъ, пастушекъ, нимфъ и проч. Примѣромъ сего можетъ быть Идиллія Г. Ломоносова, Полидоръ. Какъ такія, такъ сказать, полупастушескія стихотворенія, должны удовлетворить двойкой цѣли, то есть, изобразить нѣчто изъ сельской жизни, и вмѣстѣ гражданское какое нибудь происшествіе; то по причинѣ того, что въ семъ случаѣ вниманіе и искусство писателя бываетъ развлекаемо двумя сказан-

Объ иносказательныхъ пастушескихъ стихотвореніяхъ.

выми предметами, оныя сочиненія несравненно труднѣ обыкновенныхъ пастушескихъ; а потому, что читатель чувствуетъ нѣкоторое въ нихъ отступление отъ обыкновенной цѣли пастушьяго стихотворенія, и находить болѣе, нежели сколько требуетъ сіе искусства; онъ менѣе ему нравятся *).

§. 81.

О дарованіяхъ нужныхъ пастушескому стихотворцу.

Дарованія, какихъ сіе стихотвореніе требуетъ отъ сочинителя, состоятъ не въ высокопорящемъ умѣ или воображеніи, не въ обширныхъ познаніяхъ, не въ возвышенныхъ чувствованіяхъ; но въ неприворномъ послѣдованіи внушеній природы, въ искусствѣ представить себя не знающимъ градскаго общежитія, въ простодушной откровенности, въ чувствительности, въ изображеніи тихихъ ощущеній спрасней, и проч. Словомъ, пастушескій стихотворецъ долженъ, такъ сказать, имѣть образъ мыслей и чувствованія шого, кого онъ выводитъ на зрѣлище, извѣщая о томъ такъ, какъ бы сами поселяне стали говорить. Большая наша привычка къ тому, что ежедневно видимъ въ

*) Самый Виргилій отъ сего въ мнѣніи нѣкоторыхъ шерьетъ нѣсколько своей цѣмъ.

общежитіи, дѣлаешь, что самые превосходные стихотворцы иногда, стараяся превратиться въ паспуховъ, говорятъ о вещахъ хотя приличныхъ сему состоянію, но низкихъ, за что порицають самаго Феокриша; а другіе, что еще чаще бываетъ, извѣсняются такъ, что въ семъ видѣннѣ бываетъ болѣе образованный горожанинъ, нежели простодушный обитатель сель. Такъ говоритъ Г. Сумароковъ въ Эклогѣ, Дамонъ.

Дамонъ ошвѣстствовалъ на нѣжныя тѣ пѣни,
 Передъ любезной сжавъ своею на колени,
 Цѣлуя руку ей

§. 82.

Что касается до наружнаго состава **О** наруж-
 паспуческихъ стихотвореній, то онѣ номъ видѣ
 имѣють видѣ сочиненія иногда Эпическа- п а с пуче-
 го, то есть, когда бываютъ не что иное, х о ш в о р е-
 какъ предлагаемыя стихотворцемъ повѣ- ній.
 ствованія о какомъ нибудь произшествіи
 или дѣйствіи паспучовъ; иногда лириче-
 ского, когда какое нибудь чувствованіе,
 которое составляетъ ихъ содержаніе, бы-
 ваетъ съ возшоргомъ изображаемо стихо-
 творцемъ или самими паспучами; иногда
 драматическаго, когда въ нихъ паспучи или
 дѣйствуютъ или разговариваютъ между со-
 бою; иногда наконецъ смѣшаннаго изъ сихъ
 родовъ: ибо случается, что въ эпическомъ

паспущескомъ стихотвореніи бываетъ нѣчто лирическое, напримѣръ, пѣсни паспущовъ, или нѣчто драматическое, напримѣръ споръ между ими въ искусствѣ пѣснопѣнія. Къ составу сихъ сочиненій принадлежатъ еще и то, что ихъ раздѣляютъ

О различіи на Эклоги и Идилліи. Различіе между симежду эклогами и идилліями. Стихотворцы совсѣмъ о помѣ не упоминаютъ, а новѣйшіе едва его замѣчаютъ.

Впрочемъ оно состоитъ въ томъ, что Эклога, хотябъ эпической, хотябъ драматической имѣла видъ, по большей части занимается дѣйствіемъ; напротивъ сего идиллія состоитъ изъ описаній, повѣствованій, изліянія чувствованій, и проч.

Паспущеское стихотвореніе имѣетъ и всегда имѣетъ эпическій видъ. При семъ нужно еще примѣнить, что какъ Эклога, такъ и Идиллія называются всегда именемъ главнаго въ нихъ упоминаемаго лица.

§. 83.

О слогахъ паспущескихъ стихотвореній. Судя по содержанію, по качествамъ лицъ и мѣстъ, какія бываютъ въ паспущескихъ стихотвореніяхъ, ясно можно видѣть, какого онѣ требуютъ слога.

Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ должны быть простой, не шерпящей ничего высокопарнаго, обдуманнаго, искусственнаго ни въ мысляхъ, ни въ словахъ, но требующій

единственно мыслей и выражений свойственных умному опыту природы человеку. Кроме сего он имеет особенные некоторые качества; он должен, как сказать, на каждом шагу отзываться состоянием сельского жителя, должен иметь везде следы чувствительности, простодушия и нежности. Читая совершенное произведение в семь родов, в каждом описании, в каждом суждении, в каждом выражении, видим всегда чтонибудь сельское, видим поселянина искренне занимающегося делами, или сильно поражаемого случаями своего состояния, без чего его действия, его речь будут подобны словам говорящей статуи. Наконец простодушие и откровенность исключают всякое притворство и скрытность; а нежность слога показывает, просто сказать, мягкое сердце, и чуждое всякой суровости и жестокости, подобно младенцу утешающемуся всем приятным до некоторого изступления. Вот превосходный сего образец:

Вдруг яблоко в меня кидает Галаша.
Смотрю: шалунья в лес, как будто бы робя,
Бжись, но хочет знать, бгу ли я за ней.

Вирг. Экл. III. перев. Г. Мерзлякова.

Вотъ еще другой примѣръ на Французскомъ языкѣ:

Timmarette s'en est allée.
 L'ingrate, méprisant mes soupirs et mes pleurs,
 L'aisse mon ame desolée
 A la merci de mes douleurs.
 Je n'espérai jamais qu' un jour elle eût envie
 De finir de mes maux le pitoyable cours;
 Mais je l'ai mois plus que ma vie,
 Et je la voyois tous les jours, segtais.

То есть:

Тимаретта меня покинула! Неблагодарная, презрѣвъ мои вздохи и мои слезы, оставила меня посреди опчаянiя на жертву моихъ горестей! Я никогда не воображалъ, чтобъ она вздумала когда нибудь прерватьъ цѣль моихъ несчастiй. Но я любя ее болѣе своей жизни, по крайней мѣрѣ видѣлъ ее всякой день.

§. 84.

Совершен-
 ный паспу-
 шескiя
 стихотво-
 ренiя
 очень рѣд-
 ки.

При окончанiи сего разсужденiя о паспушескомъ стихотворенiи нужно замѣнить, что оно, судя по извѣстнымъ доселѣ совершенствамъ его, не такъ легко, какъ съ перваго кажется разу; даже нѣкоторыя криптики щитаютъ не болѣе десяти, которыя доспойны имени паспушескаго стихотворенiя, изъ всѣхъ извѣстныхъ произведенiй сего рода. Чтобъ имѣть хошя одинъ образецъ шаковой экло-

ги, я почелъ за нужное привести здѣсь известную всѣмъ Θεокристову эклогу подъ именемъ, Циклопъ. Я воспользуюсь переводомъ Г. Мерзлякова.

— — — — — || — — — — —

Противу терзаній любви, мой другъ, не помогай
губь

Ни шравы цѣлебны врачей, ни дивныя чары ;

Противу терзаній любви защита намъ музы.

Ихъ способы вѣрны для насъ, не спроги, не чужды.

Не трудно обрѣсть ихъ дары.—Ты ими владѣешь!

Ты, Ниціасъ, врачъ, и другъ богинь Геликона.

Къ нимъ, къ нимъ пришекалъ Полифемъ, Ци-
клопъ спародавнній,

Когда онъ любовью старалъ къ молодой Галашеѣ!

Едва на ланяшахъ его брада показалась ;

Цвѣтъ юности алой угасъ, и кудри не въюшкы:

Все скучно, постыло ему. Печальныя овцы

Одни приходили въ загонъ съ луговъ златоцвѣт-
ныхъ ;

Несчастнній, склонившись на брегъ, обросшій
кустами,

Лилъ горкія слезы любви къ своей Галашеѣ!

И мраченъ, и блѣденъ, и сухъ! — Ахъ шяжко въ
лѣта младыя

Эрошвы стрѣлы носишь въ шрепещущемъ
сердцѣ!

Ахъ шяжко любовь укрывать въ груди воспа-
ленной!

Однако обрѣлъ Полифемъ спасительный способъ.

На мшистомъ утесѣ онъ пѣлъ, взирая на волны :

Ахъ! долголь шебъ презирашь любовь, Галашея!

Взгляни: ты блѣбе млека, ты агнецвъ ибжибе ;

Ръзвѣ забавныхъ шельцовъ.....но горше полыни —
Ты всходишь на брегъ, какъ сонъ меня пось-
щаетъ:

Уходишь опять, какъ сонъ меня оставляетъ :
Бѣжишь отъ меня, какъ овцы отъ лютаго волка!
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, прекрасная дѣва,
Когда приходила ты къ намъ на злечныя горы —
И мать моя вмѣстѣ съ тобой, собираешь гѣнцины..
Съ тѣхъ поръ полюбилъ я тебя, и сердца не спало!
И сонъ мой на вѣкъ убѣждалъ!..тебѣ что за дѣло? ..
Тебѣ моя грусть не бѣда, любезная Нимфа.
Я знаю, откуда сіе презрѣнье и робость ;
Я знаю, прошивно смотрѣшь на бровь волосясту,
Всклокоченну, черну, кругомъ по лбу разпро-
сперту!...

Подъ нею чуть видѣнъ мой глазъ, единый и
впалый;
Широкой и плоской мой носъ виситъ надъ гу-
бами. —

Пусть правда для милыхъ мой видъ немного
ужасенъ! —

Но гдѣжъ, Галашен; спада такія пасутся?
Здѣсь тысяча кравъ! — здѣсь пью млеко жи-
вошворно!

Я сыромъ богашъ для зимы, для осени, лѣша!
Пещера моя — посмотришь — какъ полная чаша.
Никто не сравнишь со мной въ игрѣ на свирѣли!
Тебя, украшеніе горъ, тебя, радость моря,
Тебя возпѣвалъ я одинъ, исполненъ любви!
Тебѣ соснелъ по зарямъ — изсохшее сердце!
И поздная ночь осушитъ моихъ слезъ не умѣла!
Приди, Галашен, приди: готово, чѣмъ встрѣ-
тить! —

Одиннадцать ланей пасу тебѣ златорогихъ ;

Четыре медвѣдя младыхъ вкругъ гроша толкутся:
 Спѣши, веселися: все есть, во всемъ изобилъе!
 Пустъ дикія волны, дробясь, играютьъ съ брегами,
 Прияни! Бѣ ночь проведши въ пещерѣ со мною!
 Въ ней лавры цвѣшуть по стѣнамъ; предъ ней
 кипарисы,

И темнозеленый плющъ и Вахвовы лозы,
 Нагнувшись надъ нею, покровъ соткали узорной!
 Тамъ съ Эшны лѣсистой шумитъ къ утоленію
 жажды,

Сребристыя воды, утесъ крутой орошая!
 Что значить предъ жизнью такой и море и бури?
 Но ешьли кажусь я тебѣ угрюмымъ и мрач-
 нымъ?

Что медляшь! ...рѣшился! вотъ дубъ, еще не по-
 гасшій,

И свѣтлой дымяся огонь подъ пепломъ таится:
 Скорѣй Галаша, скорѣй! ты сердце ужъ
 выжгла —

Ахъ выжги и глазъ мой, сей глазъ: мое все бо-
 гашство! —

Почто не рожденъ я, увы, чешуйчатой рыбой?
 Почто не могу разбѣкаться въ влажныя волны?
 Не медлябъ съ утеса спремглавъ, и въ слѣдъ
 за тобою,

Чтобъ руки твои лобызать, не смѣя другаго!
 Лилеи носилъ бы тебѣ и макъ разноцвѣтныи.
 Но лѣшомъ лилеи расшуть, а маки зимою!
 Смощри, какъ свирѣпа любовь разсудка лишаетъ!
 Забылъ, что цвѣшовъ сихъ не лзя срывать въ
 одно время.

Но бышь такъ! узнаемъ, рѣшимся, научимъ-
 ся плавать!

Пустъ волны извергнутъ ко мнѣ на брегъ мо-
 реходца:

Узнаемъ, что радости жившь шебѣ подѣ водою ?
 Но прежде приди, Галашея, сюда ! — приди , а
 пришедши,

Забудь ! о забудь свой домъ, какъ я забываю !
 Красавица, станемъ пасты, доишь мы овечекъ ;
 Начнемъ очищать свой сыръ отъ вредныя влаги.
 Ахъ ! какъ непреклонна ко мнѣ грудь машери
 строгой !

Жестокая хочешь , чтобъ сынъ шерзался и
 плакалъ ;

Хоть разъ бы сказала о мнѣ привѣпливо слово,
 А каждой день видишь, что я блѣднѣю и сохну.
 Пришлось и отъ машери.... ахъ ! шайшь свое горе.
 „Ты боленъ , мой сынъ !“ — у меня болишь
 грудь и руки !

Скрывъ слезы, даю ей отвѣтъ ! О ешьлибъ
 узнала

Она, какъ болишь любви покорное сердце.
 Ахъ бѣдной Циклопъ ! ахъ ? куда дѣвался швой,
 разумъ ?

Когда ты бродилъ по горамъ, сплешая корзинки,
 Когда собиралъ для ягнятъ зеленыя вѣшви ;
 Въ шо время умнѣ ты былъ ! — Опомнись не-
 счастной !

Сбери хоть овецъ ! что любишь мечту от-
 даленну !

Пускай Галашея бѣжитъ : ешь лучше другія !
 Вокругъ шебя рѣзвятся здѣсь соборы красавицъ !
 Гошovy сѣ шобою играшь до позднія ночи,
 И сладко смѣются, когда ихъ пѣснямъ внимаешь.
 Спокойся ! ешь люди ! и насъ еще не забудушь !
 Такъ въ пѣсняхъ Циклопъ услаждалъ мученья
 лювови,

Миръ, пѣсня, свобода — мои : я все презираю !

§. 85.

Оспается еще упомянуть о недавно Новыи
 изобрѣшенномъ родѣ пастушескаго спи-родѣ па-
 хошворенія, которое имѣя видѣ поемы сшушеска-
 или драмы, такія даешъ качества дѣй-го стихо-
 свующимъ лицамъ, такія избираешъ мѣ-шворенія.
 ша дѣйствій, и проч. коихъ живыя и нѣ-
 жныя изображенія суть изображенія про-
 сподушія и невинныхъ нравовъ поселянъ
 и красотъ природы. Сіе изобрѣшеніе сдѣ-
 лали Ишаліяны, у коихъ есть два превосход-
 ныхъ сего рода сочиненій: одно называется
 Вѣрный Пасхухъ (le pastor fide), а дру-
 гое, Аминша, произведение Тасса. Рос-
 сійская словесность имѣешъ такъ же
 прекрасный сего примѣръ въ извѣстной
 всѣмъ поэмѣ Г. Богдановича, именуемой
Душенька.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ 31

О

ПОЕМЪ ЭПИЧЕСКОЙ.

§. 86.

О произ-
хожденіи
Эпической
поэмы во-
обще.

Судя по высокимв дарованіямъ, изящному вкусу, по обширному и многообразному искусству, какія находимъ въ лучшихъ эпическихъ поемахъ, не возможно помыслишь, чшобы только природный умъ, шворческое воображеніе и отличная чувствительность души предуготовили ихъ произхождение. Но вообразивъ, что онѣ по всей вѣроятности не иначе, какъ со временемъ достигли сего совершенства, и что къ постепенному изобрѣтенію искусственныхъ средствъ, кои столько ихъ возвысили, служили поводомъ самыя недостатки и несовершенства существовавшихъ до того швореній сего рода, должно, кажется, увѣриться въ тошъ, что первое къ сему произведенію побужденіе сама природа вложила въ насъ; что встрѣчавшіяся по временамъ съ людьми произшествія, сильно ихъ поражавшія, заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ упошребить въ дѣло сіе естественное разположеніе, и что пошомъ просвѣщеніе, при

помощи размышленія и вкуса, придумалъ къ сему еще многое.

§. 87.

Начнемъ съ перваго изъ сихъ замѣчаній. Человѣкъ, одаренный пылкимъ воображеніемъ и чувствительною душою, никогда не можетъ равнодушно ни слышать, ни мыслишь о великомъ дѣяніи другаго; и сіе качество духа принадлежишь членамъ не однихъ просвѣщенныхъ, но и невѣжественныхъ первобытныхъ обществъ. Какія, скажутъ мнѣ, въ семъ состояніи общежитія могутъ быть великія дѣла, и какое воображеніе, которое, естлибъ оно и было, могло ими быть поражаемо? Когда будемъ судишь о дѣлахъ не по тѣмъ, какія мы о томъ имѣемъ, но какія имѣють о нихъ современники, поняшіямъ; то въ самыхъ первоначальныхъ и неустроенныхъ обществахъ всегда найдемъ людей, приобрѣтшихъ своими подвигами отличное уваженіе и любовь соотечественниковъ; я скажу болѣе, людей, коихъ дѣянія, ни просвѣщенная Греція, ни самолюбивый Римъ, ни величественная нынѣ Европа не усомнились бы назвать иногда великими. А полагаешь, что на пылокое воображеніе и великую чувствительность души имѣешь право человѣкъ, живущій въ просвѣщенномъ шокмо состояніи, былобы обидно природѣ

Оначалъ въ
лическихъ
поембу не-
просвѣ-
щенныхъ
народовъ.

человѣка и вмѣстѣ несправедливо. Красно-
 рѣчивѣйшія и сильныя рѣчи, говоренныя
 въ разное время дикими Американцами
 или оспровишянами въ ихъ собраніяхъ,
 доказываютъ прошивное. И такъ согла-
 сившія на то и другое, представимъ се-
 бѣ теперь съ одной стороны, съ какимъ
 спраснымъ удовольствіемъ люди, живу-
 щіе въ самыхъ невѣжественныхъ общест-
 вахъ, любящъ заниматься въ малочислен-
 ныхъ своихъ собраніяхъ опличными дѣ-
 яніями своихъ соопечественниковъ, чему
 служатъ доказательствомъ употребляе-
 мыя въ ихъ торжественныхъ праздни-
 свахъ пѣснопѣнія, а съ другой, съ какимъ
 рвеніемъ шѣ изъ нихъ, коихъ природа
 произвела съ особенными дарованіями, бу-
 дучи подстрѣкаемы сильнѣйшимъ желані-
 емъ приобрѣсти себѣ опличіе, старающя
 изобразить, сколько возможно, разитель-
 нѣ великія дѣла соопечественниковъ. Раз-
 горяченное ихъ воображеніе уже недо-
 вольно бываетъ шѣмъ, что прославляемыя
 ими дѣла имѣютъ въ себѣ величествен-
 наго: оно ищетъ въ нихъ чего-то еще бо-
 лѣе: ему кажется, что самыя божества
 и шѣни знаменитыхъ предковъ имѣли въ
 нихъ участіе; оно видитъ сокровеннѣй-
 шія чувствованія своего героя, коихъ онъ
 никому не открывалъ; оно слышитъ его
 рѣчи, коихъ онъ никогда не произносилъ;

кращко сказашь, руководствуемый такимъ воображеніемъ природный словолубецъ кажется вдохновеннымъ. И дѣйствительно онъ бываетъ тогда уже не простымъ повѣствователемъ, рассказывающимъ происшествія такъ, какъ онъ случились; но живописцемъ, изображающимъ оныя въ помъ видѣ, въ какомъ онъ представляюща находится въ возторгѣ его дарованію; а въ семъ случаѣ его слово соотвѣтствуетъ его чувствованіямъ. (При семъ замѣтимъ мимоходомъ, что поелику такія шворенія большею частію были пѣсны вмѣстѣ съ музыкою; шо онъ должны были имѣть нѣкоторый родъ измѣренія и стопосложенія.) Таковы произведенія древнихъ Бардовъ, коихъ превосходный образецъ видимъ въ поемахъ Оссіановыхъ.

§. 88.

Впрочемъ всѣ шворенія сего рода безъ сомнѣнія во многомъ были далеки истиннаго изящества: ихъ шворцы могли избирать для своего краснорѣчія дѣль, но должны были говорить о такихъ кои представляли имъ обстоятельство; ихъ воображеніе часто выходило за предѣлы вкуса и вѣроятія; ихъ описанія и изображенія нерѣдко не имѣли надлежащей съ содержаніемъ всего слова связи, и проч. При всемъ томъ, шо есть, сколь ни

О недосшаткахъ первоначальныхъ, составленныхъ безъ правилъ поемъ.

недостаточны были сіи стихотворенія, однако, естли судить по ихъ содержанію, составнымъ частямъ, слогу, а особливо по тому сильному дѣйствию, какое онѣ производили въ душахъ другихъ: по не можно не почестъ ихъ первоначальными эпическими поемами.

§ 89.

Объ усо-
вершенств-
вованіи
Эпиче-
скихъ по-
емъ.

Но наблюдающіе умы просвѣщенныхъ вѣковъ, видя, что сей родъ стихотворенія въ томъ несовершенномъ состояніи, въ какомъ онѣ выходилъ изъ рукъ природныхъ стихотворцевъ, былъ уже недостаточенъ для людей, имѣвшихъ болѣе просвѣщенія и вкуса, а при томъ чувствуя, что онѣ есть весьма сильное орудіе, дѣйствующее надъ душою другаго, и дабы воспользоваться симъ, употребили свои дарованія на то, чтобы сдѣлать сіи важныя шворенія совершенными въ той степени, до какой онѣ могутъ быть доведены обдумывающимъ все искусствомъ. Такимъ образомъ на мѣсто, такъ сказать, тѣни Эпическихъ поэмъ, явились такія, какими видимъ ихъ нынѣ: подобно тому, какъ зодчество произвело великолѣпныя зданія вмѣсто бѣдныхъ, представляемыхъ природою, убѣжищъ отъ воздушныхъ непогодъ.

§ 90.

Сообразивъ все, что доселѣ сказано, удобно понять, что эпическая поэма, (разумѣя оную въ томъ смыслѣ, въ какомъ нынѣ обыкновенно ее принимаютъ), есть о какомъ либо великомъ, героическомъ и возбуждающемъ соучастіе въ цѣломъ какомъ нибудь народѣ, или и во всемъ родѣ человѣческомъ дѣяніи такое вымышленное повѣствованіе, которое будучи обработано со всемъ возможнымъ стихотворческимъ искусствомъ, наполняетъ душу читателя разнообразными, возвышенными и преклоняющими къ добродѣтели чувствованіями, особливо удивленіемъ къ прославляемому дѣянію. Хотя пиисы даютъ различныя опредѣленія сему стихотворенію; *) но изъ всѣхъ видно только то, что огромный, какой только творческимъ воображеніемъ можетъ быть произведенъ вымыслъ, и возможное искусство стихотворческаго слова, какое поребно для возбужденія въ душѣ высо-

*) Такъ напримѣръ Баттіо называетъ оное стихотворческимъ повѣствованіемъ чудеснаго дѣйствія; Эшембургъ стихотворческимъ же повѣствованіемъ причинъ, обстоятельствъ и слѣдствій важнаго дѣянія во всемъ его теченіи: а Вольеръ повѣстію въ стихахъ геройскихъ приключеній.

кихъ ощущеній, составляютъ сущность и ошличительное качество сего шворенія.

§ 91.

О свойст- Эпическая поэма одно шокмо основа-
вен номъ нїе своего содержанія заимствуешъ изъ
Эпической исторіи; *) все же прочее есть изобрѣше-
поэмъ вы- нїе самаго стихопворца. Онъ вымыш-
мысль во- нїе самаго стихопворца. Онъ вымыш-
обще. ляешъ всѣ обстоятелства, какими повѣ-
стваемое дѣянїе должно сопровождаться, и соединяешъ ихъ въ одинъ составъ; онъ шворитъ дѣйствующія лица, и даетъ каждому изъ нихъ приличныя качества; онъ находить предметы, кои будучи введены въ сїе стихопворенїе, способны при помощи искусства сочинителя произвешти сильныя потрясенія въ душѣ читателя: однимъ словомъ, сїя поэма есть такое огромное зданїе, кошорому шворческое воображенїе стихопворца дало, и въ коемъ одно оно размѣщаетъ и соединяешъ всѣ составляющія оное частїи.

§ 92.

Объ иску- Впрочемъ все сїе, коль ни важно, коль
ствѣ об- ни преимущественно предъ обработанїемъ,
работыва- составляетъ не болѣе, какъ и обрисовка
нїя. у живописца, кошорый намѣренъ напи-

*) Сего одного уже довольно, кажешся, для ошличїя оной ошъ исторіи.

сашь превосходную историческую картину. У него за симъ слѣдуетъ отдѣлка: равнымъ образомъ эпическій стихоповець все имъ изобрѣшенное, расположенное и связанное долженъ оживить своимъ искусствомъ, и употребить всѣ пособія онаго, дабы достигнуть предположенной цѣли, то есть наполнить душу читателя высокими понятіями и чувствованіями, представляя ей по разнымъ мѣстамъ повѣствованія, которое одно въ состояніи плѣнить ее, то многообразныя и разительныя описанія, то противоположныя и вмѣстѣ необыкновенныя качества дѣйствующихъ лицъ, то превышающія, кажется, человеческую силу противоборствія препятствій, то чрезмѣрные порывы и борьбу страстей, и при томъ изображая все по громкимъ, величественнымъ и увлекающимъ за собою словамъ.

§ 93.

Слѣдовательно всѣ, касающіяся сего О правн-
важнаго стихотворенія правила *), или лахъ Эпи-
лучше сказать извлеченныя изъ разсмол- ческой по-
ра превосходныхъ эпическихъ поэмъ о амы вооб-
ще.

*) Блеръ въ 35 урокъ объ изящныхъ наукахъ и Г. Сульцеръ въ Енциклопедіи подъ сло-

нихъ понятія можно привести въ главныххъ отдѣленія: однѣ будущѣ показывать, что и какъ стихотворецъ изобрѣтаешъ; другія, какъ онѣ все изобрѣшенное соединяешъ въ одно цѣлое; третій, какъ все то возвышаешъ посредствомъ своего искусства. Изобрѣшеніе приготовляешъ запасъ, отъ доброты коего зависитъ доброта всего заданія; разположеніе даешъ ему надлежащій и выгодный видъ; а отъ искусства отдѣлки зависитъ все великолѣпіе и весь блескъ обольщающій.

§. 94.

О изобрѣненіи для **Эпической** поэмы. **Первый предметъ изобрѣненія Эпическаго стихотворца есть содержаніе по-**

вомъ Эвопея, жалуются, что въ числѣ правилъ эпической поэмы есть много такихъ, которыя основаны не на общихъ и неизмѣняемыхъ началахъ вкуса, но на соображеніяхъ умовъ, любящихъ школьныя подробности; а Г. Вольперъ въ своемъ разсужденіи о семъ стихотвореніи, говоритъ, что поелику оно замѣстуетъ все единственно отъ творческаго дара стихотворца, то правила послужили бы только къ его стѣсненію, а не къ руководству. Но здѣсь будущѣ показаны не наставленія для творческихъ умовъ, но шокмо общія понятія о подробностяхъ сего обширнаго стихотворенія тѣмъ, кой ихъ не знаютъ, и при томъ съ замѣчаніемъ, какія изъ оныхъ правилъ не отъ всѣхъ вообще признаются за неизмѣняемыя.

эмы; въпорый, относящіяся къ оному по-
дробности; а претій, качества имѣющихъ
дѣйствовать въ ней лицъ. Всякому извѣ-
стно, что отъ удачнаго выбора содержа-
нія весьма много зависитъ успѣхъ цѣлаго,
особливо поль огромнаго сочиненія. Но
піишы въ разсужденіи сего не во всемъ
между собою согласны. Общее ихъ мнѣніе
то, что содержаніемъ Эпической поэмы
должно быть дѣйствіе, имѣющее одну
цѣль, великое или героическое и возбуж-
дающее въ читателѣ соучастіе. Нѣкоторыя
же къ сему присовокупляютъ еще,
что оно должно быть таково, чтобы мо-
гло принадлежать къ нему много разно-
образныхъ приключеній и даже сверхъ-
естественныхъ или чудесныхъ, и быть
почерпнуто изъ исторіи недавнихъ вре-
менъ.

§. 95.

Показавъ прежде, что у стихотвор- О един-
цевъ называется дѣйствіемъ, я намѣренъ ствъ дѣй-
изяснить только показанныя онаго ка- ствія въ
чества: и въпервыхъ единство дѣйствія, Эпической
служащаго содержаніемъ эпической поэмы псемъ.
или единство цѣли онаго состоить въ
безпрестанныхъ усиліяхъ героя поэмы до-
стигнуть какого нибудь одного предпри-
ятаго имъ намѣренія. Сколько бы ни
развлекали его разнообразныя, встрѣчаю-

щіяся ему обстоятельства; но онъ никогда не забываетъ о своемъ предпріятіи: сколько бы ни оспанавливали его разныя препятствія; но онъ всегда силится преодолѣть ихъ, дабы дойти до своего конца; однимъ словомъ онъ мыслитъ, начинаетъ, подвизается единствененно для достиженія онаго, такъ, что вся эпическая поема есть не что иное, какъ дальній путь, которымъ онъ вмѣстѣ съ читателемъ, приемлющимъ участие въ его состояніи, идучи по поприятнымъ, по пошруднымъ мѣстоположеніямъ, всегда спремится къ предназначенному мѣсту, и успокоивается совершенно не прежде, пока дойдетъ до онаго.

§. 96.

Эпическое дѣйствіе, кромѣ единства времени и единства мѣста. Такое единство дѣйствія эпической поэмы, не спѣсня его ни предѣлами пространства, ни единствомъ времени и мѣста, ни опредѣленнымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ, служитъ къ тому, что всѣ относящіяся къ сему дѣйствию приключенія, при всемъ ихъ разнообразіи, дѣлаютъ въ читателѣ глубокое оглавной ихъ цѣли впечатлѣніе, а отъ того и сами получаютъ нѣкоторую естественную связь. Къ единству дѣйствія принадлежатъ еще и то, что оно должно быть полно, то

есть по словамъ Аристошеля имѣшь начало, средину и конецъ.

§. 97.

Другое качество дѣйствія, или лучше дѣйствіе сказашъ предпріятія, бывающаго содержаніемъ эпической поемы, состоитъ въ томъ, чѣмъ оно было велико, по естѣству, чѣмъ шаково, чѣмъбы существенными своими свойствами и сопровождающими его обстоятельствами могло наполнить душу читателя необыкновенно высокими понятіями и возвышенными чувствованіями, чѣмъбы побужденіемъ рѣшиться на оное было нѣчто чрезвычайное, чѣмъбы средства, потребныя для исполненія, и усилія для преодоленія встрѣчающихся въ немъ препятствій требовали чего-то болѣе, нежели чего можно ожидать отъ обыкновеннаго человѣка; и чѣмъбы наконецъ его совершеніе имѣло весьма важныя и далеко простирающіяся слѣдствія; и было источникомъ и началомъ какихъ либо чрезвычайныхъ происшествій. То свойство сего дѣйствія, которое изображается словомъ героическое, есть поже, что и означаемое словомъ, великое: только по въ знаменованіи слова, героическое, есть особенное, что въ семъ случаѣ приемлющя во вниманіе качества Героя, принявшаго намѣреніе, по естѣству, что какъ въ

Эпической поемы должно быть великое и героическое.

рѣшеніи его на такое предпріятіе, такъ и въ усиліяхъ, употребленныхъ имъ для исполненія, видны такія чрезвычайныя его качества и высокія добродѣтели, которыя представляя намъ его почти выше человѣка, возбуждаютъ въ насъ къ нему удивленіе, соединенное съ нѣкоторымъ родомъ благоговѣнія. Въ противномъ случаѣ, когда избранное содержаніемъ поэмы дѣйствіе было бы изъ числа обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлъ: то и главная сего сочиненія цѣль нимало не была бы соблюдена, и все изощренное стихотворцемъ высокой степени искусство было бы холодно, напрасно и даже иногда смѣшно.

§. 98.

Дѣйствіе Показанныя свойства дѣйствія будутъ въ Эпической поэмѣ должно возбудить въ читателѣ соучастіе. еще сильнѣе, если стихотворецъ, какъ бы нарочно, замѣшаетъ въ оное нѣсколько личность читателя, такъ, что прославляемый подвигъ рождаетъ въ немъ такое живое соучастіе, что онъ почиаетъ героя поэмы, какъ бы принадлежащимъ еще въ нѣкоторомъ смыслѣ, и находясь въ своемъ состояніи нѣчто общее съ его состояніемъ, кратко сказать, усматриваетъ въ дѣлахъ героя нѣчто такое, что заставляетъ его (читателя) искренне желать оному успѣха въ предпріятіи; и что

раздражаетъ его при всякомъ открывающемся къ нему препятствіи.

§ 99.

Впрочемъ при обстоятельствахъ ража- Три исто-
даютъ въ читателѣ такое соучастіе, по чника соу-
есть, или единство въ роисповѣданія, когда частіа:
предпріятыи героемъ подвигъ клонится единствъ о
къ славѣ въры, исповѣдуемой читателемъ, въ роиспо-
какъ въ поэмѣ, освобожденный Іерусалимъ; вѣданія.
или единство произхожденія, когда герой Единство
своимъ подвигомъ дѣлаетъ честь, а еще бо произхо-
лѣе, когда онъ самъ принадлежишь къ жденіи,
одному съ читателемъ народу, какъ на
примѣрѣ въ Россіадѣ, (Поэма, Владиміръ
имѣетъ оба рода единства); или наконецъ
единство общихъ человѣческихъ чувство-
ваній, когда герой подвизается ко благу
всего человѣческаго рода; или лучше ска- Единство
зать, когда стихотворецъ изображаетъ общихъ че-
нѣчто свойственное каждому народу, ловѣче-
каждому въку, какъ сдѣлалъ Гомеръ въ скихъ чув-
своей Иліадѣ. Всякой удобно можеть ствованій.
представить, что чѣмъ обществениѣе, Послѣднее
то есть чѣмъ большаго числа читателей с и л ѣ н ѣ
и временъ касается единство, тѣмъ ж е р д ы х ѣ.
оно сильнѣе бытъ должно. И потому
единство общихъ человѣческихъ чувство-
ваній производитъ соучастіе во вся-
комъ читателѣ, какой бы въры и произ-
хожденія онъ ни былъ. При семъ нужно

Препятствіа еще замѣтитъ, что сверхъ сего искусства способствуютъ такъ же къ возбужденію соучастія. еще замѣтитъ, что сверхъ сего искусства стихотворца, съ какимъ онъ проповологаетъ герою, и изображаетъ препятствія къ достиженію предпріятого намѣренія, такъ же раждаетъ въ читателѣ соучастіе. Но о семъ пространнѣе будетъ предложено, когда будемъ говорить о изобрѣшеніи подробности дѣйствія.

§. 100.

Дѣйствіе эпической поемы должно бытъ плодovitо для изобрѣшенія. Мармонтель въ Энциклопедіи подѣ словомъ Эпопея, говоритъ, что дѣйствіе эпической поемы, будучи обширно, имѣетъ то преимущество, что можетъ бытъ для изобрѣшенія плодovitо; что даетъ возможность стихотворцу, имѣющему умъ и вкусъ, избрать изъ множества принадлежащихъ къ нему обстоятельствъ тѣ, которыя болѣе другихъ могутъ бытъ обработаны его искусствомъ, и тѣмъ самымъ сильно дѣйствовать надъ читателемъ. Но сіе замѣчаніе мнѣ кажется излишнимъ, когда представимъ себѣ, что изобрѣшеніе всего, что только входитъ въ дѣйствіе поемы, есть произведеніе почти единственно шворческаго воображенія стихотворца.

§. 101.

Чудесное должно бытъ средно дѣй- Известный Башпио утвердительно говоритъ, что дѣйствіе эпической поемы должно бытъ таково; чтобы можно было

вестии въ оное сверхъестественныя и чудесныя причины, и сдѣлать въ дѣйствующими лицами самыя божества. Онъ полагаетъ причиною сего, что люди любятъ чудесное и то, что не встрѣчается въ обыкновенной нашей жизни; а Мармонтель въ показанномъ выше мѣстѣ какъ бы прибавляетъ къ тому, что во велику воображеніе не умствуетъ, по чудесное всегда приводитъ его въ возшоргъ и всю душу внѣ себя, не давая ей способа разсмошрѣть занимающія ее мечты, отъ чего бы все ея обольщеніе изчезло. Но когда я буду предлагать о изобрѣщеніи подробностей дѣйствія, то покажу нѣкоторыхъ превосходныхъ пѣсней, которые чудесное не почитаютъ существовавшимъ качествомъ дѣйствія эпопеи.

§. 102.

Наконецъ Блеръ, въ 35-мъ урокъ объ изящныхъ наукахъ, замѣчаетъ, что дѣйствія эпической поэмы, кошорой цѣль состоитъ въ возбужденіи въ насъ удивленія, лучшимъ источникомъ можетъ быть исторія отдаленныхъ временъ, или шакого же рода преданія. Онъ приводитъ три причины сего: 1) что самая давность уже нѣкоторымъ образомъ возвышаетъ въ насъ понятіе о герояхъ и его подвигахъ; 2) что шаже самая давность даетъ стихосворцу

*

больше возможности украсить таковое дѣйствіе вымыслами, дѣлая ихъ правдоподобнѣе, такъ, что опъ его ума и вкуса единственно зависѣть будетъ дасть, какія разсудитъ, качества дѣйствующимъ въ поемѣ лицамъ и видъ всему повѣствованію; 3) что какъ дѣйствіе, взятое изъ исторіи, извѣстной большей части читателямъ, сдѣлается мало вѣроятнымъ, если соединено будетъ съ вымыслами; то украсить и обработать его такъ, какъ должно въ эпической поемѣ, гораздо труднѣе для сочинителя. Блеръ приводитъ въ примѣръ сего Лукана и Вольтера. Но не вступая въ разсмотрѣніе произведеній сихъ великихъ умовъ, за нужное почитаю сказать только то, что замѣчаніе Блера кажется основательнымъ.

§. 103.

О подробностяхъ эпическаго дѣйствія вообще. По изобрѣненіи главнаго содержанія поемы, то есть по избраніи предпріянія, исполненіемъ коего будетъ заниматься воспѣваемый въ ней герой, эпическому стихотворцу предлежитъ еще важнѣйшій подвигъ, изобрѣсти относящіяся къ сему дѣйствію подробности. Поелику поема его должна показывать намъ всю дѣятельность Героя, съ какою онъ стремился достигнуть предположеннаго имъ конца; то долготу стихотворца представитъ намъ все ~~то,~~

что существенно принадлежитъ къ одной дѣятельности во все продолженіе сего подвига; или лучше сказать, онъ долженъ намъ сказать все теченіе сего дѣла отъ самаго начала его до конца. Если эпическая поэма имѣетъ нѣкоторое сходство съ исторіею; то оно единственно состоитъ въ томъ, что сего рода стиховорець, подобно историку, повѣствуетъ намъ подробно объ обстоятельствахъ, способствовавшихъ исполненію предпрятаго Героемъ намѣренія. Но историкъ всѣ обстоятельства повѣствуетъ о дѣяннн, или произшествіи, какъ то причины, средства, препятствія и проч. заимствуетъ изъ самаго бытія, и представляя ихъ въ томъ истинномъ видѣ, какъ онѣ случились, выводитъ изъ нихъ такія наставленія, которыя рождаются изъ самаго существа оныхъ. Напротивъ сего стиховорець, рассказывая такъ же намъ о побужденіяхъ, пособіяхъ, затрудненіяхъ и проч, относящихся къ повѣстваемому имъ подвигу, все то созидаетъ самъ въ своемъ воображеніи; и въ семъ случаѣ имѣетъ всю свободу избирать такія обстоятельства, которыя бы могли служить основаніемъ тѣхъ высокихъ внушеній, кои онъ самъ предположилъ произвести въ своемъ читателѣ, такъ, что эпическая поэма, съ какой стороны ни станемъ о ней судить,

есть произведение единственно творческаго дара стихотворца.

§. 104.

О узлѣ и развязкѣ въ Эпической поэмѣ вообще. Сверхъ сего онѣ въ избраніи обстоятельствъ повѣствуемаго дѣйствія имѣють въ виду не только то, чтобы посредствомъ ихъ яснѣе представить оное, но и еще болѣе то, чтобы онѣ способны были къ произведенію въ насъ нѣкошорой борьбы страстей, по разсуждая, по успокоевая наше душевное участіе въ состояніи Героя поемы. И посему подробности Эпическаго дѣйствія по большой части суть не что иное, какъ съ одной стороны препятствія, противоборствующія Герою въ исполненіи его предпріятія, а съ другой его усилія, или другія какія либо причины, кои уничтожаютъ ихъ. Въ причинахъ Эпическаго дѣйствія, говоритъ Жокуръ, въ Энциклопедіи подъ словомъ, Эпическая поема, примѣнены два противоположныхъ вида, первый и главный есть намѣреніе Героя, а другой сила судьбы, противоборствующихъ оному. Съ одной стороны Герой стремится успѣть въ своемъ предпріятіи, а съ другой, то есть противной, стремятся возпрепятствовать сему. Сіи воздвигаемыя судьбою, или лучше сказать изобрѣтенныя стихотворцемъ препятствія называются узломъ,

а способы, коими онѣ бывають отвраще-
ны, развязкою.

§. 105.

Какъ цѣль Эпической поемы есть воз-
будить разныя высокія понятія и чувст-
вованія, представляя намъ, какъ люди ве-
ликаго ума, возвышеннаго духа и высо-
кихъ добродѣтелей дѣйствуютъ въ самыхъ
шрудныхъ обстоятельсвахъ, какія имѣ-
ють они въ такомъ случаѣ чувствованія,
какія находятъ въ самихъ себѣ средства
и проч. Изъ сего видна степень и мѣра
силъ великой души, или лучше сказать,
внутренность великаго чловѣка: то шу-
дно было бы исполнить сіе, естлибъ
узелъ поемы состоялъ изъ одного шокмо
прошивающагося Герою препяшствія: въ
такомъ случаѣ стихотворецъ не имѣлъ
бы способа показать его намъ, такъ ска-
зать съ разныхъ спороцѣ, то есть пока-
зашъ, разнаго рода рѣдкія достоинства и
добродѣтели его. Однако и безнужное у-
множеніе препяшствій въ поемѣ послужитъ
шьлько къ затрудненію вниманія чипа-
шеля. Почему удовлетвореніе цѣли сего
спихотворенія опредѣляетъ число пре-
пяшствій, составляющихъ узелъ. Впрочемъ
сколько бы ни было ихъ, лучше когда од-
но изъ нихъ есть главное, прошиводѣй-
ствующее Герою во все продолженіе его

Узелъ эпи-
ческой по-
емы со-
стоитъ
изъ нѣ-
сколькихъ
препяш-
ствій.

подвига, а всѣ другія зависящія отъ онаго, какъ послѣдствія. *)

§ 106.

Достоин-
ства узла.

Чѣмъ тѣснѣе связь будетъ имѣть сія препятствія съ главнымъ содержаніемъ поэмы, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ казаться весь подвигъ героя, а чѣмъ онъ труднѣе, то есть, чѣмъ болѣе пошребно будетъ для уничтоженія ихъ усилій; такъ же чѣмъ разнообразнѣе будутъ добродѣтели, которыя нужны для отвращенія оныхъ; тѣмъ болѣе стихосворецъ можетъ удовлетворить и цѣли своего сочиненія, и любопытному воображенію читателя.

§ 107.

Разли-
къ.

Но ежели узелъ раздражаетъ соучастіе, которое мы принимаемъ въ дѣлахъ

*) Такъ у Виргилія Еней спарается приѣхать въ Италію, чтобы въ ней поселиться. Главнымъ ему въ томъ препятствіемъ есть всегдашнее недоброжелательство Юноны къ Троянамъ, а сего послѣдствія, то есть другія зависящія отъ того препятствія, суть во первыхъ воздвигнутая Еоломъ буря, которая заставила Еней выйти на Африканскіе вмѣсто Италианскихъ берега; во вторыхъ страшная любовь Дидоны, которая могла удержать его въ Карфагенѣ; а въ третьихъ сопротивленіе извѣстнаго Турна.

Героя; то развязка, то есть способъ, коимъ опвращены сіи препятствія, должна доставить нашей чувствительности соединенное съ удовольствіемъ успокоеніе, представивъ шоржество Героя надъ всѣми, какія онъ имѣлъ въ своемъ подвигѣ, препятствіями. А изъ сего слѣдуетъ, что не только главный, но и вторичные отъ него зависящіе узлы, каждый долженъ имѣть свою собственную развязку. О развякѣ главнаго узла достойно замѣчанія то, что она всегда состоитъ въ достиженіи Героемъ своего предпріятія, въ противномъ случаѣ великія, но неудачныя его добродѣтели возбуждали бы въ насъ вмѣсто удивленія сожалѣніе о немъ; и слѣдственно вмѣсто того, чтобы усилить, ослабили бы въ насъ высочія понятія и чувствованія.

§ 108.

Сверхъ сего общее благоразуміе пре- Достоин-
буешъ, а примѣры великихъ эпическихъ ства раз-
стихотворцевъ подшверждаютъ, что вся- вязки.
кая развязка должна имѣть при главныхъ
достоинства : вѣроятность, естествен-
ность и нечаянность. Вѣроятность,
когда судя по обстоятельству приводимымъ въ узлѣ, который ею разрѣшается, и упоминаемымъ въ другихъ мѣстахъ поэмы, убѣждаемся, что такая развязка

могла случиться, а просто сказать, когда она не противорѣчишь ничему, что есть въ поэмѣ; естественность, когда печеніе, или лучше сказать разположеніе и связь составляющихъ узловъ подробно-стей шаковы, что слѣдующая за ними развязка кажется необходимымъ ихъ слѣд-ствиемъ, хоша бы при томъ могла случиться и другаго рода; наконецъ нечаян-ность, когда при всемъ томъ узелъ такъ искусно будетъ представленъ, что чита-тель не прежде можетъ увидѣть, чѣмъ оный развяжется, какъ уже при самомъ его концѣ; и сіе для того, что въ про-шивномъ случаѣ прежде времени успоко-ишься раздраженное въ немъ соучастіе, ко-торое онъ принимаетъ въ состояніи Ге-роя, а отъ сего потеряетъ большую часть своего дѣйствія и надъ нашею душою не только развязка, вдругъ успокоеваю-щая нашъ страхъ, но и узелъ, который шѣмъ болѣе раздражаетъ нашу чувствительность страхомъ и неизвѣстностію, чѣмъ менѣе видимъ шѣ способы, кои мо-гутъ его увичтожить: тогда мы уже не будемъ находиться между страхомъ и надеждою, въ чемъ состоишь все, для чего стихотворцы въ нѣкоторыхъ сочинені-яхъ своихъ употребляютъ узелъ и раз-вязку.

§ 109.

Впрочемъ, какъ безпрестанный переходъ по опъ узла къ развязкѣ, по опъ сей къ оному, своимъ единообразіемъ наконецъ могло бы наскучить воображенію читателя и даже ушомить шворческой даръ стихотворца; по онъ, для избѣжанія сего, помѣщаетъ въ пристойныхъ мѣстахъ поэмы такія описанія, повѣствованія, частныя дѣйствія, и проч. кои прерывая на нѣкоторое время повѣствованіе Эпическаго дѣйствія, шѣмъ самимъ производятъ въ ней разнообразіе, которое служитъ, какъ бы ошдохновеніемъ и развлеченіемъ читателя, и вмѣстѣ поддерживаетъ даръ изобрѣтенія сочинителя. Сіи побочныя разпространенія называются отспувленіями (épisodes).

О введеніяхъ въ поэмъ.

§ 110.

Само собою явственно, что хотя онѣ не составляютъ собственно ни узла, ни развязки, и по тому ни самаго Эпическаго дѣйствія; однако всегда имѣютъ къ нему такое отношеніе, что опъ шой части повѣствованія, съ которою онѣ бываютъ соединены, воображеніе нечувствительно переходитъ къ тому, что составляетъ содержаніе отспувленія; янѣ сказать, онѣ подобны какому либо любопытному и изящному предмету,

О ихъ связи съ Эпическимъ дѣйствіемъ.

находящемуся близь дороги, по коей путешествующей не можетъ не видѣть его и не заняться имъ нѣсколько времени. Отъ чего происходитъ, что великіе спитворцы почти непримѣннымъ образомъ изъ повѣствованія вступають въ отступленіе, а изъ сего переходятъ въ оное.

§ III.

Достоинства отступленій, или введений.

Впрочемъ какъ пушникъ шѣмъ болѣе, или менѣе занимается окрестнымъ любопытнымъ предметомъ, чѣмъ болѣе или менѣе оный заслуживаетъ его вниманіе вообще и особенно въ отношеніи къ цѣли его путешествія; такъ плодовитость или краткость отступленія зависитъ отъ большей или меньшей его связи съ эпическимъ дѣйствіемъ, и отъ степени того, чѣмъ оный поражаетъ воображеніе читателя. Сверхъ сего какъ занимающіе пушника окрестные предметы не столько уже будутъ привлекать къ себѣ его любопытство, когда ихъ много съ нимъ будетъ встрѣчаться, а особливо когда они будутъ сходны или съ шѣми, кои онъ видитъ на самой дорогѣ, или одинъ съ другимъ: подобнымъ образомъ умноженіе отступленій въ эпической поэмѣ вмѣсто удовольствія наводитъ нѣкошорую скуку, а при томъ нимало не удовлетворитъ изъясненному намѣренію, съ какимъ оно

употребляется, когда будетъ одного почти содержанія съ тою частію эпическаго дѣйствія, при коемъ находится, и когда одно на другое своимъ содержаніемъ будетъ походить. Поелику вся приятность, какую сіи отступленія приносятъ читателю, происходитъ отъ того, что въ то время, когда его воображеніе, такъ сказать, все занято будетъ содержаніемъ самаго эпическаго повѣствованія, представляютъ ему совсѣмъ новаго рода предметъ; или когда онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ окончанія начатому стихотворцемъ повѣствованію о весьма любопытномъ дѣяніи, обращаютъ совсѣмъ его вниманіе на другое впрочемъ такъ же любопытное, и тѣмъ самымъ раздражаютъ его нетерпѣливость, но такъ что онъ въ семъ самомъ раздраженіи находитъ нѣкоторое услажденіе. Для сего-то у великихъ эпическихъ писателей съ повѣствованіемъ о кровопролитной битвѣ бываетъ соединено изображеніе какого либо любовнаго, по крайней мѣрѣ нѣжнаго приключенія; шруднѣйшій и важнѣйшій подвигъ героя прерывается какимъ либо частнымъ дѣяніемъ, отвлекающимъ насъ отъ удивленія къ сожалѣнію, негодованію и проч. и тому подобное.

§. 112.

М и ъ н і я Я уже сказалъ, что по мнѣнію нѣкто-
 нѣ кот о-рыхъ Французскихъ стихотворцевъ эпи-
 рыхъ о не-ческая поэма не можеть быть безъ чудес-
 обходимо-сти чудес-наго (merveilleux), такъ что, какъ они
 наго вѣ Эпической говорятъ, оно составляетъ самый испо-
 поэмъ. чникъ, изъ коего стихотворецъ почер-
 паеть способы къ составленію узла, раз-
 вязки, и даже иногда прекрасныхъ оцщшу-
 пленій. Основаніемъ сего ихъ мнѣнія есть
 то, что истинное стихотворство, какъ уже
 сказано, дѣйствуетъ надъ разумомъ не
 иначе, какъ стараяся прежде, такъ ска-
 зать, овладѣть нашимъ воображеніемъ; и
 что сіе обыкновенное орудіе стихотвор-
 цевъ болѣе всѣхъ нужно эпическому; по-
 тому что онъ имѣя цѣлю влечащій
 тѣ нашемъ умѣ высокія истинны, а въ
 сердцѣ такія же чувствованія, тѣмъ
 удобнѣе достигаетъ сего, когда продспа-
 вляетъ нашему воображенію такія произ-
 шествія, такую цѣль ихъ, такія свой-
 ства необыкновенныхъ людей, кои удив-
 ляя приводятъ его внѣ себя *). Сіе о-

*) Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ спранамъ;
 Но все преодольтъ оставь ты бодрость
 намъ!

Россіад. Пѣснь. 7.

снованіе весьма справедливо. Но изъ него они выводятъ другое, уже подлежащее нѣкоторому исключенію, то есть, что чѣмъ необыкновеннѣе будутъ представлены воображенію вещи, тѣмъ болѣе онѣ могутъ обольстить его. Но что, говоряшъ они, можетъ болѣе поразить воображеніе, какъ не то, когда ему представляють причины сверхъестественныя, которыя имѣють участіе въ дѣлахъ и жребіи великаго человѣка; когда оно видитъ боговъ, имѣющихъ содѣйствіе съ людьми, и когда при томъ въ правдоподобіи сего убѣждается тѣмъ всеобщимъ предувѣреніемъ, что боги суть верховные и вмѣстѣ всемогущіе властители надъ человѣческими дѣлами? Не доказывается ли сіе, продолжають они, примѣрами превосходныхъ древнихъ и новыхъ эпическихъ поемъ? Однако, чтобы смягчить сію признаваемую ими необходимость чудеснаго, говоряшъ, что боги у эпическихъ стихотворцевъ должны дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда человѣческая сила недостаточна, при томъ дѣйствовать такъ, чтобы, такъ сказать, заведши машину, ея ходъ предоставляли попеченію самихъ людей, не вмѣшиваяся въ подробности, какъ дѣлалъ иногда Гомеръ; а чтобы чудесное сего рода еще болѣе поражало, то

Ихъ же
мнѣніе о
употребле-
ніи чудес-
наго.

надобно изображать оное исполненнымъ
возпора краснорѣчїемъ.

§. 113.

Мнѣніе о необходимости участия боговъ въ эпической поэмѣ основательно. Но при всѣхъ сихъ предосторожно-стяхъ участіе Гомеровыхъ и Виргиліевыхъ боговъ въ дѣлахъ нынѣшнихъ героев несравненно слабѣе, нежели въ ихъ времена, произведетъ дѣйствіе надъ воображеніемъ, во первыхъ по тому, что въ наши времена въ дѣла воображенія болѣе входитъ разумъ, такъ, что почти единственно шѣмъ обольщается первое, что нѣкоторымъ образомъ подтверждается и одобряется другимъ. Во вторыхъ, что языческое баснословіе, копорымъ исполнены всѣ стихотворенія, сдѣлалось опъ того шоль обыкновеннымъ, что потеряло въ обольщеніи большую часть силы, какую оно прежде имѣло.

§. 114.

О чудесномъ позволенномъ хрисіанскому или сателю эпическому. По сей причинѣ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ піитовъ говорятъ, что эпическій хрисіанскій стихотворецъ можетъ вмѣсто языческихъ баснословій употреблять чудодѣйствія, имѣющія основаніе на ученіи вѣроисповѣданія, и языческихъ боговъ замѣнять находящимися въ жизни, или прославленными по смерти Богоугодниками. Мы даже имѣемъ сего образецъ въ

Россіядѣ и Владимирѣ. Но оставимъ рѣшивъ сіе разборчивости самихъ эпическихъ писателей и вкусу просвѣщенныхъ любителей стихотворства.

§. 115.

Есть еще два рода чудеснаго, которыми нѣкоторые стихотворцы новыхъ временъ спаралися замѣнить чудесное древнихъ, но есть сила сверхъестественная и чудесное иносказанія. Примѣры перваго въ великомъ множествѣ находятся въ поэмѣ Освобожденный Иерусалимъ, и даже нѣкоторые въ Россіядѣ. Но о чудесномъ сего рода почти такъ же можно судить, какъ о языческомъ баснословіи въ Христіанской поэмѣ. Оно есть весьма изобильный источникъ вымысловъ: я скажу болѣе, вымыслы на немъ основанные весьма сильно поражаютъ воображеніе; но сіе бываетъ только тогда, когда мы сколько нибудь увѣрены о возможности сего: и потому оно было болѣе дѣйствительнымъ въ тѣ времена и у тѣхъ народовъ, когда и гдѣ на каждомъ, такъ сказать, шагу видѣли нѣчто сверхъестественное.

§. 116.

Подъ иносказаніемъ въ семъ случаѣ разумѣется олицетвореніе добродѣтелей, О чудесномъ иносказаніи.

пороковъ, страстей, словомъ сказать всего, что имѣетъ свое существованіе шокмо въ нашемъ понятіи. Превосходныя Эпическія шворенія древнихъ и новыхъ стихотворцевъ изобилуютъ такими иносказаніями; и надобно признаться, что шъ изъ нихъ, кои отдѣланы съ опличительнымъ эпихотворческимъ искусствомъ, весьма сильное производятъ надъ воображеніемъ дѣйствіе. Но сіе искусство не такъ легко, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Какъ цѣль сихъ иносказаній состоитъ въ превращеніи отвлеченнаго существа въ вещественное, отъ чего въ нихъ, такъ сказать, краски представляютъ нѣчто чувственное, а обрисовка нѣчто умственное: по главное ихъ достоинство заключается въ томъ, чтобы въ нихъ поражало насъ болѣе первое, нежели другое, и чтобы сіе послѣднее казалось намъ какъ бы вдали. Истинну сего подтвердитъ намъ всякой читатель, который весьма недоволенъ бываешь, когда въ сихъ стихотворческихъ превращеніяхъ онъ видитъ гораздо яснѣе умственный, нежели чувственный предметъ. Отъ сего происходитъ, что у самыхъ великихъ эпическихъ писателей немного находимъ такихъ иносказаній, кои всѣми вообще одобряются. Такъ изображаетъ Херасковъ въ 7-й пѣсни

Россіяды сонмища пороковъ, спекшихся
къ безбожію. Вошъ его слова :

Изъ шьмы къ нему его клеветы приб-
гають ;

Огнями дышуща предстала черна мечь ;

Имѣя видъ змиа, ползеть презрѣна лещъ ;

Гордыня предъ него со скилешромъ приходитъ,

Съ презрѣнемъ мрачный взоръ на небеса воз-
водитъ ;

Лукавство яросный пошупя въ землю видъ,

Передъ безбожіемъ задумавшись стоимъ ;

Вражда, исполнена всегда кипящимъ ядомъ,

Во шрепешъ шаршаръ весь приводитъ смущ-
нымъ взглядомъ ,

Изъ глазъ опчаянья слезъ шоки полились ;

Злодѣйства многія къ безбожію сошлись.

Тогда оно главу пошупленну имѣя,

Но горести своей вины сказать не смѣя,

О чада ! воздохнувъ, о други ! говоритъ :

Или изъ васъ никшо погибели не зреть ?

Превосходнѣйшіе сихъ иносказаній
примѣры можно еще видѣть у Гомера, въ
9-й пѣсни, моленій, и у Комоенса, въ 5-й
пѣсни, внушрняго безпокойства море-
ходцевъ, изображеннаго въ видъ показав-
шагося изъ Океана чудовища.

§. 117.

И такъ по вышесказанной причинѣ Иносказа-
новашельно замѣчающъ нѣкоторые пи- ния не мо-
гутъ со-
*

составлять
узла въ э-
пической
поэмѣ.

пы, что сего рода иносказанія не могутъ составлять узла поемы, а только могутъ быть упошребляемы въ ней въ пристойныхъ мѣстахъ, особливо въ отступленіяхъ, когда нужно бываетъ что нибудь ошвлеченное или нравственное предсавить такъ, чтобъ оно занимало болѣе воображеніе, нежели умъ. Блеръ въ 35 урокъ объ изящныхъ наукахъ приводитъ весьма основательную на сіе причину. Сіи вымыслы, говоритъ онъ, суть однѣ шокмо наименованія общихъ понятій; и когда они, будучи олицетворены, представляются дѣйствующими вмѣстѣ съ людьми: то, поелику воображеніе никакъ не можетъ принудить себя вѣрить, что онъ имѣютъ дѣйствительное бытіе, отъ сего необходимо происходитъ смѣшеніе призраковъ съ истинными существами и несносное замѣшательство во всемъ дѣйствіи поемы.

§. 118.

О чудесномъ, состоящемъ въ возможности.

Остается еще сказать нѣчто о томъ родѣ чудеснаго, которое Мармонтель (въ Энциклопедіи подъ словомъ, чудесное merveilleux), называетъ естественнымъ, говоря, что оно берется, такъ сказать, на самыхъ предѣлахъ возможнаго, такъ, что и справедливость можетъ быть ему свой-

ственна, и разумъ можетъ пому повѣ-
рять. Таковы, какъ онъ говоритъ, суть
крайности во всякой вещи: шаковы про-
изшествія неимѣющія примѣровъ; ша-
ковы душевныя качества, добродѣтели,
пороки неслыханныя; шаковы дѣянія
необыкновенныхъ умовъ; шаковы вообще
всѣ шѣ явленія, въ произведеніи коихъ
дѣйствовала кажется нѣкоторая болѣе,
нежели человѣческая сила. Фарсальская
битва, о достоинствахъ коей крипики
по сіе время еще несогласны, имѣетъ
много образцовъ сего рода чудснаго.

§. 119.

Предоставляя великимъ творцамъ эпо- Мнѣнія
пеи рѣшить, нужно ли, и естли нужно, о упо-
по какого болѣе рода чудснаго прилично пребленіи
сему стихотворенію, я заключу мое раз- въ эпиче-
сужденіе о семъ предметѣ мнѣніями о ской повѣ
томъ Мармоншеля, Сульцера и Блера. чудснаго
Первый въ Энциклопедіи подъ словомъ, Мармон- вообще.
эпопея, такъ говоритъ: нѣтъ ничего шеля,
по моему мнѣнію бесполезнѣе, какъ по
чудснаго, въ коемъ сверхъвещественныя
существа смѣшиваются съ людьми. Все,
чѣмъ стихотворецъ въ семъ случаѣ мо-
жетъ ласкаться, состоитъ въ томъ,
что онъ изъ своихъ боговъ сдѣлаетъ вели-
кихъ людей. Не лучше ли употребить

всѣ усилія стихотворческаго искусства, что бы людей приближилъ къ богамъ, нежели Сульцера, боговъ къ людямъ. А Сульцеръ самъ же говоритъ слѣдующее: не будемъ пребывать отъ стихотворца ничего, кромѣ того, что существенно принадлежитъ къ эпопеи, оставимъ все прочее творческому его дару и выбору; оставимъ на его волю вводить или нѣтъ въ поему вышшія существа; дабы чрезъ то произвести въ ней чудесное и сверхъестественное. То, что мы называемъ величественнымъ, весьма удобно можетъ находиться въ человѣческихъ дѣянiяхъ, и возбудитъ въ насъ удивленіе, только бы творческій даръ стихотворца былъ дѣйствительно великъ. Но боги въ Иліадѣ составляютъ чудесное: отнимемъ у ней все сіе, не смотря на то, поэма останется величественною. Напрошивъ сего пусть средственный умъ, стараяся всѣми силами произвести въ своемъ стихотвореніи чудесное, употребитъ къ сему сверхъестественныя или иносказательныя существа; онъ не токмо не родитъ чрезъ то ничего величественнаго, но еще сдѣлаетъ свое швореніе такъ сказать хладнымъ. Итакъ оставимъ всѣ въ разсужденіи сего правила, основанныя единственно на произволь. Наконецъ мнѣніе Блера въ 35 урокъ объ изящныхъ наукахъ есть слѣдующее:

Блера.

хотя я, говоритъ онъ, не соглашаюся на то, что употребленіе чудеснаго есть нѣчто необходимое и существенное въ эпической поэмѣ; однако я не одного мнѣнія и съ тѣми славными нынѣшними крипиками, которые хотятъ совершенно изгнать оное, какъ несомнѣнное съ вѣроятностію и правдоподобіемъ, чего требуетъ сіе сочиненіе. Люди вообще не весьма строгимъ философскимъ окомъ взираютъ на произведенія стихотворства: они ищутъ въ нихъ болѣе приятнаго; а чудесное можетъ нравиться большому числу читателей, или лучше сказать всякому человѣку. Оно поражаетъ и обольщаетъ воображеніе, и часто даетъ случай къ величественнымъ описаніямъ. По сему чудесное и сверхъестественное весьма, и особенно сродно эпической поэмѣ, въ которой по мнѣнію всѣхъ должны владычествовать удивленіе и возвышенныя понятія. Оно даетъ стихотворцу способъ болѣе украсить и возвысить свой предметъ посредствомъ преданій сего рода, сообщаемыхъ вѣроисповѣданіемъ, и показатъ въ своемъ сочиненіи болѣе плодовитости ума и разнообразія, вмѣшивая въ свои вымыслы небо, землю, адъ, людей, невидимыя существа, словомъ всю вселенную.

§. 120.

Эпическій писатель самъ создаетъ дѣйствующихъ въ эпопеи лица. Повѣствуемое дѣйствіе гораздо вѣе поражаетъ насъ, когда при томъ показываешь намъ и самыхъ дѣйствующихъ лицъ. Симъ руководствуется и эпическій стихотворецъ. Онъ рассказывая читателю о героическомъ дѣяніи, представляешь ему и дѣйствующихъ въ ономъ лица, но представляешь подобно историкъ, показывая не однѣ токмо ихъ имена, не одно ихъ вѣднѣе состояніе, но, и еще болѣе, ихъ умъ и сердце. Впрочемъ историкъ нужны о семъ свѣденія почерпаешь изъ преданій; и не долженъ ни болѣе, ни менѣе говорить о томъ, какъ соразмѣрно своимъ источникамъ, предполагая, что они справедливы. Но наблюдая достоверность преданій и строгость истинны, не можно найти въ нравственномъ мірѣ ничего совершеннаго къ возбужденію предполагаемыхъ эпическимъ стихотворцемъ чувствованій. Для сего онъ, ославляя другимъ бышь почными съ писателями всего дѣйствительнаго (real), самъ не ограничиваяся ничѣмъ, кромѣ одной вѣрояности (liber spiritus), создаетъ мечтательныя, но въ своемъ родѣ совершеннѣйшія и съ его намѣреніемъ сообразнѣйшія нравственныя существа.

§. 121.

Обширный родъ, подъ коимъ содер-
 жатся безчисленные оштѣни одного ка-
 кого либо душевнаго качества, достав-
 ляющъ ему матеріалы, изъ коихъ онъ тво-
 ритъ свои умонераздѣльные (individua),
 то есть дѣйствующія лица въ его поемѣ,
 такъ, что у него ихъ имена и внѣшнее
 состояніе есть одна обольщающая вообра-
 женіе маска, а скрывающіеся подъ нею
 истинные предметы суть разные виды
 душевныхъ нашихъ качествъ, показываю-
 щіе намъ наше сердце съ той стороны,
 съ которой оно болѣе всего можетъ по-
 разить, изумить и возпламенить. И по
 сему счастливое избраніе душевныхъ ка-
 чествъ, кои стихотворецъ въ дѣйствую-
 щихъ лицахъ намѣренъ изобразить, а еще
 болѣе удачное оныхъ выраженіе, составля-
 ютъ самое первое дѣло эпическаго творца;
 и служатъ нишю, за кошорою онъ послѣ-
 дуешь въ изобрѣшеніи и обработаніи подроб-
 ностей эпическаго дѣйствія. Слѣдователь-
 но коль подробно и коль вѣрно долженъ
 онъ знать наше сердце; какая попребна
 ему чувствительность души, чтобы при
 видѣ чего нибудь чрезвычайнаго въ нрав-
 ственномъ мірѣ тотчасъ получить впе-
 чатлѣніе онаго; какой вѣрный вкусъ, что
 бы возпламеняться въ надлежащей степе-
 ни; а еще болѣе какое великое искусство,

Дѣйствующія лица
 суть не
 что иное,
 какъ каче-
 ства нашей
 души.

Какое глав-
 ное въ
 семъ слу-
 чаѣ иску-
 ство эпи-
 ческаго
 творца?

Что онъ
 долженъ
 знать и
 имѣть?

шочно и сильно выражаютъ различные общественныя чувства всякаго рода!

§. 122.

Частныя правила о дѣйствующихъ лицахъ. Сии общія о дѣйствующихъ въ эпической поэмѣ лицахъ понятія служатъ основаніемъ почти всѣхъ другихъ о семействахъ, даже и въ разсужденіи сверхъестественныхъ существъ, когда онѣ представляются дѣйствующими въ поэмѣ: ибо при всемъ болѣе, нежели человеческомъ, приписуемомъ имъ могуществѣ онѣ бывають въ семъ случаѣ изображеніемъ (symbolum) качествъ нашей души. Между тѣмъ однако, чтобъ эпическое дѣйствіе имѣло возможную вѣроятность, стихотворецъ старается о томъ, дабы дѣйствующія въ ономъ лица при всей ихъ мечтательности представлялися дѣйствительными существами; и во первыхъ поелику въ исполненіи шоль многотруднаго и продолжительнаго подвига, каковъ бываетъ въ эпоеи, должны участвовать многіе умы съ разными способностями, съ разными нравственными качествами, и проч: то онѣ вводять въ свое сочиненіе столько дѣйствующихъ лицъ, сколько разнородныя части дѣйствія будутъ предполагать разныхъ какъ бы роль, изъ коихъ каждая пребуеть особливаго дѣйствія. Но изъ вожателя. Но изъ ихъ всегда одно бы-

ваешъ главное, представляющее Героя по- нихъ одно
 емы, привлекающаго во все продолженіе бываешъ
 дѣйствія вниманіе наше болѣе, нежели всѣ главное,
 другія лица; пошому что онъ бываетъ
 виновникомъ и главнымъ движителемъ
 онаго, а пошому и болѣе всѣхъ другихъ
 озабоченъ его успѣхомъ. Другія же, буду- а другія
 чи какъ бы второстепенныя подъ его какъ бы
 управленіемъ, каждое своимъ образомъ, второста-
 ему способствуюшъ, иныя ему прошиво- шейныя.
 борствуюшъ, а иныя наконецъ, являясь
 на зрѣлищѣ по какому нибудь случаю, за-
 нимають собою нѣсколько времени какъ
 его, шакъ и содѣйствующія съ нимъ лица.

§. 123.

Единство главнаго дѣйствующаго ли- Единство
 ца даешъ поемѣ сверхъ вѣроятности по главнаго
 еще важное преимущество, что ея Герой дѣйствующаго
 будучи главнымъ предметомъ, къ кошоро- щаго лица
 му всѣ частныя дѣйствія другихъ лицъ служить
 относятся, чрезъ то всѣ оныя соеди- къ лучшей
 няетъ въ одно цѣлое, ибо содержитъ въ связи ча-
 себѣ единственную всего шого причину, а стей пое-
 безъ сего всѣ части поемы были бы не мы,
 что иное, какъ спеченіе случайныхъ про-
 изшествій. Сверхъ сего единство Героя и къ со-
 производитъ въ читателѣ, не смотря на блюденію
 разнообразныя впечатлѣваемыя въ немъ единства
 поемою чувствованія, одно и слѣдственно соучастія.
 тѣмъ сильнѣйшее соучастіе (interet).

§. 124.

О качес-
ствахъ и
нравахъ
лицъ въ
поэмѣ.

Вопѣ что поимы замѣчаютъ о числѣ и взаимномъ отношеніи дѣйствующихъ въ эпической поэмѣ лицъ. Но стихотворецъ долженъ еще дать каждому изъ нихъ приличныя качества (caractères) и нравы *). Первое въ семъ случаѣ есть правило благо-разумія, чтобы каждое дѣйствующее лице не только имѣло свой опредѣленный нравъ, но есть ему одному свойственную склонность или страсть, которая будучи главною пружиною всѣхъ его дѣяній, видна была бы во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ онаго, но еще чтобы сохранило сію склонность во все продолженіе дѣйствія, и при всѣхъ измѣненіяхъ обстоятельствъ имѣло въ виду всегда одно что нибудь, одушевлялось всегда однимъ побужденіемъ, и руководствовалося всегда одними началами. Иначе ни разсудокъ, ни чувствительность читателя не найдутъ въ дѣйствующемъ лицѣ ничего, на чемъ бы онъ могли, такъ сказать, остановиться.

*) Некоторые полагаютъ слѣдующее различіе между качествомъ и нравомъ. Первое по ихъ мнѣнію есть природное разположеніе, побуждающее дѣйствовать болѣе такимъ, нежели другимъ образомъ; а нравъ есть разположеніе приобретенное повтореніемъ дѣяній, къ коимъ побудили насъ природа, возлижаніе или разсудокъ. — Смотри основанія словесн. Баттію, томъ II.

§. 125.

Другое въ разсужденіи сего предмета замѣчаніе, что эпическій шворецъ не довольствуется дать дѣйствующему лицу какую нибудь общую, то есть многимъ людямъ свойственную склонность безъ всякаго ограниченія (*un caractère général*), но старается, чшобъ она имѣла что нибудь какъ бы личное и токмо ему принадлежащее въ образѣ мыслей и чувствованій (*un caractère particulier*): поелику по самой природѣ господствующая во многихъ склонность въ каждомъ изъ нихъ имѣетъ всегда что нибудь особенное и опличительное. Сіе сходство, которое нравы эпическихъ лицъ имѣютъ со нравами дѣйствительныхъ существъ, нѣкоторымъ образомъ удостоверяетъ насъ въ ихъ существованіи, представляя намъ ихъ, какъ бы умонераздѣльными (*individua*), и въ то же время выводитъ предъ нами на зрѣлище разнообразныя склонности, раздражая всегда любопытство читателя новостію и различіемъ оныхъ.

Н р а в ы
ка ж д а г о
дѣ й с т в у ю -
щ а г о л и ц а
д о л ж н ы к а -
з а ш ь с я
п р и н а д л е -
ж а щ и м и
у м о н е р а з -
дѣ л ь н о м у .

§. 126.

Впрочемъ сіе разнообразіе нравовъ состоитъ или въ томъ, что одно господствующее качество предполагается въ разныхъ дѣйствующихъ лицахъ въ разной степени, или въ томъ, что къ одному въ

О р а з н о -
о б р а з і и
н р а в о в ѣ
дѣ й с т в у ю -
щ и х ѣ в ѣ
э п о п е і и
л и ц ѣ .

каждомъ изъ нихъ примѣшивается нѣчто особенное, отъ чего оно измѣняется въ другой видъ; напримѣръ въ Пріамъ и Неспоръ у Гомера свойственное имъ благоразуміе различается тѣмъ, что первый робокъ, а другой отваженъ; претьяго рода разнообразіе нравовъ эпическихъ лицъ состоить въ совершенной ихъ противоположности. Оно будучи весьма явственно, весьма сильно поражаетъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ Башпио, (и что свойственно всѣмъ вообще противоположеніямъ), поражаетъ недолго: ибо умъ увидѣвъ два, много при раза сличаемая между собою противныя вещи удобно по свойствамъ одной изъ нихъ предусматриваетъ оныя и въ другой, а отъ того лишается удовольствія ожидать чего либо новаго и неизвѣснаго.]

§ 127.

Нравы Излишне говорить о томъ, что дѣйствующихъ лицъ спихотворецъ сдѣлалъ бы весьма грубую ошибку, если бы приписуемая отъ должныя него дѣйствующему лицу нравы не сообразны со всѣми обстоятельствами, разилъ со всѣми онаго обстоятельствомъ, чими об- шиворѣчили или образу правленія, или стостоятель- обычаемъ и мнѣніямъ того народа и вѣка, сшвамъ къ коимъ принадлежитъ дѣйствующее оныхъ. лице, а еще болѣе, ежели бы въ его

нравѣ было что нибудь несомѣстное съ его врожденными склонностями, съ его воспитаніемъ, знаніемъ, возрастомъ, поломъ, или вообще съ здравымъ смысломъ, съ историческими или баснословными преданіями, или съ общею молвою.

§. 128.

Изъ предыдущихъ извѣсненій такъ **Дѣйств-** же явствуетъ, что нравы **вующія** **въ эпохи** **лица дол-** **жны бытъ** **одарены** **качества-** **ми, выш-** **шими обы-** **кновен-** **ныхъ.** **качества-** **ми, выш-** **шими обы-** **кновен-** **ныхъ.**

каждого эпического, особливо **главнаго лица должны** **быть таковы, чтобы шопъ, въ комъ онъ** **предполагаются, казался принадлежащимъ** **не къ числу обыкновенныхъ людей, но** **рѣдкихъ, по крайней мѣрѣ достойныхъ** **замѣчанія въ нравственномъ мірѣ яв-** **леній. Однако какъ ничего отличнаго не** **заключающіе въ себѣ нравы недостойны** **эпической поэмы, такъ равно не должны** **быть въ ней и такіе, кои представляютъ** **нѣчто исполинское, или даже до невѣро-** **ятности совершенное. По сей причинѣ у** **Однако** **подверже-** **ны нѣко-** **торымъ** **слабо-** **стямъ.**

самыхъ лучшихъ эпическихъ творцевъ **герой поэмы при великихъ своихъ до-** **бродѣтеляхъ имѣетъ нѣкоторыя душев-** **ныя слабости, однако всегда такія, кои** **произходятъ отъ заблужденія, или чрез-** **мѣрной страсти или отъ излишней до-** **броты души и слѣдственно хотя нѣ-** **сколько затмѣваютъ его достоинства** **полько на время; поелику онъ всегда на-**

конецъ поржествуетъ надъ ними. Что приписываютъ такія слабости герою, причиною сего то, что человекъ неподверженный никакому недостатку и несовершенству, хотя производишь въ насъ удивленіе, но хладнокровное и равнодушное: поелику онъ кажется намъ какъ бы не одной съ нами природы, и мы не надѣяся бытъ такими же взираемъ на него какъ на вещь рѣдкую, но намъ не принадлежащую. Напрошивъ сего въ человекъ великомъ, но обладаемомъ иногда слабостями, мы видимъ существо намъ подобное, которое слѣдовательно возбуждаетъ въ насъ искреннее о своемъ положеніи сожалѣніе; попому что мы видимъ въ немъ нѣкоторымъ образомъ самихъ себя, находя въ его чувствіяхъ, поступкахъ и словахъ нѣчто общее намъ съ нимъ.

§. 129.

Теперь остается о качествахъ и нравы изображаемыхъ въ Епопехъ эписическихъ лицъ сказать только одно, *) что, какъ говоритъ Баттисіо, ни по средству спсвомъ дѣяній лицъ, а не посредствомъ описаній.

*) Нѣкоторые Писатели, слѣдуя Аристотелю, говорятъ еще о дѣйствующихъ въ эпопехъ лицахъ, что онѣ должны бытъ добродѣтели: но довольно упомянуть объ одной поэмѣ Потериинный Рай Мильсона, чшобъ имѣть причину сомнѣваться о семъ.

хотворца, какъ прибѣгаешь къ вишійшвеннымъ ихъ описаніямъ. Эпопея научаетъ насъ примѣрами, а не умозрѣніями. Мы, такъ сказать, читаемъ свойства и нравы каждаго эпического лица въ его духъ, предпріяшійхъ, поступкахъ, какія оно оказываетъ, въ рѣчахъ, какія оно произноситъ въ разныхъ, часто весьма трудныхъ и необыкновенныхъ, обстоятельствахъ. Почему нравы, какъ я уже выше сказалъ, служатъ эпическому писателю нѣкоторымъ основаніемъ въ изобрѣтеніи частныхъ дѣяній, коими дѣйствующія лица должны будуще заниматься, и шѣхъ приключеній, кои должны будуще съ ними случиться.

Я приведу нѣсколько изъ Россіады примѣровъ эпического искусства изображать показаннымъ образомъ качества и нравы дѣйствующихъ лицъ.

Такъ въ слѣдующихъ стихахъ (пѣснь десятая) изображается сердоболіе царя Іоанна Васильевича:

Но кровію своей и потомъ омовенъ,
Князь Троекуровъ былъ се въ царскій станъ
внесенъ.

Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
Который приклонилъ листья на стебель льшомъ;
На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.

Возрѣвши на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.

Рыдая Іоаннъ, бездушнаго объемлешь;

Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлешь.

Герой сей живъ! ... онъ живъ въ возморгѣ
воніеиъ.

Самъ шелеиъ одръ ему, и воду подаеиъ.

Въ слѣдующихъ стихахъ (пѣснь де-
вятая) стихотворецъ изображаетъ лю-
бовь вельможи Адашева и Россійскаго вой-
ска къ своему царю, безвизвѣстно куда
отлучившемуся отъ нихъ.

Но въ станѣ между шѣмъ, когда Монархъ сокрылся,
Неизрѣченный страхъ и ужасъ воцарился.

Адашевъ по шапрамъ ходилъ, какъ въиъ ума.

Ему казалася врачьеиъ моци шѣма

Колелемой земля, по коеиъ онъ спупаетъ;

Молчишъ, языкъ его къ горшани прилипаетъ;

Трепещетъ какъ шросшникъ, во всѣ страны

смотря,

Не смѣетъ вымолвить, что нѣшъ нигдаъ Царя.

Онъ рыщешъ по лѣсамъ, на холмы онъ въбѣ-

гаетъ,

Услышашъ ходъ Царевъ къ землѣ онъ приле-

гаетъ;

Не внемлетъ и не зрешъ! ... Толико грозный рокъ

Надолго скрышымъ быиъ онъ воинштва не могъ:

Царево шайное ошсущствіе познали;

Винишъ лишенъемъ симъ другъ друга начинали.

Прешерпѣваючи злосчасъиъ многи дни,

Въ сей часъ несчастными почли себя они.

Печали, гладъ, шоска, гоненъя, скорби люшъи

Являсъ шрашны имъ лишъ шолько съ сей ми-

нушъи.

Гдѣ Царъ нашъ? Гдѣ нашъ другъ? повсюду во-

пиюшъи;

Умолкнушъ вдругъ они, и шокъ слезъ лиюшъи.

Еще явственнѣе сіе искусство въ слѣдующихъ рѣчахъ, приписуемыхъ отъ стихотворца во второй пѣсни нѣкоторымъ изъ вельможъ, собранныхъ царемъ для совѣщанія о войнѣ противу Казанцевъ. Когда князь Кубенскій, отличившійся въ теченіе столѣтней своей жизни многими заслугами, свое мнѣніе, чшобы Царь отложилъ на время начинать сію войну, окончилъ слѣдующимъ стихомъ:

Готовъ ко брамямъ будь, но алчнымъ не являйся,
то князь Глинскій началъ такимъ образомъ:

То слово съ жадностью князь Глинскій под-
хвятилъ,
И взоры на себя всей думы обратилъ.
Сей князь, коварный князь, вельможамъ былъ
ужасенъ;
Злокозненъ во враждѣ и въ дружествѣ опасенъ.
.....
Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной
ночи;
Возведши впалыя на Іоанна очи,
Онъ тако рекъ, возставъ: блюди швой царскій
самъ,
Тебѣ для выгодъ онъ швоихъ и нашихъ данъ!
Тебѣ ли сѣшовашь, тебѣ ли Царь крушиться,
И сладкой шишины для подданныхъ лишиться?
Ты богъ нашъ! Естлибъ мы могли и нищи
спасъь,
То намъ ли на себя отважиться ропсашъ?

Пришомъ на что Казань? на что война и грады?
 Блаженство во швоемъ владѣнн цвѣстѣ.
 Любителямъ войны и цѣлмй шѣсенъ свѣшъ!
 Къ тому достойными любви народы оны,
 Которы буншовать дерзнушъ противъ короны?
 Свидѣтелемъ тому буншующій сей градъ:
 Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой
 брашъ!

Умолкъ: и сладостью придворной обольщенны,
 Развратные сыны казались возхищенны.
 Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣшъ;
 Ни-чей не спрашенъ спалъ ласкашелямъ ошвѣшъ;
 На собственну корысть въ умѣ они взираюшъ,
 Но пользу общую ногами пошраюшъ.

Разсмотримъ шеперь превосходнѣй-
 шее изображение противоположнаго сему
 качества въ рѣчи князя Курскаго, произ-
 несенной щотчасъ послѣ рѣчи Глинскаго.

Вдругъ будшо въ пепелъ огонь, скрывая въ серд-
 цѣ гнѣвъ,
 Князь Курскій съ мѣста вспалъ, какъ нѣкій
 ярый левъ;
 Власы вздымались, глаза его блисшали;
 Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ чпшали.
 На Глинскаго онъ взоръ спроштивый обративъ,
 Вѣщаль: ты знашенъ, князь, но ты неспра-
 ведливъ.

Цвѣшны, которые разсыпаны шобою,
 Ужасную змию скрываютъ подъ собою;
 Ты мщеніемъ однимъ за сродника горя,
 Отца у подданныхъ ошземлешъ, ихъ Царя.
 Что Глинскій плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ
 Россію счастье не сохранитъ шакое.

О царь мой! власпенъ шы мою изчерпашъ кровь,
 Однако въ ней почти къ опечесиву любовь;
 Позволь миѣ говорить; оставь богатству нѣги;
 Вели шы намъ преиши пески, и зной, и снѣги;
 Мы ради съ цѣлою вселенной воевашъ,
 Имѣніе и женѣ готовы забывашъ,
 Готовы защищашъ опечество любезно;
 Не робкими намъ бышь, но храбрыми полезно.
 Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
 Ужасны, ежели мы лѣность побѣдимъ.
 Опмстимъ за праѣдовъ, за сродниковъ несча-
 стныхъ,

За насъ самихъ опмстимъ ордамъ доднесъ
 подвластныхъ.

Лишь только повели, за Днѣпръ и за Казань
 Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань!
 Но естли праздношью себя мы обезславимъ,
 И нашихъ силъ прошивъ Ордынскихъ не поста-
 вимъ,

Пойду опсель на край вселенной обиташъ,
 Любви къ опечеству миѣ нечѣмъ здѣсь пишашъ!
 Подавлена она и сокрушенна лещью:
 Чины приобрѣшашъ единой должно чещью,
 Служить опечеству шрудами и мечемъ;
 О чещи я пекусь, а больше ни о чемъ....
 Какъ море бурями опвсюду возмущенно
 Не вдругъ при шшинѣ бываешъ укрощенно:
 Таковъ и Курскій былъ: бесѣдовашъ прещалъ
 Но спонъ прожносилъ, и весь онъ прещеталъ.
 Въ шо время Іоаниѣ умильными очами
 Далъ знакъ, что Курскаго доволенъ былъ рѣ-
 чами.

Приашный царскій взоръ щипая за опвѣшъ,
 Придворные и сей одобрили созвѣшъ.

§. 130.

О разположеніи эпической поемы вообщемъ. Разположить и совершить все, изъ чего должна составиться эпическая поема, есть дѣло единственно стихотворца: однако почти достоверно, что самые высокіе умы въ первыхъ о семъ соображеніяхъ руководствовались нѣкоторыми началами, составленными посредствомъ размышленія о существѣ самыхъ вещей, о коихъ должно было повѣствовать, и о стихотворческомъ искусствѣ; а слѣдовавшіе за нимъ; піиты и кристики открыли потомъ сіи начала обратнымъ путемъ, по естѣвственному разбору опличныхъ твореній сего рода. Впрочемъ всѣ сіи начала за-

Въ разположеніи поемы видна нѣчто историческое и нѣчто стихотворческое. ключаются, по моему мнѣнію, въ томъ, что превосходные эпическіе писатели, судя по одному разположенію ихъ поемъ, кажутся намъ съ одной стороны зрѣло обмыслившими, а съ другой искуснѣйшими стихотворцами - Историками по тому, что вся / ихъ поема, по одной наружности судя, представляется намъ такимъ пространнымъ о какомъ либо дѣяніи повѣствованіемъ, каково бываетъ обыкновенное историческое, а опличается отъ сего токмо тѣмъ, что кажется произведеніемъ самаго плодовитаго воображенія, которое, не опустило ничего не только того, что непосредственно принадлежитъ къ повѣствуемому дѣянію, но да-

же и того, что мало имѣя къ нему отношенія, впрочемъ сильно поражаетъ воображеніе или чувствительность.

§ 131.

Однако при всей плодovitости и разнообразіи обстоятельствъ, составляющихъ такое повѣствованіе, онѣ такъ въ немъ бывающъ размѣщены и соединены, что каждое въ особенности представляетъ толь существенную онаго часть, что безъ ней оно было бы, кажется, неполно, по крайней мѣрѣ не столь рачительно, а всѣ вообще дѣлающъ такое многосложное и связно составленное цѣлое, что любопытство читателя не прежде удовлетворяется совершенно, какъ уже по обзорѣни его всего. Сія историческая вѣроятность свойственная превосходнымъ эпическимъ повѣствованіямъ, происходитъ во первыхъ отъ того, что каждая онаго часть такъ принадлежитъ цѣлому, что воображеніе, занимающееся содержаніемъ сего послѣдняго, весьма естественно могло представить себѣ каждую изъ оныхъ, отъ чего и переходъ стихотворца отъ одной изъ нихъ къ другой бываетъ простъ и непринужденъ. Во вторыхъ эпическій стихотворецъ размѣщаетъ части своего повѣствованія такъ, что каждая изъ нихъ зависитъ

и отъ общей связи обстоятельствъ состава влѣющихся повѣсть.

отъ предшествовавшей, хотя не всегда какъ произведение отъ своей причины, но всегда какъ послѣдующее отъ предыдущаго, отъ чего все повѣствованіе кажется близкимъ къ исторической истинѣ.

§. 132.

Объ от-
ступлені-
ніяхъ отъ
истиннаго
лѣтосчис-
леніи.

Не должно однако думать, что для соблюденія сего стихотворецъ въ размѣщеніи частей повѣствованія всегда точно слѣдуетъ порядку времени, напрошивъ сего онъ иногда вмѣщаетъ въ одномъ продолженіи времени то, что на самомъ дѣлѣ раздѣлено цѣлыми вѣками, только бы сіе не противорѣчило съ какой нибудь стороны правдоподобію. Однако такое отступление отъ истиннаго лѣтосчисленія дѣлаетъ онъ шокмо тогда, когда шѣмъ можеть быть сильно поражено воображеніе читателя: иначе оно будетъ показывать только его или нерасудительность, или не заслуживающее никакого извиненія самонаравіе. Вотъ, чемъ разположеніе эпическаго повѣствованія даетъ ему нѣкоторымъ образомъ историческую вѣроятность.

§. 133.

Стихо-
творче-
ское иску-
ство въ

Но, какъ я уже сказалъ, сего мало: стихотворецъ и въ семъ случаѣ не остается въ влаетъ безъ дѣйствія своего искусства.

Онъ такъ располагаетъ части своего повѣствованія, чтобы самое ихъ размѣщеніе, сколько возможно, способствовало къ сильнѣйшему пораженію воображенія или чувствительности. На сей конецъ слѣдующія одно за другимъ обстоятельства эпическаго дѣйствія составляютъ у него такое смѣшеніе повѣствованій и дѣйствій, описаній и чувствованій огорчительныхъ и радостныхъ, спрашныхъ и жалкихъ позорищъ, что воображеніе безпрестанно переходитъ отъ одного возпора къ другому, не бывая никакъ въ равнодушномъ состояніи. Но еще болѣе поема произведетъ надъ нами такое дѣйствіе, когда судя по ея расположенію, можно будетъ съ Аристотелемъ назвать ее трагедіею въ видѣ повѣствованія, а простѣе сказать, когда составляющее оную повѣствование будетъ расположено точно такъ же, какъ повѣсть служащая содержаніемъ трагедіи.

разположеніи поемы состоятъ въ слѣдующемъ:
Чтобы она могла внушать разнообразныя впечатлѣнія,

и чтобы расположеніемъ походила на трагедію.

§. 134.

Прежде, нежели приступлю къ изъясненію сего Аристотелева замѣчанія, нужно намъ почтшаю сказать, что почти всѣ полагаютъ въ эпической поэмѣ три части: предложеніе, призываніе и повѣствование. Первое содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Мармонтель, нѣсколько разумноженное имя поемы. Въ самомъ дѣлѣ спихошво-

Поэма имѣетъ три части:

Предложеніе,

рець въ немъ показываетъ предприятие, коимъ Герой будетъ озабоченъ, присовокупляя къ сему одни, какъ бы слѣды узловъ и развязокъ, изъ коихъ будетъ состоять дѣйствіе, и при томъ все сіе предлагаетъ кратко и просто. Призываніе есть обращеніе стихотворца къ какому либо божеству, или олицетворенному качеству человѣческому, дабы изпросишь отъ онаго откровенія тайнствъ, входящихъ въ эпическое дѣйствіе, неизвѣстныхъ смертнымъ и помощи для успѣшнѣйшаго совершенія поль важнаго труда.

Призываніе, Изложене. Наконецъ повѣствованіе есть изложеніе во всемъ пространствѣ эпическаго дѣйствія.

§ 135.

Призываніе не есть необходимая часть поемы. Но кромѣ того, что двѣ первыя части по чрезмѣрной ихъ краткости въ сравненіи съ третією едва ли могутъ быть названы частями поемы, еще слѣдуетъ замѣтить, что призываніе тогда токмо кажется необходимымъ, когда эпическое дѣйствіе будетъ содержать въ себѣ много чудеснаго и сверхъестественнаго. Что въ противномъ случаѣ оно весьма произвольно, сіе доказываетъ Фарсальская битва, коей творецъ вмѣсто призыванія съ изступленіемъ изображаетъ душевное чувствіе, внушенное ему предложеннымъ со-

держаніємъ поемы; и сіе изліяніе возторга гораздо разипельнѣе у него вѣ семѣ мѣстѣ всякаго призыванія.

§. 136.

Что касается до предложенія, оно необходимо нужно, дабы читатель прежде всего узнавѣ главный предметъ и нѣкоторую весьма слабую какъ бы обрисовку поемы, былѣ чрезѣ то вѣ состояніи связывашѣ сѣ онымѣ вѣ своихѣ мысляхѣ всѣ, какія будутѣ представлены ему вѣ продолженіе поемы, подробности. Но еще много есть шакого, вѣ чѣмѣ такѣ же предварительно долженѣ бытѣ наставленѣ читатель, и что бываетѣ помѣщено не вѣ предложеніи, а вѣ началѣ самаго уже повѣспованія, то есть онѣ не прежде, какѣ уже тамѣ узнаетѣ главныя дѣйствующія лица, получаетѣ понятіе о качествахѣ и нравахѣ каждаго изѣ нихѣ, нѣкоторымѣ образомѣ уже почувствуешѣ тѣ впечатлѣнія, какія каждое изѣ нихѣ (дѣйствующихѣ лицѣ) должно будетѣ произвести вѣ немѣ, однимѣ словомѣ, предложеніе поемы откроетѣ читателю содержаніе оной, а начало повѣспованія покажетѣ, кто и какѣ вѣ ней будетѣ дѣйствовать такѣ, что оно сѣ сей стороны совершенно подобно первому дѣйствію трагедіи.

Н а п р о ш и в ѣ с - г о предложеніе есть необходимая часть,

Начало предложенія служитѣ такѣ же къ приготовленію читателя.

§. 137.

Какъ начи-
наетъ ся
Эпическое
повѣство-
ваніе.

Впрочемъ стихошворецъ иногда съ самаго начала и до конца повѣствованія предлагаетъ обстоятельство эпического дѣйствія одно за другимъ, какъ онѣ относительны ко времени должны были слѣдовать; иногда же начинается повѣствованіе такимъ изъ нихъ, которое, судя по печенію дѣйствія, случилось уже послѣ многихъ другихъ, о коихъ онѣ послѣ въ пристойномъ мѣстѣ заставляють рассказывать кого либо изъ первыхъ дѣйствующихъ лицъ. Сіе, какъ замѣчаетъ Мармонтель, производитъ въ читателѣ болѣе соучастія, нежели повѣствованіе о томъ же самаго стихошворца. Сверхъ сего когда поема начинается чемъ нибудь такимъ, что есть уже послѣдствіемъ нѣкоторыхъ предшествовавшихъ произшествій, кои нужны для объясненія повѣствуемаго; то сіе самое возбуждаетъ и питаетъ въ читателѣ нестерпимое любопытство узнать скорѣ оныя.

§. 138.

О раздѣленіи эпическаго повѣствованія на нѣсколько какъ бы дѣйствій.

Но какъ бы ни была начата поема, слѣдующее далѣе продолженіе, оной до самаго конца въ разсужденіи разположенія опять имѣетъ сходство съ трагедією, а именно 1) что повѣствуемое въ ней дѣйствіе, состоя изъ разныхъ обстоятельствъ

и произшествій, подобно трагедіи раздѣляется на нѣсколько какъ бы дѣйствій (actes); 2) что внушаемое эпическимъ повѣствованіемъ соучастіе такъ же, какъ и въ трагедіи, постепенно возрастаетъ и дѣлается живѣе. Впрочемъ сіи замѣчанія, выводимыя изъ показаннаго выше Аристошелева мнѣнія, суть не что иное, какъ одно умозрѣніе, о коемъ, удобоисполнительно ли оно, остается судить, какъ говоритъ Г. Мармонтель, одному творческому уму. Сверхъ сего относительно разположенія эпической поэмы можно замѣтить, что употребляемыя въ ней отступленія (épisodes) гораздо приличнѣе бывающъ помѣщены тамъ, гдѣ судя по существу повѣствуемаго дѣйствія нѣсколько времени должно пройти въ молчаніи или бездѣйствіи по причинѣ ожиданія чего нибудь.

§. 139.

Подъ именемъ слога, свойственнаго эпической поэмѣ, заключается та часть стихотворческаго искусства, которая подобна тому, что въ живописи называется оштѣлкою. Правда, что сія оштѣлка у живописца болѣе всего состоитъ въ помѣщеніи красокъ (coloris), которое дѣлаетъ изображаемую вещь весьма похожею на истинную; однако сей искусственный

О слогъ
эпической
поэмы.

подборъ цвѣтовъ несравненно болѣе произведетъ надъ ними дѣйствія, естли художникъ прежде еще со вкусомъ не только избретъ для своей исторической картины предметы, но и предназначитъ положенія, въ какомъ каждый изъ нихъ долженъ быть представленъ. Подобнымъ образомъ должно судить о слогѣ эпической поэмы. Сильное или слабое надъ читателемъ ея дѣйствіе, что безъ сомнѣнія бываетъ слѣдствіемъ ея слога, зависитъ не столько отъ употребляемаго въ ней рода рѣчи, сколько отъ изображаемыхъ въ ней мыслей, а не мало такъ же и отъ особеннаго способа ихъ предполагать. По сему въ понятіи слога, о коемъ идетъ рѣчь, заключается просякаго рода искусства: 1) избирать достойныя мысли и чувствованія; 2) приличнымъ образомъ ихъ предлагать, и 3) особливимъ родомъ слова, то есть рѣченій, выраженій и словосочиненій, ихъ изображать.

§. 140.

Въ поэмѣ Опличный даръ и превосходный вкусъ
должно стихотворца, отъ котораго единственно
дѣйство- зависитъ изображеніе не токмо подроб-
вашь къ ностей, изъ коихъ онъ составляетъ гла-
главной ея вное эпическое дѣйствіе, но всего, чемъ
цѣли. каждая онаго часть должна быть размно-
 жена, украшена, оживотворена, пока-

жушѣ ему всегда, что имѣетъ въ себѣ достойное поемы каждый предметъ, входящій въ ея составъ: но сей даръ и сей вкусъ руководствуются сами нѣкоторыми общими и достовѣрными началами. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы все, составляющее поему, опшѣствовало главной ея цѣли, то есть способствовало къ возбужденію предполагаемыхъ оною разнаго рода впечатлѣній; чтобы главное эпическое дѣйствіе занимало, такъ сказать, всю душу читателя, а въ частныхъ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ явственны были мысли и чувствованія, то есть внутренность великой души; чтобы необыкновенныя обстоятельства, въ какихъ у стихотворца является она, служили къ показанію силы страстей, особливо ихъ противоборствія; чтобы узлы возбуждали въ читателѣ искреннее всегда безпокойство, а развязки такое же удовольствіе на щетъ эпическаго Героя; чтобы описанія мѣстъ и вещей поражали своею живостію воображеніе, кратко сказать, чтобы все показывало стихотворца съ одной стороны весьма хорошо знающимъ силы и слабости человѣческой души, изящества и несовершенство (относительно къ художествамъ) вещественной природы, а съ другой умбющимъ

представишь все по сѣ искусствомъ, свойственнымъ великому художнику. Вопрь, что обращаетъ историческое, иногда маловажное преданіе въ превосходнѣйшую поему, и въ поже время служишь доказательствомъ отличныхъ, или обыкновенныхъ дарованій ея шворца, и источникомъ или высокаго о самомъ швореніи понятія, или предопредѣленія его на всегдашнее забвеніе.

§. 141.

Эпическій шворецъ долженъ бытъ искусенъ во всѣхъ родахъ стихотвореній. Впрочемъ говоря о дарованіяхъ эпическаго стихотворца и о достоинствахъ сей поемы, за долгъ почишаю замѣтить, что первый, долженъ имѣть превосходное искусство, пошребное для каждаго въ особенноти рода стихотворенія : ибо поема, которая ихъ всѣхъ произвела, ихъ всѣхъ въ себѣ соединяетъ. Она иногда подобно трагедіи поражаетъ насъ ужасными произшествіями, угнѣшающими невинность, или бывающими несоразбреннымъ послѣдствіемъ человѣческихъ слабостей, или неосторожности ; иногда превращается подобно лирическому стихотворству единственно въ изліяніе чувствованій ; иногда то перемѣняется изъ пылкаго, одушевленнаго повѣствованія въ живописныя изображенія изящныхъ мѣстъ и сельскихъ удовольствій ; то въздыхаетъ

со своимъ Героемъ подобно Элоги; по
лзившъ какъ Сашира, пороки, и проч.

§. 142.

Но коль ни разнообразно должно быть Мысли по видимому искусство стихотворца, котораго пребуешъ отъ него каждый въ особенности родъ стихотворенія, входящаго въ поему; однако во сѣхъ сказанныхъ случаяхъ эпическій слогъ сохраняешъ всегда одно изъ необходимыхъ своихъ качествъ, шо есть какое-то во всемъ величїе; въ мысляхъ, — занятїе ума всегда не только важными, но необыкновенными вещами, и такими же ихъ свойствами; въ чувствованїяхъ, — устремленїе души къ благороднѣйшимъ удовольствїямъ; однимъ словомъ, такое возвышенїе духа, которое заставляешъ Героя поемы и другїя дѣйствующїя въ ней лица почиать ниже себя все то, что занимаешъ обыкновеннаго челоука. Сїе высокое въ мысляхъ и чувствованїяхъ весьма скоро бы наскучило (ибо сдѣлало бы слогъ поемы единообразнымъ), естлибъ оно, такъ сказать, не перераждалося въ разные виды высокаго, свойственнаго разнымъ видамъ стихотворенїя: что пространно изъясняешъ Мармонтель въ Энциклопедїи, и о чемъ нѣсколько уже говорено выше въ §. 11.

§. 143.

Эпической поэмъ свой ственна еще особливая нѣкоторая живость въ мысляхъ и чувствованіяхъ.

Другое такъ же во всѣхъ случаяхъ сродное эпическому слогу качество есть какое-то душевное участіе самого стихотворца во всемъ, о чемъ онъ предлагаетъ, и отъ того происходящая особенная живость, свойственная человѣку, находящемуся въ страсти. Повѣствуетъ ли онъ о чемъ, кажется, какъ будто онъ самъ былъ не поэмозрипелемъ, но и производиелемъ того: такъ подробно и съ такимъ чувствомъ онъ рассказываетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ! Описываетъ ли что; — описываемые предметы кажутся глубоко впечатлѣвшимися въ его воображеніи или сердцахъ: такое рѣзкое даетъ онъ читателю понятіе обо всемъ вообще предметѣ, и такъ живо изображаетъ каждую онаго часть, что описаніе его кажется изображаетъ не столько изящество описуемаго предмета, сколько чувствованій, произведенныхъ оными въ душѣ стихотворца! *) Заставляетъ ли дѣйствовать другихъ, кажется, что онъ выводитъ ихъ предъ нами на зрѣлище, дабы всѣ ихъ движенія совершались, такъ сказать, предъ нашими очами; что мы въ самой вещи видимъ, какъ они дѣйст-

*) Сммотри въ 1-й части Собесѣдника любителей Росс. слова описаніе подъ названіемъ, Угро.

вуютъ; что мы въ самой вещи слышимъ, какъ оии говорятъ, каждый свойственнѣмъ ему родомъ слога. По сей-шо причинѣ Мармонтель говоритъ, что эпическая поема есть нѣчто среднее между историческимъ повѣствованіемъ и драматическимъ представленіемъ. Онъ объясняетъ сіе мнѣніе въ другомъ мѣстѣ слѣдующимъ образомъ: ежели большая часть поемъ, говоритъ онъ, не производипъ своего дѣйствія; шо сіе отъ того, что въ нихъ чрезъ мѣру много бываетъ повѣствованій, и чрезъ мѣру мало зрѣлицъ, шо есть дѣйствій. Естьли нуженъ сего примѣръ, шо вспомнимъ, что Гомерова Иліада есть не что иное, какъ цѣль дѣйствій и рѣчей Героевъ, воспѣваемыхъ въ ней. И такъ вотъ потъ особливый способъ предлагашъ свои мысли, который сроденъ эпопеи; шо есть что въ ней читатель долженъ быть болѣе зрителемъ, нежели читателемъ; что стихотворецъ является на зрѣлицѣ самъ только между дѣйствіями, дабы связать ихъ своимъ повѣствованіемъ; что когда онъ занимается описаніями мѣстъ, шо единственно почти для того, чтобы приготовить зрѣлице, на коемъ имѣетъ производипъ подлежащее повѣствованію его дѣйствіе, дабы читатель могъ обратипъ все свое вниманіе на сіе послѣднее.

Отъ сей живости поема кажется нѣчто среднее между повѣствованіемъ и драмою.

*

§. 144.

Эпопея
требуетъ
самаго
избраннаго
рода слога.

Наконецъ о родѣ слова, приличног
эпической поемѣ, весьма основательно и
вмѣстѣ сильно замѣчаетъ Г. Сульцеръ
въ Энциклопедіи подѣ словомъ эпопея,
что самая величественная проза недоста-
точна для сей поемы: шоль отличенъ
долженъ быть ея языкъ! Въ самомъ дѣ-
лѣ когда мысли стихотворца суть про-
изведеніе находящагося въ возторгѣ во-
ображенія; когда его чувствованія носятъ на
себѣ печать спраси: то самое его сло-
во не должно ли написаться сею силою,
сею живостию души? Впрочемъ сіи воз-
торги и спраси, по причинѣ различ-
ныхъ предметовъ ихъ, бываетъ разныхъ
родовъ; но каждый родъ всегда самой высо-
кой степени: ибо ежели вообще стихо-
творство, то кольми паче эпическая поема,
не можетъ перлѣшь ничего посредственна-
го. А попому все, что языкъ, употреб-
ляемый эпическимъ шворцомъ, имѣетъ
или можетъ имѣть превосходнаго и
пльнншельнаго для каждаго рода возтор-
га, для каждаго рода спраси, или луч-
ше сказать для каждаго рода стихотво-
ренія особенно, все то составляетъ рѣчь,
свойственную эпопеѣ.

§. 145.

О прилич-
ныхъ Эпо-
пеи рече-
выраженій,

Самое счастливое избраніе реченій и
соотвѣтствующихъ достоин-

ству и изяществу изображаемыхъ вещей, нїякъ и
 самое отважное и при помѣ удачное ино- выраженїяхъ;
 гда составленїе на сей конецъ новыхъ
 выраженїй; встрѣчающїяся по мѣстамъ о состав-
 словосочиненїя и соединенїя цѣлыхъ мы- ленїи но-
 слей пакїя, которыя нѣсколько отходящѣ выхъ,
 отъ обыкновенныхъ на сіи случаи пра- о свойств-
 виль, и кои, такъ сказать, вырываются венныхъ
 только во время возшорга или спрасни, ей сочине-
 и потому самому бывающѣ разительнѣе; нїяхъ,
 непрерывное вниманїе не опустишь ниче-
 го, что можешъ дать рѣчи силу очаро-
 ванїя посредствомъ нѣкотораго мусикій-
 скаго согласованїя звуковъ, или иногда О славно-
 посредствомъ звукоподражанїя; новыя и звучїи и
 только живыя иносказанїя (пропы), украшенї-
 что одно токмо необыкновенно быстрое яхъ.
 воображенїе въ состоянїи произвести ихъ,
 и что они во всякомъ другомъ случаѣ
 названы были надушымъ слогомъ; на-
 конецъ воодушевленїе, и олицетворенїе всего
 въ вещественномъ и нравственномъ мїрѣ;
 однимъ словомъ, самое внимательное и
 тонкимъ вкусомъ управляемое употребле-
 нїе всего, что языкъ Эпическаго писателя
 имѣетъ въ себѣ поразительнаго или для
 слуха, или для воображенїя нашего:
 вотъ въ чемъ заключается качество эпи-
 ческаго слога, относящееся единственно
 до выраженїй и украшенїй ему свойст-
 венныхъ.

§. 146.

Къ эпиче-
ской пое-
мѣ отно-
сится.

При окончаніи всего, что доселѣ го-
ворено объ эпической поемѣ, нужно еще
замѣшить два рода стихотвореній, имѣю-
щихъ нѣкоторое къ ней отношеніе, то
есть такъ называемую комическую пое-

Комиче-
ская пое-
ма.

му и пародію. Первая дѣйствительно слѣ-
дуетъ основаніямъ показанныхъ правилъ
эпопеи; она наблюдаетъ единство дѣйствія,
качества узловъ, развязокъ, дѣйствующихъ
лицъ, ошступленій и проч. Но имѣя со-
держаніемъ какое либо свойственное лю-
дямъ низкаго, по крайней мѣрѣ средствен-
наго состоянія, при всемъ томъ и въ
ихъ кругу необыкновенное, а для благо-
воспитаннаго человѣка забавное дѣяніе, во
всемъ соображается съ состояніемъ своихъ
Героевъ, ихъ мыслями и чувствованіями, и
даже иногда съ ихъ словомъ. У Французовъ
г. Боало поема, Налой, у Англичанъ г. Попе
поема, похищенный Локонъ, а у насъ г.
Майкова поема, Елисей или раздраженный
Вакхъ, могутъ служить образцами.

§. 147.

О пародіи
вообще.

Чтобы понять пародію, относящуюся
къ эпопеѣ, нужно имѣть напередъ поня-
тіе вообще о семъ родѣ стихотворенія.
И такъ пародія (простая народная пѣснь,
получившая свое начало у Грековъ), вооб-
ще есть превращеніе какого либо важнаго

стихотворческаго произведенія къ забавное и смѣшное. Остроумно усмотрѣнное, и весьма легко и естественнo изображенное сходство между важными и смѣшными мыслями, чувствованіями, дѣйствіями и проч. какъ вещь новая, составляющѣ главное достоинство всякой пародіи. Впрочемъ она бываетъ двухъ родовъ. Одинъ изъ нихъ заключается въ примѣненіи одного или нѣсколькихъ стиховъ, сказанныхъ о чемъ нибудь важномъ къ вещи низкой и забавной съ весьма малою перемѣною, или и безъ всякой перемѣны оныхъ стиховъ; другой же родъ пародіи состоитъ въ томъ, когда стихотворецъ цѣлое и при томъ весьма извѣстное стихотвореніе важнаго содержанія, или по крайней мѣрѣ значущую онаго часть, съ нѣкоторыми измѣненіями примѣняетъ къ другому забавному и низкому предмету. Къ сему роду относятся передѣлываемые такимъ образомъ иногда цѣлыя трагедіи, или комедіи. Къ сему же принадлежитъ и эпическая пародія, которая слѣдовательно есть преложеніе или цѣлой эпической поемы, или нѣкоторой ея части въ шуточное и забавное повѣствованіе, въ коемъ стихотворецъ важныя эпическія лица, находящіяся въ оной поемѣ, дѣлаетъ смѣшными, приписывая имъ простонародныя мысли, чувствованія, поступки, и застав-

О эпической пародіи.

лля ихъ производить тѣже самыя дѣй-
 ствія, какими они занимаются въ истин-
 ной поэмѣ, но способомъ свойственнымъ
 простому народу, и даже изъясняться
 иногда шакого же рода словомъ, только
 бы не было въ томъ ничего низкаго и
 неблагопристойнаго. Чѣмъ извѣстнѣе и
 въ большемъ находится уваженіи передъ-
 лываемая поэма, чѣмъ остроумнѣе важ-
 ное оной содержаніе обращено будетъ въ
 смѣшное; и чѣмъ болѣе въ ней будетъ
 изображенъ духъ и мысли народныя, то
 есть существующія въ отечествѣ чита-
 теля, тѣмъ пріятнѣе сіе произведение ве-
 селаго нрава спихопворца. *Виргиліева*
Энеида вывороченная на изнанку г. *Осипо-*
вымъ можешъ быть примѣромъ сего.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ,

О

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ.

§. 148.

Самое имя стихотвореній, о ко- О произ-
рыхъ слѣдуетъ говорить, но есть лири- хожденіи и
ческихъ *), даетъ уже намъ нѣкоторое обще м ъ
понятіе о многомъ касающемся до нихъ, какъ древ-
и особенно объ ихъ произхожденіи, со- нихъ, такъ
держаніи и употребленіи. Способность и нынѣш-
пѣть всякой человѣкъ получилъ отъ при- нихъ ли-
роды, но какъ ее, такъ и мусикійскія ору- рическихъ
дія, изобрѣшенныя его искусствомъ, онъ стихотво-
употребляетъ въ нѣкоторыхъ шокмо осо- реній оп-
бливыхъ случаяхъ, а именно, когда чрез- личитель-
мѣрныя какія нибудь чувствованія напол- номъ ка-
няютъ или возносятъ выше самой себя- чествѣ.

его душу, напримѣръ, когда она бываетъ,

*) Всѣмъ извѣстно, что сія стихотворенія и званы такъ отъ того, что древніе обыкновенно ихъ пѣли, сопровождая голосъ лирою, которую Пиндаръ въ одной изъ одаъ называетъ седьмиструнною. Ода, главный лирическихъ сочиненій родъ, значить: пѣснь, пѣсня. Подобнаго знаменованія имена и другихъ лирическихъ стихотвореній: Гимнъ (пѣснь похвальная), и проч.

какъ бы упоена или удивленіемъ, или радостію, или любовію, или приятными какими нибудь мечтаніями, и проч. Предметы и произшествія, кои производятъ сей степени ощущенія, встрѣчаются и съ человѣкомъ, живущимъ въ семейственномъ состояніи, и съ цѣлымъ обществомъ или народомъ. Возхищается человѣкъ въ минушу вниманія и чувствительности величіемъ природы, благодареніями къ нему Творца, семейственными или своими личными удовольствіями. Возхищается цѣлое общество великими дѣлами своихъ правителей, военачальниковъ, согражданъ, и важнѣйшими произшествіями, касающимися общественнаго состоянія. Въ такомъ положеніи духа частный человѣкъ изливаетъ избытокъ своихъ чувствованій, когда онъ, какъ бы обременяютъ уже его душу, а общество дѣлаетъ сіе болѣе въ приличныхъ къ тому обстоятельствахъ, на примѣръ, во время народнаго шоржества, и проч. Сіи естественныя громкія, страшныя, подобныя внезапнымъ выстрѣламъ изображенія необычайныхъ, иногда порывистыхъ, иногда шихихъ, но всегда наполняющихъ собсю сердце движеній, изображенія посредствомъ пѣнія сопровождаемаго лирою, и даже пляскою, были не что иное, какъ первоначальныя лирическія стихотворенія. Съ послѣд-

ствіемъ времени онъ весьма во многомъ съ одной стороны къ своему совершенству, а съ другой къ нѣкоторому ущербу измѣнились; но изображать чувствованія, кои стихотворецъ какъ бы не можетъ въ себѣ скрывать по причинѣ ихъ чрезмѣрности, осшалось и есть главнымъ отличительнымъ качествомъ лирическаго стихотворства.

§. 149.

Изъ сихъ общихъ о немъ свѣденій видны такъ же и другія онаго свойства, на примѣръ, что оно должно быть самое древнее; что въ немъ стихотворецъ всегда соображался съ музыкою; что оно явственно и открыто спремится къ общей цѣли стихотворства, потому что въ немъ сочинитель говоритъ прямо о себѣ и собственно стихотворческимъ слогомъ. Но гораздо важнѣе и нужнѣе замѣтить, что въ сіе время чувствительное сердце его должно быть въ нѣкоторомъ изступленіи; и что сіе изступленіе есть единственный источникъ всѣхъ правилъ и совершенствъ сего шворенія.

О разныхъ лирическаго, стихотворенія принадлежностяхъ и особенно о необходимости изступленія.

§. 150.

Изступленіе, о коемъ идетъ рѣчь, по различію предметовъ его производящихъ бываетъ различно; но намъ нужно имѣть изъ высо-

Изступленіе состоятъ или изъ высо-

кихъ, или здѣсь понятіе о двухъ токмо онаго рода нѣжныхъ чувствованій. дахъ, изъ коихъ одинъ состоитъ въ высшихъ, а другой въ нѣжныхъ чувствованіяхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ душа стихотворца бываетъ въ такомъ состояніи, что какъ бы не въ силахъ повѣдывать сама собою, и слѣдуетъ за порывами обладающихъ ею ощущеній; но въ изступленіи нѣжномъ она, такъ сказать, шережся отъ избытка удовольственныхъ чувствованій, а въ высококомъ отъ ощущенія въ себѣ нѣкотораго величія, которое возноситъ ее выше самой себя. Подлинный ли предметъ или живое представленіе онаго въ мысляхъ раждаетъ сей возторгъ, по моему мнѣнію все равно, только бы въ послѣднемъ случаѣ живость изступленія была непришворна, такъ, что представляла бы стихотворца не простымъ токмо зрителемъ, но какъ бы участникомъ въ разсужденіи изображаемаго предмета, безъ чего лирическое сочиненіе не достигнетъ своей цѣли.

§. 151.

Изступленіе высококаго рода состоитъ или въ живости, или въ спокойствіи души. Объ изступленіи высококаго рода еще нужно замѣтить вмѣстѣ съ Баттію, что чувствованія, составляющія, оное бываютъ двоякаго рода: одні возмущаютъ и воспламеняютъ душу, когда она видитъ или представляетъ себѣ какую либо чрезвычайную.

чайную вещь, на которую однако человекъ обыкновенной чувствительности и воображенія по большей части взираетъ почти равнодушно; другія противнаго свойства; во время ихъ душа человека пребываетъ спокойною и хладнокровою въ такихъ обстоятельствахъ, которыми обыкновенные люди поражаются до чрезвычайности. Первые сопряжены съ живостию и дѣятельностию, а другія съ нѣкоторымъ бездѣйствіемъ; предметъ, который возбуждаетъ первыя, представляется намъ во многообразныхъ видахъ, изъ коихъ каждый рождаетъ въ насъ нѣкоторое весьма живое ощущеніе; а предметъ, производящій другія, кажется намъ съ одной, но существенной стороны, которая заставляетъ насъ рѣшиться на нѣкоторое величественное спокойствіе *).

*) Россія, спасенная отъ близкаго и совершеннаго паденія К. Д. М. Пожарскимъ, хочетъ возвести своего избавителя на Россійскій Престолъ, бывший тогда празднымъ, но Герцогъ, не соглашаяся на предложеніе, преклоняетъ всѣхъ избрать на Царство Михаила Феодоровича Романова, ближайшаго тогда сродника пресѣвшемуся царскому роду. Въ Кн Пожарскомъ высокое чувствованіе послѣдняго рода, о коемъ говорено; а въ стихотворцѣ, которой бы предпріинялъ изобразить свое, произведенное въ немъ симъ великодушнымъ дѣяніемъ, чувствованіе, было бы оно высокое перваго рода.

§. 152.

Л и р и ч е -
скія спи-
хотворе-
нія пребу-
ють воз-
шорга, со-
стоящаго
изъ жи
выхъ чув-
ствованій.

Различивъ сіи два рода высокихъ чувствованій, составляющихъ стихотворческой возшоргъ высокаго рода, замѣтимъ еще съ тѣмъ же Баттлю, что лирическимъ стихотвореніямъ сроденъ потъ изъ нихъ, который даетъ намъ живость и дѣятельность; потому что другаго рода, о коемъ выше говорено, какъ справедливо замѣчаетъ потъ же Баттлю, всегда бываешь соединенъ съ какимъ нибудь дѣйствіемъ, которое не должно имѣть мѣста въ одахъ и другихъ сего рода твореніяхъ. Можно присовокупить еще и другую причину, что сего послѣдняго рода высокія чувствованія не могутъ перпѣть ни разпротраненія, ни громкихъ выражений безъ пошерянія весьма много своей силы. Напротивъ сего всякое лирическое стихотворство есть не что иное, какъ живое изображеніе многообразныхъ тѣхъ чувствованій, изъ коихъ одно послѣ другаго раждаетъ въ нашей душѣ, и кои впрочемъ всѣ изшекають изъ одного какого нибудь сильно поражающаго насъ предмета, такъ, что источникомъ ихъ изобрѣшенія есть почти единственна сердце стихотворца.

§. 153.

Начало ли-
рическаго
стихотво-

Отъ сего происходитъ, что начало лирическаго стихотворенія бываетъ бы-

стро и пылко, подобно стрѣлѣ вылетевшей изъ лука, искусно и сильно напянутого, даже въ послѣдствіи творенія сочинитель не можетъ уже болѣе вознестися *). Причиною такой живости въ самомъ началѣ то, что оно есть, какъ бы невольное изліяніе жаркихъ чувствованій, кои стихотворецъ не могъ болѣе скрывать въ себѣ отъ избытка.

§. 154.

По той же причинѣ и все слѣдующее за такимъ началомъ лирическое стихотвореніе весьма подобно рѣчи, свойственной человѣку, находящемуся въ необыкновенномъ смятеніи души. Лирикъ, переходя отъ одной части своего сочиненія, отъ одной мысли къ другой, и соединяя ихъ между собою, нимало кажется, не размышляя о томъ, какъ онѣ одна отъ другой родилися, а еще менѣе спарался изобразить явственно сію связь, но слѣдовалъ единственно мити своихъ ощуще-

*) Возлюблю тя, Господи крѣпосте моя: господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на него, защититель мой, и рогъ спасенія моего, и заступникъ мой. Псал. 17. смотр. еще Второзак. гл. 32.

ній и блужденіямъ своего возшорга *). Ибо умствования кажутся ему весьма хладными въ такомъ твореніи, которое посвящено жаркимъ чувствованиямъ. Но кому, скажутъ миѣ, извѣстны спези, въ кои

*) Весьма явственно видно сіе въ одномъ выше приведеннаго мною 17 Псалма мѣстѣ, гдѣ божественный стихотворецъ изображаетъ шо смишеніе почти всей природы, шо страхъ и изнеможеніе его враговъ отъ гнѣва божія, шо ужасныя явленія и дѣйствія, сопровождавшія сей гнѣвъ, и притомъ изображаетъ шакъ, что не окончивъ одного, начинается другое, послѣ чего опять обращается къ первому, и шакъ даде. Вотъ его слова.

И вшегда скорбѣши ми, призвахъ Господа, и къ Богу моему возвахъ: услыша отъ храма свящаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ нимъ видешъ во уши его. И подвижешя, и шрепетна бысть земля, и основанія горъ смяшощася и подвигошася, яко прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ его, и огнь отъ лица его воспламенися: угліе возгорѣся отъ него. И приклони небеса, и сниде, и мракъ подъ ногама его. И взыде на Херувимы, и лешъ, лешъ на крылу въшреню. И положи тьму закровъ свой, окрешъ его селеніе его шемна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Отъ облашанія предъ нимъ облацы роидоша, градъ и угліе огненное. И возгремъ съ небесъ Господь, и Вышній даде гласъ свой. Низлосла ширѣлы, и разгна я; и молніи умножи и смяше я. И явишася ишпочницы водни, и ошкрышася основанія вселенныя отъ зашрещенія твоего Господи, отъ дошновенія духа гнѣва швоего.

устремляются наши спраспи въ своихъ дѣйствіяхъ; кому извѣстны законы, которыми управляется наше сердце въ своихъ движеніяхъ? По крайней мѣрѣ возможное приближеніе при помощи опытности къ вѣроятію, а при знаніи стихотворческаго искусства къ цѣли онаго есть предѣлъ и вѣнецъ лирика, какъ и всякаго другаго стихотворца въ подобномъ случаѣ.

§. 155.

Впрочемъ не должно думать, чтобы лирической стихотворецъ, слѣдуя за порывами своего изступленія, нимало уже не дѣйствовалъ своимъ разсудкомъ. Напротивъ посредствомъ сего онъ усматриваетъ пуши человеческого сердца, и наблюдаетъ теченіе спраспныхъ чувствоній; но сими наблюденіями руководспвуется шоль искусно, что никто кромѣ его и знающихъ сіе дѣло не примѣчаетъ. По сей причинѣ еспьли въ его пвореніяхъ съ одной стороны нетерпима такая явная связь мыслей, которая свойственна сочиненіямъ, кои пишутся для разума; шо съ другой стороны шоль крупной переходъ отъ одной мысли къ другой, что сочинитель слѣдуетъ, кажется, одному случаю, есть не что иное, какъ токмо управляемое размышленіемъ и опытностію подражаніе рѣчи человѣка, обладаемаго воз-

Какъ входятъ разсудокъ въ разпоріженіе стихотвореній?

поргомъ. Ибо сія мнимая несвязность происходитъ отъ опущенія нѣкоторыхъ понятій, составляющихъ цѣпь соединяемыхъ мыслей, кои впрочемъ читатель удобно можетъ дополнить собственнымъ вниманіемъ. Опускаетъ же ихъ лирикъ для того, чтобы показать, что по причинѣ разгоряченія его сердца, въ котромъ онъ будучи писалъ, такъ много въ его душѣ было чувствованій и мыслей, и такъ быстро онъ одна за другою сдѣлавали, что онъ былъ не въ состояніи замѣшить и выразить каждую изъ нихъ, но обративъ свое вниманіе на тѣ, кои существенны и ближе къ главному предмету, принужденъ былъ оставить прочія.

§ 156.

Объ отступленіяхъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ. Тотъ же возторгъ, который управляетъ лирикомъ, бываетъ причиною, что сей часто, оставляя настоящій свой предметъ, занимается вещами спорными, однако такими, къ коимъ разгоряченное воображеніе удобно могло перейти отъ онаго. Онъ подобенъ съ жадностію и нетерпѣніемъ желающему осматрѣть какой либо великолѣпный садъ челоуѣку, который не удовольствуясь тѣмъ, что встрѣчается съ нимъ на главной дорогѣ, бросается съ жаромъ во всѣ другія отъ нея идущія, предполагая найти въ нихъ что

нибудь рѣдкое. Такъ точно дѣлаетъ лирикъ, когда побочный какой либо предметъ сильно поражаетъ его самого, и такое же по его предусмотрѣнію долженъ произвѣсти дѣйствіе въ читателѣ. Иногда онъ съ возторгомъ занимается какими нибудь общими истиннами, иногда же описаніемъ чего либо *). Сіи отступленія тѣмъ болѣе сродны лирическимъ твореніямъ, что онъ умножаютъ свойственный онимъ безпорядокъ, доказывающій смятеніе души стихотворца; но благороднѣе требуетъ наблюдать, дабы ча-

*) Такъ Гораций въ 3 одѣ кн. 1 изобразилъ нѣжность дружбы своей къ Виргилію, ѣхавшему въ Грецію моремъ, предается чувствованію своего огорченія противу того, кто избралъ мореплаваніе.

Оды Пиндара почти всѣ наполнены отступленіями, взятыми изъ баснословія, исторіи, или общихъ истинъ. Разсмотримъ съ сей стороны 1-ю Пиндическую оду, писанную въ честь Герона, одержавшаго побѣду на играхъ сего имени бѣгавшаго на колесницѣ. Въ ней Пиндаръ по поводу того, что Геронъ основалъ городъ Эпну при подошвѣ горы такъ же называемой, вводитъ баснословіе о нѣкоемъ Тифонѣ, который по преданіямъ за дерзостіе просивъ Юпитера заключенъ подъ гору Эпну, (при чемъ дѣлаетъ прекрасное описаніе и сей самой горы); но прежде нежели началъ говорить объ онимъ Тифонѣ, изяснилъ припадное дѣйствіе стихотворства

*

стое ихъ употребленіе, чрезъ мѣру длинное разпространеніе и слабое къ главному содержанію отношеніе не причинили темноты, и не обременили бесполезнымъ излишествомъ стихотворенія.

§ 157.

Лирическое сочиненіе должно быть кратко, **Тотъ же возторгъ лирика есть изсточникомъ еще слѣдующихъ замѣчаній:**
 I) что сіе швореніе не можетъ быть продолжительно; ибо неестественно, чтобъ изступленіе, коего изліяніемъ оно служитъ, продолжалось въ нашей душѣ долго.

въ душахъ добродѣтельныхъ, и ужасающее развратныхъ. Далѣе по поводу того, что Геронъ одержалъ оную побѣду не самолично, но чрезъ посланнаго отъ него, бывши въ то время боленъ, Пиндаръ приводитъ взятое изъ Гомера баснословное преданіе о нѣкомъ Филоклетѣ. Потомъ говоря, что Геронъ ввелъ въ свое поселеніе законы, которые нѣкогда даны были Иллою Дорямъ, описываетъ сихъ Доріанъ. Послѣ сего говоритъ о войнѣ Финикіанъ и Тирянъ противъ Сициліи, такъ же о побѣдахъ надъ Персами Аѳининъ при Саламинѣ и Лакедемонянъ при Плацеѣ, имѣя къ тому поводомъ побѣду, одержанную его Герономъ на морѣ. Напоследокъ Пиндаръ оканчиваетъ сію оду совѣтомъ, чтобы Геронъ продолжалъ быть добродѣтельнымъ и благошворнымъ, приводя въ примѣръ награды за сіе Креза, извѣстнаго Лидійскаго Царя, и поношенія за противныя поступки Филлариса.

2) Что жаръ возшорга долженъ быть въ Сохранять
одинаковой степени во всемъ твореніи, вездѣ воз-
такъ, что окончаніе онаго такъ же бы- шоргъ въ
ваетъ пылко и ошривисшо, какъ и начало; одной сте-
или лучше сказать, что стихотворецъ кончяшсья
топчасъ прерываетъ свое сочиненіе, какъ о п р ы в и-
скоро примѣчаетъ, что испуленіе его сто,
ослабѣваетъ. 3) Что стихотворецъ, изоб- и имѣть
ражая разныя душевныя ощущенія, никакой, единство
кажется, въ семъ случаѣ не имѣетъ глав- чувствован-
ной цѣли, къ которой бы всѣ спрасныя ній.
его движенія были имѣ направляемы: но
въ самомъ дѣлѣ оныя по видимому разно-
образныя ощущенія супъ токмо блужде-
нія одного какого либо главнаго чувствова-
ванія, котораго единство въ лирическомъ
сочиненіи по замѣчанію Баттіо не менѣ
нужно, какъ и единство дѣйствія въ эпо-
педѣ и драмахъ.

§. 158.

Изъ предыдущихъ разсужденій яв- Слогъ ли-
стствуетъ, что слогъ лирическихъ стихо- рика дол-
твореній, въ коихъ бывають изображаемы жень дѣй-
высокой степени чувствованія, долженъ ствовать
быть не только высокій, но пылкій, на чувст-
спрасный (pathétique), поражающій бо- в и ш е л ь-
лѣе всего чувствительность, и не имѣю- ность.
щій, кажется, никакого дѣла до разума
читателя. Гдѣ другой писатель унопре-
бляетъ размышленіе, тамъ у лирика однѣ

чувствованія сердца; гдѣ у другаго доказательства, тамъ у него рѣзкіе примѣры; гдѣ у другаго описанія, у него картины. Что касается до выраженной и украшенной; то рассмотримъ слово человѣка, изъясняющаго свои чувствованія во время сильнаго ихъ дѣйствія въ его душѣ; вотъ подлинникъ, съ котораго лирикъ долженъ снимать вѣрный списокъ. Слѣдовательно его періоды бывають крашки, но исполнены великими истиннами и ощущеніями; его изъясненія жарки, выраженія сильны, реченія многозначащи, при всемъ томъ рѣчь его не многословна: а сіе все отъ того, что не естественно, чтобы человѣкъ, такъ сказать объяшый страстію, могъ заниматься продолжительными размышленіями, и говорить плодовито и пространно.

§. 159.

О раздѣленіи лирическихъ сочиненій. Въ семъ заключаются общія о лирическихъ стихотвореніяхъ замѣчанія. Я называю имъ общими потому, что хотя онѣ болѣе касаются тѣхъ, въ коихъ бывають изображаемы высокія чувствованія; но самая часть лирическихъ твореній принадлежитъ къ сему, роду, такъ что подъ общимъ именемъ сего стихотворства почти обыкновенно разумютьъ высокія, напротивъ сего тѣ, коихъ предме-

ломъ бываютъ нѣжныя ощущенія души, не столь обыкновенны. Впрочемъ что нужно въ особенности замѣтить о нихъ, я предложу о томъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь приступлю къ показанію разныхъ родовъ лирическихъ стихотвореній. Въ Лирическихъ раздѣленіи я приму во первыхъ основаніемъ то, что хотя большая оныхъ часть нынѣ пишущся единственно для чтенія; однако есть и такія, которыя бываютъ и въ наши времена сочиняемы съ тѣмъ, чтобъ ихъ пѣть и при томъ съ музыкою, какъ то кантапы и обыкновенныя пѣсни.

§. 160.

Первыя однако гораздо многочисленнѣе, и по общему всѣхъ пѣсней заключенію раздѣляются на четыре главные рода: кои различаются между собою содержаниемъ. Оди изъ нихъ изображаютъ чувствованія благоговѣнія къ Верховному Существу и предметамъ вѣроисповѣданія, и называются имнами, дифирамбами, пѣснями, (cantiques): другія занимаются опличными дѣяніями великихъ мужей, или важнѣйшими общественными происшествіями, и называются одами героическими: иныя слыжатъ изліяніемъ пылкихъ ощущеній, произведенныхъ въ душѣ стихотворца какою либо нравствен-

Первыя
бываютъ
четырехъ
родовъ:

Оды ду-
ховныя,

Героиче-
скія,

Философ-
скія

ною истинною, и извѣстны подѣ особен-
 нымъ именемъ философическихъ одъ:
 Анакре- иныя наконецъ имѣюпѣ своимъ предме-
 оншяте- помъ однѣ пихія и нѣжныя, но наполня-
 скія. ющія душу чувствованія, внушаемая по
 большей части спррастію любви, а ино-
 гда и другимъ чѣмъ либо способнымъ при-
 вести наше сердце въ разтаяніе отъ удо-
 вольствія; сей послѣдній родъ называет-
 ся большею частію одами Анакреониче-
 скими.

§. 161.

О началѣ и Имны должны быть даже изъ лири-
 первобыт- ческихъ стихотвореній самое древнее.
 номъ со- чувствія благоговѣнія къ божеству со-
 стонніи Чувствія благоговѣнія къ божеству со-
 имновѣ. ставляюпѣ и у дикихъ народовъ самую
 первую и священную обязанность; а по
 сему весьма вѣроятно, что онѣ первыя
 обратили на себя вниманіе стихотвор-
 цевъ: напрошивъ сего изумленіе внушен-
 ное великими дѣянїями подобныхъ намъ,
 и сладостный возпоргъ, произведенный
 нѣжными предметами, суть произведенія
 болѣе устроенной и болѣе роскошной
 жизни, а потому не иначе, какъ уже съ
 продолженіемъ времени, могли сдѣлаться
 содержаніемъ лирическихъ стихотвореній.
 Впрочемъ естли бы нужно было, то мо-
 жно доказать сіе самую исторію. Въ

ней найдемъ, что не только у Грековъ и Римлянъ, но даже у самыхъ древнихъ восточныхъ и западныхъ народовъ пѣніе имновъ составляло часть обрядовъ ихъ богослуженія *). А изъ сего видно, что они изображали изступленіе и возторгъ цѣлаго общества или народа, произшедшій въ сердцахъ всѣхъ вообще отъ удивленія чудесамъ природы, отъ благоговѣнія, любви и благодарности къ Творцу, или отъ чего другаго, что отъ всѣхъ признаваемо было за священное; такъ, что въ ихъ составъ всегда входитъ искреннее чувствованіе отношеній чело-вѣка къ Верховному Существу.

§. 162.

Изъ сего общаго объ имнахъ понятія Имны суть слѣдующія, 1) Что они должны быть самое высокое стихотвореніе изъ всѣхъ лирическихъ: ибо что можетъ быть выше чувствія истиннаго благоговѣнія къ божеству? 2) Что при всемъ ихъ пареніи должны поражать естественною простотою:

сочиненія
самыя вы-
сокія,

но соеди-
нѣны

*) у древнихъ Грековъ стихотворцы, кои сочиняли имны, назывались Имнографами, то есть Имнописцами; а тѣ, кои во время богослуженія ихъ пѣли, Гимнодами, то есть Имнопѣвцами.

сѣ шѣ мѣ е с ш е с п в е н н у ю простоту. поелику искренность несовмѣстна съ высокопарностію, отзывающеюся истинно. 3) Что они должны состоять Изъ чего частію изъ величественныхъ изображеній они состо- (images), частію изъ высокихъ чувствованій. У древнихъ первыми сего рода ятъ? швореніями почишающся Имны Орфеевы и Гомеровы; а для насъ изящнѣйшимъ ихъ образцемъ могутъ быть псалмы Пророка Давида. Есть такъ же превосходные оныхъ примѣры и въ Россійской словесности. Не говоря о другихъ, я упомяну здѣсь только объ извѣстномъ твореніи Г. Р. Державина подъ названіемъ, Богъ.

Примѣры оныхъ.

§. 163.

П о с л ѣ довавшія сѣ имнами измѣненія, Таковы были въ первоначаліи, и таковы нынѣ настоящіе имны. Но только въ древнія времена Греческіе, потомъ Римскіе, а наконецъ и новѣйшіе стихотворцы отступили отъ существеннаго ихъ предмета; а отъ того и самыя имны измѣнились во многихъ не менѣе важныхъ качествахъ своихъ. Греки начали сперва въ нихъ воспѣвать своихъ шагъ называемыхъ полубоговъ, а послѣ и людей, причисленныхъ ими по причинамъ политическимъ къ лику боговъ. Римляне, ихъ послѣдователи, такъ же прославляли въ имнахъ не только полубоговъ, но и своихъ Цесарей, Новѣйшіе же въ подра-

жаніє тѣмъ и другимъ, дѣянїя и произ-
 шествїя челоуѣческія, свойственныя ток-
 мо необыкновеннымъ людемъ, какъ бы
 нічто священное и приличное божеству,
 такъ же стали прославлять въ имнахъ.
 Всякъ признаєтъ, что чувствованїя вну- и ихъ
 шаемыя сими, такъ сказать, подставными словъ.
 предметами, (даже и тогда, когда они
 истинны, то есть когда состоятъ не
 въ побужденїяхъ произтекающихъ изъ
 самоличности какого нибудь рода, но
 въ движенїяхъ чувствительности, дѣй-
 ствительно нами ощущаемыхъ въ сердцѣ),
 не могутъ быть столь пылки, высоки и
 сильны, какъ искреннее благоговѣнїе къ
 истинному божеству. Отъ того въ сихъ
 имнахъ весьма примѣтное искусство бо-
 гашства заступаєтъ мѣсто не прищор-
 ной живости чувствованїй: отъ того
 они, какъ говоритъ Мармонтель, въ Ен-
 циклопедїи подъ словомъ Имны, бывають
 красноглаголивы до избытка, вездѣ от-
 зываются пыкимъ воображенїемъ, но
 нигдѣ не найдешь въ нихъ искреннихъ
 чувствованїй сердца, однимъ словомъ,
 весьма обработаны, но хладны. А сіе
 отъ того, что ихъ творцы, по замѣча-
 нїю того же Мармонтеля, вмѣсто того,
 чтобы подражать псалмопѣвцу Давиду, а
 особливо Моисею, брали себѣ за образецъ
 Горація.

§. 164.

Сбщія и- Вь самыя древнiя времена имнѣ и
мена, пеанѣ были общiя имена стихотворенiй,
кои у Грековѣ были сочиняемы и пѣны,
и раздѣле- какѣ выше объяснено, вѣ честь боговѣ:
нiе на раз- но онѣ у нихѣ раздѣлялися на нѣсколько
ные роды но онѣ у нихѣ раздѣлялися на нѣсколько
имновѣ у родовѣ, изѣ коихѣ каждой имѣлѣ особен-
Грековѣ. ное названiе, заимствованное отѣ того
божества, вѣ прославленiе коего онѣ со-
спавленѣ *).

§. 165.

О Д и е и- Я упоминаю здѣсь о семѣ для того,
рамбахѣ что одинѣ изѣ сихѣ родовѣ имновѣ упо-
древнихѣ, шребляется, хотя и сѣ великимѣ про-

Другое
раздѣленiе
имновѣ,

на таин-
ственные,

*) Находи, что сѣ одной стороны знашь ча-
стныя названiя сихѣ родовѣ имновѣ нынѣ
почти ни къ чему не можетѣ служишь,
а сѣ другой, что общее о нихѣ повяшiе
можно получишь изѣ того, что ниже вѣ
семѣ примѣчанiи будетѣ сказано о стихо-
творческихѣ или народныхѣ имнахѣ, я
считаю, что естли не полезяе, по край-
ней мѣрѣ любопытныѣ узнать другое сихѣ
стихотворенiй раздѣленiе, по которому
онѣ суть трехѣ родовѣ, коихѣ всѣхѣ об-
разды, оставшиеся отѣ древнихѣ, дошли
до нашихѣ временѣ. Первый родѣ состав-
ляютѣ имны таинственные. (mystiques
ou religieux). Ихѣ пѣли посвятившиѣ себя
жакимѣ либо таинствамѣ (initiés) при оп-
равленiи своихѣ торжественныхѣ обра-
довѣ. Они имѣли особливое то, что вѣ
нихѣ взываемо было смѣло и сѣ нѣкто-

шивъ древняго измѣненіемъ и въ наши времена. Это есть Диѳирамбъ. Въ первоначаліи онъ былъ родъ Имна, посвященнаго Вакху, насадителю винограда. Благошвореніе, оказанное симъ человѣческому роду, веселіе произходящее отъ употребленія вина, и тому подобное въ тѣ времена

рымъ родомъ швердаго удованія къ божеству; что посвятившіе себя таинствамъ испрашивали въ нихъ отъ боговъ разныхъ благъ всегда шокмо себѣ однимъ; и что наконецъ они подъ вносказательными именами, приписуемыми богамъ, разумѣли разныя свойства истиннаго божества: такъ на примѣръ Аполлона называли опцемъ и зиждшелемъ временъ года, владыкою міра, утѣшеніемъ человѣческаго рода, источникомъ жизни. Вошъ небольшой примѣръ имновъ сего рода. „Внемли, „низлоши посвятившимъ себя таинствамъ „твоимъ ненарушимое здравіе, счастливую „жизнь, нескорую и долговременную спарость, отврати отъ нихъ суешныя призраки, пусшый страхъ, заразительныя болезни, и проч. Второй родъ имновъ сона на народныя, сшавляющіе стихотворческіе или народныя, кои жъ содержаніемъ были предметы народнаго, въроисповданія, воспѣваемые въ нихъ стихотворцами, тогдашними богословами, а именно разныя баснословныя повѣствованія о рожденіи, дѣянїяхъ, превращенїяхъ, и проч. боговъ, коимъ въриль народъ. Примѣръ сего можно видѣшь въ IX. Гораціевой одѣ кн. 1-й. Бывали однако и такіе сего рода имны, кои содержали въ себѣ мысли, внушающія добродѣтель или благогоубїе къ божеству. Сей

было содержаніемъ сего стихотворенія ; а пылкая смѣлость въ мысляхъ и выраженіяхъ , свойственная человѣку , разгоряченному вышесказаннымъ веселіемъ , составляла отличительное онаго свойства. Самые Греки, сдѣлавшись просвѣщенныи, его оставили , а Римляне , приняв-

и на фило-
софскіе.

второй родъ имновъ обыкновенно былъ употребляемъ при богослуженіи ; ихъ пѣли въ храмахъ или во время жертвоприношенія , или между чѣмъ какъ собирався народъ. Наконецъ такъ названные философскіе имны суть третій родъ. Ихъ называли такъ новѣйшіе пѣшны потому , что они сочиняемы были шѣми просвѣщенными изъ язычниковъ мужами , кои явно слѣдуя въроисповѣданію народа , въ тайнѣ признавали единаго истиннаго Бога. А по сему въ сихъ имнахъ (подобно шавшественнымъ) подъ именами языческихъ боговъ прославляемы были безконечныя свойства и благошворенія верховнаго Существа. Нѣкоторые изъ сихъ философовъ , въря бытію безплошныхъ существъ , сотворенныхъ для исполненія вѣльній Всевышняго , почерпали изъ сего догмата своей въры нѣкоторыя мысли для своихъ имновъ. Вотъ таковой имнь , приписуемый Клеанѣу. „Ошець боговъ , ты , который именуешися многими именами ; ты , коего существо есть единое и безконечно ; ты , шворецъ сего міра , управляющій онымъ по изволенію швоей премудрости ! Я покланяюся тебѣ , всеильный царю ! ибо ты позволяешь намъ къ тебѣ взывать. Твоя хвала , о Юпитеръ , будетъ всегда въ моихъ устахъ , и швое верховное могущество содержаніемъ

шіе ихъ богослуженіе, такъ же очень мало упражнялися въ ономъ *); изъ новѣй- и нынѣшнихъ же почти одни Италіянцы занима- нихъ вре-мени. ния сочиненіемъ Диѳирамбоѣвъ въ честь Вакха. Но въ прошедшемъ столѣтіи нѣкоторые знаменитые стихопворцы ихъ писали, только съ весьма важнымъ измѣненіемъ. Они не похвалу бога винограда, но какое нибудь благородное и внушаемое добродѣтелию высокой степени пылкое чувствованіе избирали содержаніемъ своихъ Диѳирамбоѣвъ, изображая оное словомъ, въ коемъ стихопворческое пареніе выше и ошваживѣе, нежели въ одахъ, и состав-

моего піснопѣнія. Все преклоняется предъ твоимъ владычествомъ, все претепель твоихъ спрѣлъ, коими вооружена непобѣдимая твоя десница; безъ тебѣ ничего не сотворено, ничто не сотворится въ естество. Великій Юпитеръ, гремящій съ облаковъ, благоволи вразумлять слабыхъ смертныхъ; избавь ихъ отъ духа суешности, совращающаго ихъ съ пути истины; удѣли имъ часть той премудрости, кою ты правишь вселенную: тогда они возлюбятъ токмо единое, то есть славы твоей, дондеже суть, сей всеобщій законъ, нарушаемый нынѣ ими.

- *) Гораций оставилъ намъ одинъ только Диѳирамбоѣвъ, (од. кн. 2. од. 16.): ибо другая его ода Вакху (кн. 3 ода 19). есть болѣе героическая, написанная съ особливимъ искусствомъ.

для сіе сочиненіе по образцу древнихъ избъ стиховъ разной мѣры, не раздѣленныхъ на строфы. Превосходнымъ примѣромъ диѳирамба сего рода можетъ быть диѳирамбъ Г. Делиля на безсмертіе души, извѣстное всей просвѣщенной Европѣ швореніе. Впрочемъ и наша словесность имѣетъ образцы сего стихошворенія.

§. 166

О священ-
ныхъ пѣс-
няхъ.

Къ духовнымъ одамъ относятся еще священныя пѣсни (*cantiques*), коихъ имя и первоначальныя образцы находятся въ св. писаніи. Извѣстнѣйшія избъ нихъ суть двѣ Моисеевы; первая на прехождение Израильскаго народа чрезъ Черное Море, (Исходъ глав: 15), извѣстенная эстетически въ 4-й части Ролленева способа учить и обучиться словеснымъ наукамъ; а вторая предъ кончиною сего вождя къ своимъ соотечественникамъ: (Второзакон. гл. 32). Сіи примѣры, кои во многихъ мѣстахъ могутъ служить образцемъ высокаго лирическаго шворенія, доказываютъ, что священныя сіи пѣсни имѣютъ всѣ качества стихошвореній онаго рода, и что содержаніемъ ихъ бываетъ или прославленіе особеннаго покровительства Божіяго, оказаннаго въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, или изліяніе живыхъ чувствованій, возбужденныхъ

накимъ либо чрезвычайнымъ несчастіемъ. Сіи священныя пѣсни, которыя были въ употребленіи у народа единственнаго пѣмъ, что онъ находился подъ особеннымъ Божиимъ управленіемъ, остались безъ подражаній.

§ 167.

Но вмѣсто ихъ въ позднѣйшія времена явились другія, имѣющія съ ними по своему содержанию и слогу нѣкоторое сходство. Сіи послѣднія суть произведенія Христіанскихъ стихотворцевъ, кои въ нихъ изливаютъ чувствованія, возбужденныя предметами вѣроисповѣданія. Онѣ опличаются отъ имновъ и священныя пѣсней пѣмъ, что не имѣютъ такой степени паренія; но изображаемое въ нихъ благоговѣніе есть ощущение души, находящейся хотя въ упоеніи, но шакомъ, которое не возмущая оной, оставляетъ ей даже способность размышленія. Къ шаковымъ пѣснямъ, кои можно называть духовными, относятся витійственныя шворенія, которыя въ нашей православной и другихъ Христіанскихъ, особливо Евангелической, церквахъ обыкновенно поются во время Богослуженія.

О духовныхъ пѣсняхъ.

§. 168.

Я уже сказалъ, что шакія опличныя дѣянія великихъ людей и важнѣйшія съ

Объ одахъ Героическихъ;

человѣческими обществами произшествія, кои возпламеняютъ быстрое воображеніе и раздражаютъ необыкновенной чувствительности душу, бывають содержаніемъ героическихъ одъ. Какъ онѣ слѣдуютъ общимъ лирическихъ стихотвореній изъясненнымъ выше правиламъ: то и нѣчего было бы о нихъ предлагать, естлибъ о нихъ не почиталъ нужнымъ войши нѣсколько въ то различіе, которое весьма примѣшнорно въ одахъ разныхъ временъ и народовъ, дабы извлечь изъ того истинное о сихъ стихотвореніяхъ понятіе. Оно шѣмъ необходимо, чѣмъ чаще онѣ употребляются въ наши времена, особливо въ нашемъ отечествѣ. И такъ по мнѣнію лучшихъ пѣтцовъ Пиндаръ въ одахъ своихъ смѣлѣе, живѣе, сильнѣе, нежели Горацій; а большая часть нынѣшнихъ лириковъ уступаютъ въ семъ Горацію. Отъ чего же сіе? Отъ того, что возторгъ Пиндара былъ истиннѣе, нежели у Горація, и такъ далѣе; отъ того, что Пиндаръ и другіе его вѣка и древнѣйшіе его стихотворцы изображали въ своихъ одахъ то, чѣмъ проницаемо было собственное ихъ сердце, присовокупляя къ тому еще прелести пѣнія и лиры. Представимъ себѣ стихотворца, съ таковымъ пламеннымъ ощущеніемъ въ сердцѣ и съ лирою въ рукахъ являющегося по-среди народа, который почи-

О ихъ
различіи
относительно къ
разнымъ
временамъ
и народамъ.

го было бы о нихъ предлагать, естлибъ
я не почиталъ нужнымъ войши нѣсколько
въ то различіе, которое весьма примѣшнорно
въ одахъ разныхъ временъ и народовъ,
дабы извлечь изъ того истинное о сихъ
стихотвореніяхъ понятіе. Оно шѣмъ
необходимо, чѣмъ чаще онѣ употребляются
въ наши времена, особливо въ нашемъ
отечествѣ. И такъ по мнѣнію лучшихъ
пѣтцовъ Пиндаръ въ одахъ своихъ смѣлѣе,
живѣе, сильнѣе, нежели Горацій; а большая
часть нынѣшнихъ лириковъ уступаютъ
въ семъ Горацію. Отъ чего же сіе?
Отъ того, что возторгъ Пиндара былъ
истиннѣе, нежели у Горація, и такъ далѣе;
отъ того, что Пиндаръ и другіе его вѣка
и древнѣйшіе его стихотворцы изображали
въ своихъ одахъ то, чѣмъ проницаемо
было собственное ихъ сердце, присово-
купляя къ тому еще прелести пѣнія и
лиры. Представимъ себѣ стихотворца,
съ таковымъ пламеннымъ ощущеніемъ въ
сердцѣ и съ лирою въ рукахъ являюща-
гося по-среди народа, который почи-

шаеѣ его изшолковашелемѣ воли боговѣ , являющагося во время или возмущенія , дабы успокоишь духѣ буйности , или общеспвеннаго бѣдствія , дабы оживошворить опчаянныхѣ и внушишь имѣ надежду и мужество; или знаменипаго и счастливаго произшесствія , дабы сдѣлать безсмершною славу онаго; или какого либо торжества , дабы придашь ему болѣ величія; или на играхѣ , дабы возпѣшь предѣ цѣлюю Греціею побѣдителя , и чрезѣ шо возродишь вѣ другихѣ соревнованіе кѣ сему роду славы *). Гласѣ его , соединенный со звуками лиры , воодушевляемый пламенными чувствваніями сердца , не покажешся ли изумленному народу чемѣ либо божественнымѣ ?

§. 169.

Слѣдовательно тогда кругѣ содержа- О преимуще-
ніа лирическихѣ швореній былѣ обширнѣе , щ е с т в ѣ
цѣль какѣ для стихошворца , такѣ и для древнихѣ
слушающихѣ , какѣ говоряшѣ , ближе кѣ одѣ .
сердцу , а средства , употребляемые пер-
вымѣ для достиженія оной , дѣйствитель-
нѣе . По стѣсненіи сихѣ преимуществѣ ,
коиими пользовались лирическіа шворенія
вѣ самыа древніа времена , должны были

*) Сюда же принадлежатѣ и поемы Оссіановы , ежели онѣ не подложны .

онѣ унизиться въ существенныхъ своихъ достоинствахъ, а по отдѣленіи отъ нихъ пѣнія и звуковъ лиры онѣ оставшиися съ одною прелестію, то есть разбромъ слова, сдѣлалися не сооѣтствующими многимъ случаямъ, въ которыхъ древніе ихъ употребляли, и вообще хладнѣе, такъ, что ихъ содержаніе стало гораздо ограниченнѣе, а возторгъ лирика не столько живѣе отъ того, что онѣ видимо рождаются на перѣ только, а не въ сердцѣ стихотворца. Вотъ, отъ чего оды Горациевы въ разсужденіи лирическаго паренія уступаютъ Пиндаровымъ, а Горациевымъ большая часть нынѣшнихъ, отступившихъ еще далѣе отъ существенныхъ правилъ древнихъ одъ, и усиливающимся дополнить недостатокъ истиннаго возторга души живостію воображенія, или почерпнутыми изъ наукъ свѣденіями. По сей причинѣ нѣкоторыя изъ соощичей нашихъ, какъ бы не осмѣливаясь называть одами такія лирическія творенія, коихъ недостаточный по собственному ихъ, кажется, признанію возторгъ не заслуживаетъ онаго имени, называютъ ихъ пѣснями. Слѣдовательно чѣмъ болѣе въ одѣ нынѣшнихъ временъ находимъ качествъ, коими пѣвнютъ насъ оды древнихъ; тѣмъ оныя совершеннѣе. Превосходнѣйшіе сихъ одъ образцы наша

Истинныя
достоин-
ства ны-
нѣшнихъ
одъ.

словесность имѣтъ въ швореніяхъ, какъ извѣстно всѣмъ, Г. Ломоносова, Пепрова, Г. Р. Державина и другихъ нашихъ лириковъ.

§. 170.

Остается еще нѣчто сказать о родѣ стиховъ, и ихъ раздѣленіи въ сихъ одахъ. Въ самыя древнія времена, то есть когда стихотворенія не были еще раздѣлены на разные роды по ихъ содержанію и особеннымъ каждому качествамъ, всѣ безъ изъятія, въ томъ числѣ и оды, по замѣчанію нѣкоторыхъ пиитовъ, были писаны шестистопными стихами. Но когда искусство сію бывшую дошло смѣсь въ стихотвореніяхъ привело въ нѣсколько различныхъ родовъ, и когда оно замѣтило, что важный шестистопный стихъ часто бываетъ обременителенъ для пѣнія и музыки, къ коимъ долженъ быть приравненъ размѣръ оды; то для сего изобрѣли особый родъ стиховъ. Первою ихъ изобрѣтательницею почитаютъ стихотворицу Сафу, жившую около 600 лѣтъ до Р. Х. а около 100 лѣтъ до Пиндара. Сии стихи извѣстны подъ ея именемъ. Потомъ нѣкоторые изъ жившихъ послѣ нея лириковъ, какъ у Грековъ Алкей, Анакреонтъ, а у Римлянъ Гораций изобрѣли еще другаго рода стопосложеніе для

О стопосложеніи, употребляемомъ древними въ героическихъ одахъ. Сначала оды писаны шестистопными стихами, потомъ особенно для оды изобрѣтены Сафою и другими.

Пиндаръ-одъ. Но Пиндаръ изъ всѣхъ замѣчатель-
 оду раздѣ- ные пѣмъ, что онъ по мнѣнію нѣко-
 лилъ. рыхъ пѣшовъ первый далъ одѣ такой
 видъ, что извѣстное число первыхъ сти-
 ховъ составляли особое отдѣленіе, кото-
 рое называлось строфою, которая значить
 оборотъ; по тому что между пѣмъ, какъ
 пѣли сіе отдѣленіе, пляшущіе оборачи-
 вались въ одну сторону; за симъ слѣдо-
 вало опять особое отдѣленіе, состоящее
 такъ же изъ нѣсколькихъ стиховъ, на-
 зывавшееся антистрофою, во время пѣ-
 нія коей пляшущіе оборачивались въ про-
 тивную сторону, наконецъ былъ Эподъ, родъ
 особливаго отдѣленія, состоящаго такъ
 же изъ нѣсколькихъ стиховъ, и бывшаго
 всегда короче строфы и антистрофы. Когда
 пѣли его, то пляшущіе не оборачиваясь
 ни въ которую сторону, дѣлали движенія,
 оставаясь въ одномъ положеніи. Такимъ
 образомъ нѣсколько разъ повторенное
 послѣдованіе за строфою антистрофы, а
 за сею Эпода составляло всю оду. Есть
 у Пиндара оды, имѣющія другой составъ
 и другіе роды стихосложенія, а именно нѣкоторыя имѣ-
 ютъ только строфы и антистрофы, но не
 имѣютъ Эподовъ; нѣкоторыя же состо-
 ятъ изъ нѣсколькихъ длинныхъ спансовъ,
 изъ коихъ каждый содержитъ въ себѣ
 одно число стиховъ и одного размѣра.
 Что побу- Весьма вѣроятно, что стараніе древнихъ

о томъ, чтобы ихъ оды приятнѣе было пѣшь и соединять съ музыкою, заставляло ихъ изобрѣпать для оныхъ разнообразныя роды спопосложенія, и что естли сіи были наблюдаемы еще и тогда, какъ пѣніе и музыка были уже устранены отъ сихъ стихотвореній, то сіе произошло единственно отъ раболѣпнаго подражанія древности. Но сему новѣйшіе гораздо благоразумнѣе дѣлають, раздѣляя свои оды подобно упомянутому мною третьему образцу Пиндаровыхъ одъ, на нѣсколько шокмо стансовъ, или, какъ мы называемъ, куплетовъ *).

ждало из-
обрѣпать
сіи роды
спопосло-
женія для
одъ?

Спопосло-
женіе одъ
новѣй-
шихъ

§. 171.

Третьяго рода оды, то есть фило-софскія, имѣють своимъ содержаніемъ, какъ сказано, такую нравственную истинну, которая представляетъ намъ или какую либо добродѣтель съ изящной ея стороны, или, что чаще бываетъ, какой либо порокъ съ отвратительной. Сіе качество матеріи заключаетъ въ себѣ всѣ правила, касающіяся особенно фило-

Объ одахъ
Философ-
скихъ.

*) Изъ какого числа и размѣра стиховъ состояло спопосложеніе въ одахъ Сафиныхъ, Пиндаровыхъ, Горациевыхъ; тоже разумеется и о нынѣшнихъ; сіе можно видѣть изъ примѣровъ и изъ нѣкоторыхъ піишкѣ.

софской оды. Того или другого рода будетъ ея содержаніе, надобно, чтобы въ первомъ случаѣ изящество воспѣваемой лирикомъ добродѣтели упоила его сердце живѣйшимъ возпоргомъ; а во второмъ, чтобы гнусность порока, составляющаго предметъ оды, произвела въ немъ самой высокой степени чувствованіе негодованія, дабы ода его была изліяніемъ живыхъ, пылкихъ и волнующихъ его душу ощущеній. Слѣдовательно умствования, доказательства, логическія раздѣленія, свойственныя сочиненіямъ поучительнымъ (*didactiques*), словомъ, все, что производитъ спокойно размышляющей умъ, не должно имѣть мѣста въ сей одѣ; напротивъ сего вездѣ въ ней говоритъ кипящее отъ удовольствія, или отъ огорченія сердце, прерываемое иногда порывами находящагося въ возпоргѣ воображенія; вездѣ гласъ пламенной страсти, разительныя примѣры, каршины, кои своею живостію превышаютъ самые изображаемые ими предметы. Образцами сего рода одъ (не говоря о томъ, что въ произведеніямъ нашихъ отечественныхъ лириковъ находятся превосходныя), могутъ быть Горациева 1-я ода кн. 3, и ода Руссова на счастье, поль известная.

§. 172.

Есть еще особый родъ философской оды, коей превосходный образецъ наша словесность имѣетъ въ одѣ къ Фелицѣ знаменитаго нашего лирика Г. Р. Державина. Содержаніемъ сихъ одъ бывають шакъ же живыя впечатлѣнія, произведенныя въ стихотворцѣ или изыщесствомъ какой либо добродѣтели, или гнусности порока; но сіи впечатлѣнія не суть тѣ пылкія изступленія возвышеннаго духа, страстно преданнаго общественному благу, кои въ немъ производишь какое либо нравственное явленіе, касающееся состоянія цѣлаго общества, или и всего человѣческаго рода. Возторгъ творца сей оды состоишь въ пакихъ сладостныхъ, или оскорбляющихъ душу упоеніяхъ, которыя часто случаетъся намъ имѣть по среди семейственной и частной жизни, и коихъ источникомъ бывають добродѣтели или пороки оной свойственные. Въ послѣднемъ случаѣ, то есть когда стихотворецъ изображаетъ въ сей одѣ возбужденныя въ немъ порокомъ чувствованія, онъ иногда вводитъ въ нее нѣчто комическое, представляя свой предметъ (впрочемъ не столь рѣзко, какъ въ комедіи), со стороны достойной осмѣянія. Изъ сихъ понятій о содержаніи такой оды и о возторгѣ ея творца явствуетъ, что пареніе мыслей,

Другой
родъ философской
оды.

изступленіе воображенія и свойственное одной пламенной страсти слово, не соопвѣшествовали бы сему лирическому спихотворенію; напротивъ сего оно, будучи произведеніемъ тихихъ ощущеній, украшается нѣкоторою простотою, даже небрежностію, какія бывають въ частной и семейственной жизни.

§. 173.

Оды Ана-
кreonтис-
ческія.

Наконецъ оды Анакреонтическія, называемыя именемъ извѣстнаго въ семъ родѣ Греческаго лирика, суть откровенное изліяніе нѣжныхъ, страстныхъ, тихихъ но наполняющихъ собою сердце чувствованій, коихъ источникомъ бываетъ не одна любовная страсть, но все, что, такъ сказать, разнѣживаетъ и умягчаетъ подобно воску нашу душу; все, чемъ она любитъ бытъ занята, и на что въ другомъ смотритъ съ нѣкоторымъ приятнымъ ощущеніемъ; все, что дѣлаетъ насъ подобными дѣтямъ, заставляя при совершенной безопасности и забвеніи всѣхъ горестей и безпокойствъ жизни единственно наслаждаться предстоящими намъ удовольствіями все, что имѣетъ плѣнительнаго природа; все, что имѣютъ возхитительнаго мечты воображенія; все, что дѣлаетъ нашъ духъ веселымъ, или погружаетъ его въ приятную задумчивость, даже самая печаль, обра-

пившаяся наконецъ въ стихое и услаждающее уже насъ чувство *)). Два особенныхъ качества составляютъ отличительное достоинство сего стихотворенія, а именно, что въ изображаемыхъ въ немъ чувствахъ, свойственныхъ человѣку совершенныхъ лѣтъ, видны вдругъ особая мягкость и нѣжность души, и приличное дѣтскому возрасту простодушіе, чистосердечіе и безопасность о другихъ дѣлахъ и вещахъ, такъ что мужество съ юностію, если можно такъ сказать, сливаются вмѣстѣ. Сія нѣжность сердца, сія дѣтская откровенность, сія плѣнительная простота, не знающая по видимому совѣмъ искусства, даже иногда небрежная, и особенно чрезмѣрная легкость слога бывають явственны и въ самомъ словѣ. Слѣдовательно ничто не можетъ быть столько противно качествамъ Анакреонтическихъ одъ, какъ примѣтное въ нихъ притворство, искусство и вообще всякаго рода насиліе сердцу или дарованіямъ ума. Сверхъ сего какъ весьма естественно нашему сердцу заниматься приятнымъ предметомъ такъ, что оно

*) *Te, dulcis conjux, te solo in littore secum,
Te veniente die, te decedente canebam.*

Такъ говоритъ *Виргилій* объ *Орфее*, когда сей лишился своей супруги. *Геор. кн. 4.*

не хочеть ни на минушу съ нимъ разспаться, а когда расстається, то не иначе, какъ съ сожалѣніемъ и огорченіемъ; по сей причинѣ лирическимъ сего рода швореніямъ несвойственны отступленія, и при помѣ онѣ бывають всегда крапки. Часто приятное нѣкоторое чувствованіе, мгновенно пробѣжавшее подобно электрическому веществу по нашей душѣ, составляетъ все содержаніе такого стихотворенія. Вообще о немъ надобно примѣнить, что превосходному въ немъ лирику надобно родиться съ чувствительностію души и дарованіями ума, отъ природы преклонными ко всему нѣжному. Такова была извѣстная Сафо, которой оду, (приведенную мною въ примѣръ въ опытѣ Риторики, стран 347), нѣкоторыя крипки почипають неподражаемымъ образцемъ. Таковъ былъ Анакреонтъ, коего нѣкоторыя оды превосходно переведены и помѣщены г. Ломоносовымъ въ разговорѣ его съ Анакреонтомъ. Таковъ и нашъ знаменитый лирикъ Г. Р. Державинъ. Для примѣра возмемъ двѣ слѣдующія Анакреоншвы оды:

Откуда ты летишь, любезная голубка,
откуда летишь? Отъ чего ты дышешь такимъ
благоуханіемъ и разливаешь его, лети въ воз-
духъ? Скажи мнѣ, какая твоя должность?
Анакреонтъ посылаешь меня къ молодому сво-

ему Ваеилу, павившему сердца всѣхъ своею красотою. Цитера опдала меня ему за одну пѣсенку, и я разношу его письма. Онъ говоритъ, что хочетъ скоро отпустить меня на волю. Но естли онъ меня и отпустить, я хочу остаться въ его услуженіи. Зачѣмъ мнѣ лешашъ по горамъ и долинамъ? Зачѣмъ сидѣть на деревьяхъ и пишашся дикими зернами? Теперь я ѣмъ хлѣбъ, который беру у него самаго изъ рукъ; онъ даетъ мнѣ вино, которое пьешъ самъ. Когда я упьюсь, то пляшу, и покрываю крылышками своего господина; а когда усану, то сплю на его лирѣ. Теперь ты все знаешь: прощай; ты заставилъ меня быть болшливѣ вороны.

*

Однажды Музы связали цвѣтами Эроса, и опдали его подъ спражу Красонъ. Цитера, чтобы освободить его, приходитъ съ выкупомъ. Но цѣпи уже не бременяшъ его: онъ не хочетъ разшашся съ неволею.

§. 174.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣчто о лирическихъ стихотвореніяхъ, кои обыкновенно бывають сочиняемы для пѣнія вмѣстѣ съ музыкаю. Два качества дѣлають различіе между ими и одами. Впервыхъ въ нихъ стихотворство слова (Poësis verborum) и мыслей (Poësis rerum) должны быть принаровлены къ свойствамъ музыки, то есть, чтобы рачишельно избраны были не токмо шакого

размѣра стиха и строфы, но даже рѣченія и выраженія такой длины или краткости, такой (относительно къ произношенію) медленности или скорости, грубости или нѣжности, чтобы музыка могла удобно выразить все по соотвѣтствующимъ содержанію напѣвомъ (melodia). Что касается до стихотворства мыслей, то поелику достоинство музыки въ семъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы она своими тонами и напѣвами, сколько возможно чувственнѣе выражала каждую оплѣнь главнаго чувствованія, особливо же сіе послѣднее, изъ коего даже музыкантъ почерпаетъ тему для своего сочиненія; по сему долгу стихотворца каждое блужденіе страсти, и особливо служащее основою всего сочиненія чувствованіе изобразить сколько возможно явственнѣе и естественнѣе. Другое лирическихъ сего рода стихотвореній отъ одъ отличіе состоитъ въ томъ, что изображаемая въ нихъ чувствованія бывають гораздо пише, нежели въ одахъ, и по большой части не столь высоки.

§. 175.

О канта-
шъ.

Первое и важнѣйшее изъ сихъ стихотвореній есть кантата, изобрѣтенная въ XV. вѣкѣ въ Италіи, а потомъ введенная въ другія Европейскія, а въ XVIII. столѣтіи во Французскую и нашу сло-

весность. Хошя изліянiе движеній сердца есть главный ихъ предметъ; но они почти обыкновенно не менѣе занимаются ихъ источниками, сколько и ими самими, по есть въ тоже время, какъ изображаютъ чувствованія, или повѣствуютъ о какомъ нибудь произшествіи, или описываютъ какой либо предметъ, или представляютъ какое либо дѣйствіе, отъ коихъ родились оныя; или иногда на мѣсто того, что произвело ихъ, когда по всѣмъ извѣстно, изображаютъ шокмо разныя блужденія главного произведеннаго тѣмъ чувствованія. Отъ сего различія содержанія произходитъ раздѣленіе каншатъ на два рода, а именно: на драматическія, въ коихъ чувствованія бываютъ возбуждаемы совершающимся въ тоже время дѣйствіемъ; и на эпическія, которыхъ содержаніемъ бываетъ или произшествіе, или какой нибудь предметъ, или что нибудь страстное. Первыя обыкновенно употребляются въ операхъ; почему о нихъ и будетъ особенно предложено въ драматической части; а другія сами по себѣ.

Каншаты
бываютъ
двухъ ро-
довъ:
драматиче-
скія и
эпическія.

§. 176.

Сверхъ сего отъ того же различія въ разсужденіи содержанія произходитъ раздѣленіе и драматическихъ и эпическихъ каншатъ на двѣ существенныя ча-

Каншаты
имѣютъ
двѣ части:

реципашивъ
и арію.

сти, по есть на реципашивѣ, занимающійся изображеніемъ источника чувствованій, и на арію, выражающую самую чувствованія, такъ; что первый составляетъ эпическую, а второй лирическую часть кантатъ. Си двѣ части такъ бывають разположены, что по предложениіи нѣкоторой части реципашива слѣдуетъ такъ же нѣкоторая часть аріи; потомъ опять часть реципашива и часть аріи, и такъ далѣе. Реципашивъ, какъ повѣствованіе или описаніе, вообще бываетъ пише и простѣ аріи; но когда пребуетъ содержаніе, живѣ и даже нѣсколько страшнѣ; напротивъ сего аріа всегда должна имѣть болѣе пылкости и жара. Между тѣмъ однако каждая оной часть въ разсужденіи степени своей силы соотвѣтствуетъ предыдущей части реципашива; и поелику разныя приводимыя въ немъ обстоятельства производятъ разныя и различной степени впечатлѣнія въ душѣ; то страшный слогъ аріи отъ сего бываетъ по болѣе, по мѣнѣе степени: при чемъ одного шокмо должно остерегаться, по есть, чтобъ аріа не превратилася въ равнодушное размышленіе.

Свойства
реципашива,

аріи.

§. 177.

Ораторія. Пространная кантата, имѣющая содержаніемъ что нибудь священное, или

почерпнутое изъ священной исторіи, называется Ораторією, которая во всемъ слѣдуетъ общимъ правиламъ каншаты, исключая, что слогъ стихотворства и музыки въ семъ твореніи бываетъ важнѣе и выше, соразмѣрно содержанію оной.

Каншаты на побѣды Россійскаго воинства надъ Турками и на коронованіе Государя Императора АЛЕКСАНДРА I. могутъ служить образцами.

§. 178.

Другое обыкновенно съ пѣніемъ, а О пѣсняхъ собственно такъ называется. часто и съ музыкою припомъ соединяемое лирическое стихотвореніе есть собственно такъ называемая пѣсня (chanson). Ихъ произхождение. Она есть также изліяніе чувствованій болѣе наполняющихъ собою и улаждающихъ, нежели высокихъ и возмущающихъ душу, произведенныхъ въ ней какими нибудь обстоятельствомъ домашней, или общесвѣтской жизни. Существенныя качества пѣсни являю- Ихъ произхождение. ствуютъ изъ ея произхожденія; а сего произхожденія должно искать въ самомъ первобытномъ состояніи чело- И такъ сама природа научила его употреблять даръ пѣнія для изліянія приятныхъ и горестныхъ ощущеній; внушивъ ему чувствіе сугубаго удовольствія, когда онъ выражаетъ онымъ приятныя движенія сердца, и чувствіе нѣкоторой опрады, когда изливаетъ посред-

ствомъ его горестныя. Сколько же съчеловѣкомъ и въ уединенномъ домашнемъ, и въ общежитейскомъ состояніи встрѣчается предметовъ и случаевъ; сколько бываетъ въ его душѣ размышленій, которыя столько возпламеняютъ его чувствительность, что въ сіи минушы все бытіе его заключается, кажется, только въ его чувствованіяхъ! Но кто можетъ самнѣваться, что жизнь уединенная и домашняя предшествовала общественной? А изъ сего достоверно слѣдуетъ, что первоначальныя пѣсни суть произведенія оной; напротивъ сего тѣ, кои выражаютъ чувствованія цѣлыхъ обществъ, суть уже подражанія первымъ; а составленныя во время болѣе образованнаго общежитія еще болѣе содержатъ въ себѣ искусства, нежели природы.

§. 179.

Одостоинствахъ пѣсень.

Слѣдовательно существенныхъ качествъ и правилъ сего стихотворенія должно искать въ оныхъ первоначальныхъ пѣсняхъ. Впрочемъ онѣ (качества и правила) болѣе всего состоятъ въ нѣкоторомъ невинномъ простодушіи. Ибо замѣтите, какъ мыслящій и чувствительный чловѣкъ, разтроганный обстоятельствами своей жизни, посредствомъ пѣнія какъ бы облегчаетъ себя отъ обременяющихъ его ощущеній: онъ весь занятъ бы-

ваетъ пѣмъ, чтобы сколько возможно живѣе выразить состояніе своей души и словами и тонами; но при всемъ помѣездѣ простѣ и въ мысляхъ и въ выраженіяхъ, вездѣ удаленъ искусства, вездѣ руководствуется одною откровенною природою. Между пѣмъ однако его слово само собою, кажется, вездѣ соображается съ движеніями его сердца: оно по пещѣ легко и быстро, по идеѣ важно и медленно, а отъ сего сполосложеніе (которому въ семъ случаѣ научила таже природа), бываетъ разномѣрно. Сверхъ сего поелику пѣніе, и музыка также согласуются съ душевными чувствованіями, кои онѣ изображающъ; по слово пѣснопѣвца какъ бы спосбствуетъ ихъ успѣхамъ съ своей стороны выборомъ такихъ вараженій, коихъ или значенія весьма живо дѣйствуютъ на воображеніе, или соспавляющіе ихъ звуки на слухъ. Отъ сего въ пѣсняхъ много бываетъ прекрасныхъ звукоподражаній и такихъ рѣченій, кои ничего не означая, въ звукахъ своихъ содержатъ нѣкоторый какъ бы ошголосокъ выражаемыхъ пѣніемъ чувствованій; отъ сего также иногда повторяется стихъ или нѣсколько словъ. Все сіе мы находимъ и въ пѣхъ пѣсняхъ, коихъ содержаніемъ бывающъ ощущенія цѣлаго общества, од-

нако такого, которое мало еще удалилось отъ естественнаго состоянія человѣка 1).

§. 180.

Достоин-
ства ны-
нѣшнихъ
пѣсень.

Раздѣленіе
пѣсень на
разные ро-
ды.

А по сему составленныя уже въ про-
свѣщеннѣйшемъ общежитіи пѣсни шѣмъ бо-
лѣ имѣютъ истинныхъ достоинствъ, чѣмъ
болѣе подходятъ къ изъясненнымъ мною
первоначальнымъ пѣснямъ такъ, что все,
что объ оныхъ можеть сказать искусство,
состоитъ токмо въ показаніи свойствъ,
принадлежащихъ симъ послѣднимъ. Ибо
едва стоишь, по моему мнѣнію, вниманія
то, что по причинѣ различнаго ихъ со-
держанія и разныхъ случаевъ, въ коихъ
онѣ бывають употребляемы, раздѣляютъ
ихъ на разные роды, и что онѣ имѣютъ
видъ иногда эпиграммы, иногда мадрига-
ла, иногда чувствительнаго, иногда иро-
ическаго повѣствованія, иногда эклоги,
иногда даже оды.

§. 181.

О романсѣ,

Изъ разныхъ родовъ пѣсень есть два,
кои имѣютъ особливья названія, а имен-
но романсѣ и балладѣ Они оба изобрѣте-
ны въ шѣ времена, когда просвѣщеніе въ

(*) Сіи пѣсни могутъ служить иногда источ-
никомъ исторіи народа и зеркаломъ нра-
вовъ и обычаевъ тѣхъ временъ.

Европѣ начинало возстановляться, и нынѣ весьма рѣдко, особливо послѣдній, употребляющся. Романсѣ отличенъ отъ прочихъ пѣсенъ своимъ содержаніемъ, а балладѣ своимъ составомъ. Первый по словамъ Руссо и Мармоншеля, (въ энциклопедіи подъ словамъ Романсѣ) есть не что иное, какъ жалостное повѣствованіе о какомъ нибудь любовномъ несчастно окончившемся приключеніи. Разпроганное жалостію сердце и невинное простодушіе стихотворца составляютъ собственное достоинство, а возбужденіе тѣхъ же чувствованій въ душѣ другихъ, есть цѣль сей пѣсни. и Балладѣ. Балладѣ составляемъ былъ изъ трехъ куплетовъ и полукуплета (un envoi). Куплетъ состоялъ изъ 8 или 10 или 12 стиховъ, а стихи были всѣ одного размѣра, и по большей части чепырестопные: однѣ рѣмы были во всѣхъ куплетахъ, и даже однимъ образомъ во всѣхъ разположены. Полукуплетомъ оканчивался балладѣ, и состоялъ изъ половиннаго числа, нежели куплетъ, стиховъ, которые тойже были мѣры, и въ разсужденіи рѣмы и разположенія оной сходствовали съ послѣднею половиною куплета. Но особенная красота сей пѣсни состояла въ томъ, что каждый куплетъ и полукуплетъ оканчивалися однимъ и тѣмъ же стихомъ, который впрочемъ во всякомъ изъ нихъ соединенно съ предшесивующи-

ми стихами долженъ былъ составлять особливую всегда мысль. Главное достоинство баллада заключается въ томъ, когда показаннымъ образомъ повторяемъ былъ такой стихъ, къ которому не весьма легко прибавить другой, съ коимъ онъ вѣстѣ долженъ составить одну мысль; и когда не взирая на то, какъ въ семъ повтореніи, такъ и въ соблюденіи извѣсненнаго состава видна легкость и непринужденность.

§. 182.

Объ Элегіи
вообще.

Многіе къ лирическимъ сочиненіямъ, судя по содержанію, причисляютъ еще справедливо Элегію. Самое ея названіе, (слово увы) показываетъ намъ содержаніе и цѣль оной. Чувствительное сердце; огорченное несчастіями собственными или другихъ, находя нѣкоторое какъ бы облегченіе въ томъ, чѣмъ излишь изъ себя угнѣтающія чувствованія горести, избрало для того сей особый родъ стихотворенія; но со временемъ нѣжныя и даже веселыя ощущенія сдѣлались содержаніемъ Элегіи *).

*) Versibus impariter junctis querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia compos.

Horat. ad Pisones.

§. 183.

Она различается отъ прочихъ лирическихъ стихотвореній двумя особенными качествами. Вопервыхъ ея содержаніе ограничивается двумя токмо родами чувствованій, то есть печали и радости, *) а во вторыхъ сіи самыя чувствованія бывающъ опредѣленной нѣкоторой степени. Все, что приводитъ сердце въ необыкновенное волненіе; все, что его изумляетъ или терзаетъ, отнюдь несвойственно Элегіи; самыя ощущенія любви, составляющія болѣе всего оной занятіе **), когда онѣ насильственны и жестоки, бывающъ содержаніемъ болѣе трагедіи. Напрощивъ

О различіи Элегіи отъ другихъ лирическихъ сочиненій.

*) Elle peint des amans la joie et la tristesse.
Boileau l'art Poétique.

**) Всего болѣе въ Элегіяхъ, говоритъ Мармонтель (въ Энциклопедіи подъ словомъ Элегія) любовь, какъ дитя, отъ незначущей ничего причины приходитъ въ сердце и успокоивается, плачетъ и смѣется въ одно время. Но какъ и другаго рода горести и удовольствія бывающъ содержаніемъ Элегіи; то нѣкоторыя пѣшны раздѣляютъ ихъ на Эротическія и Треническія, разумѣя подъ первыми тѣ, кои занимающъ любовными происшествіями, а подъ другими, въ коихъ бывающъ оплакиваемы прочія несчастія. Впрочемъ сіе раздѣленіе, кромѣ показаннаго различенія элегіи, никакихъ не имѣетъ послѣдствій.

сего печаль и радость тогда токмо бывающъ предметомъ Элегіи, когда уже пройдетъ первый ихъ, такъ сказать, пылъ³, то есть когда онъ сдѣлающся пише и спокойнѣе, или когда онъ совсѣмъ какъ бы погаснущъ, а только при ихъ воспоминаніи рождающся въ душѣ однѣ болѣе улаждающія, нежели волнующія ее ощущенія. Посему приведемъ другаго въ подобное состояніе, то есть изображая печаль заспавитъ его предаться приятной нѣкоторой задумчивости, какая свойственна чувствительной душѣ; а изливая радость упоитъ его нѣжностію, есть

О сходствѣ въ элегіи съ нѣкоторыми одами и идилліями.

цѣль и главное достоинство Элегіи. Ипакъ, скажущъ мнѣ, нѣкоторыя оды не будутъ имѣть различія отъ Элегіи. Баттію говоритъ о семъ еще болѣе, и впрочемъ основательно, то есть, что не только нѣкоторыя оды, но даже нѣкоторыя идилліи, какъ Віонову на смерть Адониса, Виргиліеву на смерть Дафниса (Eclog. V.) можно называть элегіями, а Мармонтель какъ бы дополняя говоритъ, что нынѣ выдающъ Элегіи подъ именами другихъ стихотвореній, и приводитъ въ примѣръ Дезуліеровы идилліи подъ названіемъ: овечки, и цвѣты.

§. 184.

О слогѣ элегіи.

Изъ всего доселѣ сказаннаго явствуютъ и качества слога Элегіи. Отъзываютъ

ціяся или нѣкоторымъ возвышеніемъ духа, или сильною страстію, или игривою живостію воображенія мысли, описанія, и проч. совсѣмъ несвойственны оной *). Но хотя въ ней должно говорить единственно сердце стихотворца **), хотя воображеніе должно украшать ее своими прелестями, и даже разумъ управлять ея ходомъ; но все сіе имѣетъ, какъ сказано выше, свой предѣлъ. Въ ней говоритъ

*) Мармонтель (въ Энциклопедіи подъ словомъ Элегія) раздѣливъ Элегію на страстную *passionnée*, нѣжную *tendre*, и приятную *gracieuse*, говоритъ, что въ первой стихотворецъ руководствуется чувствованіемъ, а въ послѣдней воображеніемъ такъ, что въ оной скромное воображеніе, украшая своимъ богатствомъ изліянія сердца, старается быть непримѣтно; а въ сей искреннее чувствованіе какъ бы даетъ душу красота, кои произвело воображеніе; но какъ чрезмѣрно блестящія украшенія сдѣлають послѣднюю хладною, такъ и сильная страсть зашьмитъ первую: ибо какъ страсть не терпитъ нѣжныхъ красотъ, такъ и сія боится страсти. По семъ шотъ же Мармонтель, показывая особенныя достоинства Латинскихъ Элегическихъ стихотворцевъ, говоритъ объ Овидіи, что его ироды были бы равны самымъ лучшимъ Проперціевымъ и Тибулловымъ Элегіямъ, естълибъ въ оныхъ чрезмѣрное богатство воображенія не охлаждало почти совсѣмъ чувствованія.

***) Il faut que le coeur seul parle dans l'Elegie.
Boileau l'art poétique.

сердце чувствительное, исполненное иногда томныхъ, но приятныхъ ему, иногда веселыхъ, но не обременяющихъ его ощущений: въ ней воображеніе разсыпаетъ столько своихъ красотъ, что при всемъ томъ чувствованіе имѣетъ перевѣсъ, и бываетъ господствующимъ качествомъ; въ противномъ случаѣ Элегія потеряетъ безцѣнное свое свойство, искренность, и ошъ примѣшнаго въ ней прищворства не достигнетъ своей цѣли. Что касается до разсудка, то онъ такъ же, или еще и скрытнѣе, дѣйствуетъ въ семъ случаѣ, нежели, какъ выше сказано, въ прочихъ лирическихъ стихотвореніяхъ. Слѣдовательно и ходъ ея долженъ быть такъ же прерывистъ и по видимому несвязенъ. А въ разсужденіи выраженій, словотеченія и украшеній болѣе всего приличны ей легкость, простота и простирающаяся до нѣкоторой степени небрежность, но есть каковая только можетъ быть свойственна слову человѣка, ничѣмъ не занимающагося столько, какъ тихими чувствованіями своего сердца. Римляне въ Элегіяхъ употребляли особливаго рода стихосложеніе, мѣшая шестистопный стихъ съ пятистопнымъ; а наши стихотворцы пишутъ ее одними шестистопными, и при томъ ямбическими стихами. Г. Сумароковъ ввелъ въ нашу словесность сіе

стихотвореніе, въ которомъ при немъ и послѣ его нѣкоторыя наши соопшичи упражнялись съ успѣхомъ. Но лучшими образцами онаго суть Элегіи Проперціевы, Тибулловы, нѣкоторыя *) Овидіевы, и ироиды сего же писателя.

§. 185.

Упомянувъ объ Овидіевыхъ ироидахъ, Объ ироидахъ я почитаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя замѣчанія о семъ родѣ стихотворенія. Всѣмъ, упражняющимся въ словесности, извѣстно, что изъ древнихъ одинъ Овидій оставилъ намъ 21 ироиду, хотя еще не рѣшено, былъ ли онъ ихъ изобрѣтателемъ, или и прежде его были писа-

*) Я выше показалъ уже причину, по чему всѣхъ Овидіевыхъ элегій не признають за лучшія; а здѣсь покажу весьма полезное для стихотворцевъ замѣчаніе Мармонтеля объ ироидахъ и элегіяхъ сего Римскаго стихотворца, составляющихъ пять пѣсней, такъ названныхъ отъ него печалей (tristia). Чувствованіе, говоритъ Мармонтель, есть самая слабая сторона Овидіевыхъ элегій, между шѣмъ какъ оно составляетъ господствующее качество ироидъ; а сіе отъ того, что пылкость его стихотворческаго дара заключалася болѣе всего въ его воображеніи такъ, что онъ могъ гораздо живѣе представить себѣ и сильнѣе изобразить несчастія другихъ, нежели чувствовать свои собственныя (безъ сомнѣнія отъ недоспашка чувствительности).

ны онѣ, но только не дошли до насъ. Известно такъ же, что нѣкоторыя жены, будучи оставлены ироями, ихъ любовниками, въ сихъ ироидахъ изливають чувствованія несчастной, безнадежной прѣзрѣнной своей любви и вмѣстѣ скуки, причиняемой разлукою съ любимымъ предметомъ. Таковыя чувствованія должны быть весьма живы и сильны; но Овидій предположивъ, что продолженіе времени смягчило уже оныя въ сердцахъ его ироинь, даетъ имъ одни пихія и нѣжныя чувствованія. На семъ основаніи Эшенбургъ, причисляя ироиды къ стихотворческимъ поемамъ, (называя ихъ при томъ поемами драматическими), и къ элегіямъ, говоритъ, что онѣ должны имѣть качество и тѣхъ и другихъ. По его мнѣнію содержаніемъ ироидъ могутъ быть чувствованія, внушаемая и другою какою либо кромѣ любви страстію; но сіе значитъ произвести совсѣмъ новый, неизвѣстный ихъ изобрѣшателью родъ стихотворенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ПОУЧИТЕЛЬНЫХЪ.

§ 186.

Стихотворенія поучительныя (la poë- Разныя
sie didactique) занимающа дѣйствительную, мнѣнія
а не подражательную, какъ прочія спи- о поучи-
хотворенія, истинною, то есть почерпая тельныхъ
свое содержаніе и изобиліе не изъ вымыш- стихотво-
ленной, составляющей область стихо- реніяхъ.
творцевъ, но изъ истинной принадле-
жащей вѣщамъ природы, столь близки къ
прозѣ, что многіе сомнѣвались почитать
ихъ твореніями стихотворческими. Однако
почти всѣ лучшіе писатели правилъ сего
искусства, почитая ихъ стихотвореніями,
показываютъ и правила ихъ. А Расинъ
и Эшенбургъ признаютъ ихъ за дѣйстви-
тельные стихотворенія. Первый утвер-
ждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ оныхъ для
украшенія истинны употребляется много
стихотворческаго искусства (смотри въ эн-
цикл. слово didactique), а второй, что онъ
туже, какую и прочія, имѣютъ цѣль, то
есть пѣнная красота служитъ настав-
леніемъ; различіе же только въ томъ, что
въ другихъ преимущественно видно спа-

раніе о томъ, чтобы пльннить, а въ семъ, чтобы научить. Впрочемъ слѣдующія замѣчанія о произхожденіи и качествахъ сихъ стихотвореній могутъ достойнѣе рѣшить вопросъ.

§. 187.

О произхожденіи и поучительныхъ стихотвореній. Онѣ родились, кажется, въ тѣ времена, когда стихотворство почипало все принадлежащимъ ему, то есть когда исторія, философія, нравоученіе, даже законовѣденіе служили содержаніемъ и источниками его. Но когда прозѣ и стихамъ уже назначены были точныя предѣлы; то весьма вѣроятно, что первый изъ поучительныхъ сего времени стихотворцевъ имѣлъ шоль отличный даръ стихотворства, что когда онъ хотѣлъ сообщить другимъ какія либо полезныя знанія, коими самъ былъ обогащенъ; то какъ бы пропивъ воли своей предавался живости онаго, и какъ бы одушевлялъ предлагаемыя имъ истинныя тѣми красотами, какія представляло ему при томъ его живое воображеніе; тѣми чувствованіями, какія тогда родилися въ его сердца; тѣмъ великолѣпнѣемъ слова, къ коему влекла его врожденная склонность. Примѣры лучшихъ поучительныхъ стихотворцевъ, блистающихъ вездѣ въ сихъ твореніяхъ

стихотворческими дарованіями служащѣ
лучшимъ того доказательствомъ *).

§. 188.

Сіи о прозхожденіи поучительнаго стихотворства замѣчанія ведутъ насъ къ познанию и главныхъ качествъ онаго, зависящихъ частію отъ изобрѣтенія, частію отъ разположенія, частію отъ рода слова.

Я уже сказалъ, что содержаніемъ его являются истинныя занимающія разумъ. Слѣдовательно чтобы стихотворецъ съ сей стороны могъ удовлетворить читателя, сіе зависитъ отъ того, сколько онъ свѣдущъ о тѣхъ вещахъ, о коихъ предпринимаетъ писать, и сколько искусенъ въ

Главные правила поучительныхъ стихотвореній:

о содержаніи оныхъ.

*) Я могъ бы, (говоритъ Поле въ предисловіи къ поучительному своему стихотворенію, извѣстному подъ именемъ Опыта о человѣкѣ, написалъ его прозою; но предпочелъ стихи, и стихи съ римами, по двумъ причинамъ: первая, кажется, должна быть очевидна, то есть поелику начала, правила и наставленія, въ такомъ видѣ предложенныя, сильнѣе поражаютъ читателя при первомъ взглядѣ, и онъ пверже удерживаетъ ихъ въ своей памяти. Другая покажется странною, но она справедлива. Я примѣтилъ, что мнѣ удавалось изображать ихъ короче въ стихахъ, нежели въ прозѣ; а всякой въ томъ увѣренъ, что сила и красота доказательствъ и наставленій весьма много зависитъ отъ краткости выраженія.

способѣ предлагать другимъ наставленія. Между тѣмъ онѣ въ выборѣ своего предмета не долженъ забывать того, что онѣ стихотворецъ. Впрочемъ онѣ ничѣмъ не можетъ столь вѣрно руководствоваться въ семъ случаѣ, какъ собственнымъ творческимъ даромъ, замѣчая внимательно, сильно ли и скоро, или слабо и медленно разгорячаются его мысли, и приходивъ въ возгорѣ его духъ при представленіи избираемой для содержанія сочиненія истинны; чувствуетъ ли онѣ себя въ состояніи содержащаяся въ ней общія понятія представить въ видѣ чего либо чувственного, находивъ ли въ ней что нибудь его воображеніе, изъ чего оно можетъ сдѣлать поразительныя картины; ощущаетъ ли при томъ его сердце живое нѣкоторое раздраженіе. Причина сего весьма явственна: поелику писатель сего рода предлагая о томъ, что принадлежитъ собственно вишіи, обязанъ удовлетворить разумъ читателя; но предлагая способомъ собственнымъ стихотворцу, долженъ еще въ тоже время пѣвнѣе его воображеніе и привести въ движеніе сердце. Для сего онѣ, говоря о существахъ умственныхъ дѣлаетъ ихъ посредствомъ подобій, иносказаній, описаній, и проч. чувственными а говоря о вещахъ, дѣйствующихъ на

чувства, изображаетъ ихъ такъ, какъ будто бы онъ въ то самое время насъ поражали *).

§. 189.

Для сего онъ подобно рѣкѣ, текущей Обь источниками и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ никакъ различной входящей далеко въ берега, обтекаетъ всѣ, множенія сихъ стихъ сказавъ, окрестности своей матеріи, хоть и реній. и пользуется, если въ нихъ найдеть что нибудь истинное или баснословное, что будучи обработано стихопворческимъ искусствомъ, можетъ приятнымъ образомъ занять воображеніе читателя. По той же причинѣ онъ иногда, оставляя не всякому приятный голосъ наставника, предаётся нѣкоторой услаждающей душу задумчивости, или изливаетъ ощущенія своего сердца, къ коимъ служило поводомъ его размышленіе о предлагаемыхъ истиннахъ. Отступленія сего рода подобны, говоритъ Обь о отступленіяхъ, Баттіо, изваяннымъ или изсѣченнымъ лицеподобіямъ, кои будучи поставлены въ пристойныхъ мѣстахъ великолѣпныхъ чертоговъ, украшаютъ оныя, и когда онъ (отступленія) бывають рѣдки, что впрочемъ и должно быть, то читатель ожидаетъ

*) Vere novo, gelidus cum canis montibus humor
Liquitur, et Zephyro putris se gleba resolvit,
Depresso incipiam tum mihi taurus aratro
Jugemere, et sulco attritus splendescere vomer.

Virg Georg. lib. 1.

ихъ съ нѣкопорымъ, какъ говоритъ Мармоншель, нетерпѣніемъ; пошому что онѣ во время упомленія, кошорое онѣ чувствуютъ отъ безпрестанно предлагаемыхъ его разуму испшиннѣ, служатъ какъ бы отдохновеніемъ *). Однако всѣ употребленныя въ такомъ сочиненіи стихотворческія красоты должны быть поль близки къ содержащимся въ ней истиннамъ, что казалисьбы родившимися сами собою въ пылкомъ воображеніи писателя; и вводить ихъ надобно съ такою умѣренностію и благоразуміемъ, дабы предлагаемыя наставленія ничего не пошеряли отъ нихъ въ разсужденіи основательности и ясности **).

*) Таковы у Виргилія прекрасныя басни объ Аристеѣ и Орфеѣ. (О землед: пѣснь IV.)

***) Хотя изъ всѣхъ искусствъ, говоритъ Мармоншель, (въ Энциклопедіи подъ словомъ didactique), коихъ правила могутъ быть предложены стихотворческимъ слогомъ, болѣе способно къ тому искусство самаго стихотворенія; но Гораций ничего столько не имѣлъ въ виду въ своемъ наставленіи о стихотворствѣ, какъ здравый и основательный смыслъ; начертывая правила, онъ писалъ слогомъ законодателя, то есть просто, ясно и кратко, и гремѣвъ въ одахъ высокимъ краснорѣчіемъ, въ семъ поучительномъ стихотвореніи помышлялъ болѣе всего о томъ, чтобъ оно сіяло чистымъ свѣтомъ; служація началами истины, всегда новыя, составляютъ новое богатство сего шворенія; касательнo же краткости, никогда стихотворецъ не выражалъ поль многихъ мыслей поль немногими словами.

§. 190.

Что говорили мы доселѣ о изобрѣ-
 шеніи въ поучительныхъ стихотворені-
 яхъ, то же почти самое должно разумѣть
 и о разположеніи оныхъ, особливо, когда
 онѣ бывають пространны. Стихотворецъ
 объявѣ своею мыслию все, что ему надоб-
 но сказать о матеріи, раздѣляеъ все то
 мысленно или въ самомъ сочиненіи на осо-
 быя отдѣленія, помѣщая одно за другимъ въ
 порядкѣ, сообразномъ естественной ихъ
 между собою связи *). Но въ разположе-
 ніи и соединеніи подробностей, заключаю-
 щихся въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій,
 онѣ предается совершенно, кажется,
 руководству своего воображенія, и по
 видимому случайно переходить отъ одной
 мысли къ другой, будучи между нѣмъ пре-
 восходнѣйшимъ, но скрытымъ Логикомъ.

§. 191.

Родъ слога, приличный симъ стихо-
 твореніямъ, безъ сомнѣнія долженъ соот-
 вѣстовать роду слога при-

*) *Quid faciat laetas segetes, quo sidere tetam
 Vertere, Moecenus, ulmisque adjungere vites,
 Conveniat: quae cura boum, qui cultus habendo
 Sit pecori; apibus quanta experientia parcis,
 Hinc canere incipiam.*

Такъ начинаеъ Виргилій свое поучитель-
 ное стихотвореніе о земледѣліи.

*

личномъ
поучительнымъ
стихотворені-
ямъ.

вѣтшвовашь роду мыслей и главной цѣли сочиненія. Впрочемъ къ качествамъ поучительнаго въ прозѣ слова прибавьте, чѣмъ стихотворство, почти не выходя изъ предѣловъ онаго, можешъ сдѣлать его красивѣе и приятнѣе; вотъ понятіе, какое должно имѣть о слогѣ поучительныхъ стихотвореній, такъ, что онъ почти никогда не можешъ быть выше средственнаго, а шѣмъ менѣе той степени, какой бываетъ въ эпическихъ поемахъ, ироическихъ одахъ или трагедіяхъ. Я заключу словами Мармонтеля, который (въ Энциклопедіи подъ словомъ didactique), говоритъ о семъ слѣдующее: Буало, говоритъ онъ, не одною краскостію, точностію и рачительнымъ составомъ стиховъ заставилъ насъ читать съ удовольствіемъ правила уже давно извѣстныя. Онъ употребилъ все, что мѣлкія стихотворенія имѣютъ приятнаго и красиваго. Вотъ по моему мнѣнію, продолжаетъ Мармонтель, шѣмъ пушъ, которымъ должны итти всѣ нами поучительные стихотворцы; и чѣмъ предметъ ихъ будетъ менѣе важенъ и любопытенъ, шѣмъ болѣе нужны имъ красоты воображенія и споронія убранства.

§. 192.

О разныхъ родахъ Сказанное мною доселѣ о поучительныхъ стихотвореніяхъ заключаешъ въ

себѣ общія ихъ качества; но онѣ по причинѣ различнаго ихъ содержанія бывають разныхъ родовъ. Однѣ изъ нихъ называющяся историческими, (рѣдко циклическими), другія философскими, а третьи собственно поучительными или наставительными (didactiques). Первые повѣствуютъ о явленіяхъ и происшествіяхъ, случившихся въ человѣческомъ обществѣ или въ природѣ; вторыя избравъ себѣ предметомъ какую либо истинну изъ числа тѣхъ, кои бывають изобрѣтаемы разумомъ, входятъ въ основаніе и подробности оной, извѣсняютъ причины вещей, выводятъ изъ того умозаключенія, и проч. а послѣднія предлагають правила и наставленія какой либо науки, художества, или ремесла. Какъ сіи три рода познаній имѣють весьма тѣсную одна съ другою связь, наприкладъ познаніе причинъ, то есть философское, обыкновенно бываетъ предшествуемо познаніемъ настоящаго состоянія вещей, то есть историческимъ, а сіе послѣднее нерѣдко бываетъ недостаточно безъ присокупленія къ нему онаго, правила же наукъ, художествъ и рукодѣлій суть не что иное, какъ умозаключенія, извлеченныя даровитыми умами на основаніи вкуса изъ познаній историческаго и философскаго: по сей причинѣ не возможно, чтобы сіи три рода поучительныхъ стихотвор-

учительныхъ стихотвореній.

реній не заимствовали одинъ отъ другаго взаимной помощи, шо есть или силы для убѣжденія, или разнообразія для развлеченія разума, или красотъ для восхищенія воображенія. Впрочемъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенно ему свойственное.

§. 193.

О поучительныхъ историческихъ стихотвореніяхъ.

Историческій поучительный стихотворецъ, принявъ на себя предложитъ доспа-
почное повѣствованіе о какомъ нибудь
знаменишомъ бытіи, заключающемъ въ
себѣ многія, разнообразныя, имѣющія од-
но съ другимъ связь происшествія, бы-
ваетъ съ одной стороны историкомъ,
а съ другой стихотворцемъ. Историкомъ,
поелику онъ въ своемъ повѣствованіи пред-
лагаетъ происшествія въ томъ видѣ, какъ
онъ случились, не измѣняя ихъ вымы-
словъ, и въ томъ порядкѣ, какъ онъ одно
за другимъ слѣдовали, не взирая въ семъ
случаѣ на правила вкуса, коими онъ въ
сочиненіяхъ совершенно стихотворческихъ
руководствуется, даже въ изслѣдованіи
причинъ онъ показываетъ изъ нихъ большую
частью истинныя и естественныя: но
въ тоже время онъ бываетъ и стихотво-
рецъ: у него есть главное и частныя
дѣйствія; есть главное и второстепен-
ныя дѣйствующія лица, изъ коихъ каждое
имѣетъ свои качества, свои спраспи,

изображаемая стихотворцемъ сообразно или познаніямъ исторіи, или общему о нихъ мнѣнію: однимъ словомъ его стихотвореніе съ сей стороны имѣетъ нѣчто общее съ эпическою поемою. Сверхъ сего онъ въ самомъ началѣ своего стихотворенія призвавъ въ помощь себѣ какое нибудь божество, предполагаетъ, что говоритъ уже не онъ, а сіе божество, которому все достоверно извѣстно, и которое представляетъ себѣ все весьма ясно: поелику онъ въ изображеніи всякой вещи бываетъ болѣе живописцемъ, нежели повѣствователемъ, то есть такъ живо и такъ чувственно предлагаетъ обо всемъ, что болѣе хочетъ, кажется, намъ показать, нежели описать предметъ; иногда же, впрочемъ рѣдко, въ изъясненіи причинъ повѣствуемыхъ имъ происшествій вводитъ участниками вышшія существа. Образцами сего стихотворенія считающіяся Луканова Фарсальская битва, Сильвія Ишалика Пуническая война, а отъ нѣкоторыхъ и Вольтерова Генріада.

§. 194.

Въ стихотвореніяхъ философскихъ, въ коихъ бываетъ предлагаемо о какой либо нравственной, метафизической, или физической истинѣ, соединяется почтенность и строгость философскаго слога

О поучительныхъ философскихъ стихотвореніяхъ.

сѣ красотами стихотворческаго, какія шокмо могутъ быть совмѣстны сѣ онымъ, такъ, что качества перваго преимущественно бывають видны. Къ замѣчаніямъ, показаннымъ мною выше о избраніи содержанія вообще для поучительныхъ сочиненій, и особенно о содержаніи философскихъ, я присовокупляю здѣсь еще одно, то есть поелику сего рода стихотворенія болѣе всѣхъ другихъ поучительныхъ должны занимать разумъ новыми питающими его познаніями, то всевозможная внятность составляетъ главное оныхъ достоинство, и служитъ основаніемъ всѣхъ особенныхъ въ семъ случаѣ правилъ. Въ семъ намѣреніи сочинитель давъ ему разположеніе, которое гораздо явственнѣе, нежели въ прочихъ поучительныхъ и другаго рода стихотвореніяхъ, строго наблюдаетъ оное; а входя въ основанія и подробности предлагаемыхъ имъ истинъ, сколько возможно удаляется того, что свойственно самой высокой философіи, то есть что весьма отвлеченно. Что касается до искусства стихотворства, то оно должно здѣсь нѣкоторымъ образомъ забыть главную свою цѣль, то есть обольщать воображеніе, но всего болѣе способствовать ясности и облегчать разумъ, дѣлая понятія отвлеченныя посредствомъ весьма

живыхъ свойственныхъ ему выражений, проповѣ, фигурѣ, сколько возможно, чувственными; естли же оно употребляетъ введенія (episodes), по сѣ такою умѣренностію, (разумѣя сѣ какъ о числѣ, пакъ и пространствѣ ихъ), чшобѣ онѣ, служа разуму нѣкоторымъ, какъ уже сказано, отдохновеніемъ, не дѣлали припомѣ большаго ему затрудненія въ соединеніи между собою въ мысляхъ тѣхъ истиннѣ, кои оными были прерваны. Лукреціево стихотвореніе о естествѣ вещей и опытѣ чловѣкѣ Попе (дважды переведенный на нашъ языкъ), могутъ быть лучшими образцами стихотвореній сего рода.

§. 195.

Что касается до стихотвореній собственно поучительныхъ, то тѣмъ понѣе должно бытъ въ нихъ стихотворческое искусство, чѣмъ менѣе свойственно писать симъ слогомъ о такихъ вещахъ, какія бывають ихъ содержаніемъ. Ибо кто не признаетъ, что правила, которыя предлагаются для исполненія, и кои по сему пребуютъ объясненія иногда мѣлкихъ подробностей, гораздо удобнѣе и естественнѣе могутъ бытъ изложены прозаическимъ, нежели стихотворческимъ словомъ; и что мысль и надежда удачно изобразишь ихъ посредствомъ послѣдняго могла

О стихотвореніяхъ собственно поучительныхъ.

родиться только въ такомъ стихотворцѣ, который весьма былъ увѣренъ въ той опытности и въ томъ досужествѣ, съ какими онъ долженъ употребить въ семъ случаѣ свой даръ стихотворства, не опьяняя чрезъ то ничего существенно свойственного такому наставленіямъ. Впрочемъ все, что на сей конецъ замѣшались слѣдуешь, можно заключить въ трехъ главныхъ правилахъ, то есть, что такое стихотвореніе должно быть: 1-е просто или естественное, 2-е ясно, и 3-е кратко. Естественность пребуешь, дабы здравый смыслъ, основанія правилъ и взаимное оныхъ одного отъ другаго произхожденіе болѣе всего замѣтно было читателю, такъ, чтобы употребленное къ украшенію сочиненія стихотворческое искусство казалось такимъ даровитого ума произведеніемъ, которое не только родилось безъ всякаго намѣренія сочинителя, но коему онъ, будучи увлеченъ пылкимъ своимъ воображеніемъ, противиться не могъ 1).

Употребляются правда въ семъ стихо-

*) Изъ сего видно, всякой ли стихотворецъ способенъ къ сему сочиненію, и какое потребно усиліе, чтобы произвести оное удачно при посредственномъ стихотворческомъ дарованіи. Буало употребилъ нѣсколько лѣтъ на сочиненіе своей науки о стихотворствѣ.

твореніи нѣкоторыхъ описанія; бывають даже иногда введенія (episodes), но всегда съ такою осторожностію и умѣренностію, какъ сказано о семъ выше. Ясность, для соблюденія коей нужно все то, что сказано мною въ опытѣ Риторики о семъ качествѣ поучительныхъ въ прозѣ сочиненій, налагаетъ на стихотворца обязанность употребить все свое искусство на то, чтобы предлагаемыя имъ вещи и понятія вѣрно и легко начершывались въ воображеніи читателя. Наконецъ краткость, которую можно почесть отличительнымъ качествомъ сихъ стихотвореній, исключаетъ всякое плодовитое, но бесполезное разпространеніе мысли, и требуетъ, чтобы самое существо правила заключалось сколько возможно въ немногихъ выраженіяхъ *). Поелику въ такомъ словѣ подъ немногими рѣченіями содержится много, и припомъ самыхъ существенныхъ мыслей; слѣдственно сія краткость соединяя съ собою и свойство сильнаго слога, способствуетъ къ тому, чтобы изображенныя, такимъ образомъ вещи глубоко впечатлѣвались въ нашемъ

*) На примѣръ: qu'en un lieu, en un jour, un
seul fait accompli,
Tienne jusqu' à la fin le theatre rempli.

Boileau.

умѣ и долго оставались въ нашей памяти *). Виргиліево стихотвореніе о земледѣліи можетъ быть лучшимъ примѣромъ, Горациева наука о стихотворствѣ и образцѣмъ и изъясненіемъ сихъ правилъ.

§. 196.

О стихотворческихъ письмахъ.

Къ поучительнымъ стихотвореніямъ справедливо можно съ Ешенбургомъ отнести еще стихотворческое, то есть стихотворческимъ слогомъ написанное, письмо, гдѣ болѣе, что оно въ разсужденіи содержанія, разположенія и степени слова и украшеній почши во всемъ руководствуется правилами писемъ прозаическихъ **). Все, чѣмъ оно различается отъ сихъ, состоитъ въ томъ, что въ немъ сочинитель, какъ стихотворецъ, болѣе предается пылкому своему воображенію и живымъ чувствованіямъ своего сердца, нежели прозаикъ. По сей причинѣ стихотворческое письмо начинается и оканчивается безъ искусственнаго приготовленія; въ размѣщеніи прочихъ своихъ частей

*) Ut cito dicta
Percipiant animi dociles, teneantque fideles.
Horat.

***) Смотри въ опытѣ Риторики §. §. 122. — 134. и 186.

послѣдуетъ болѣ ходу воображенія или сердца сочинителя, нежели правилъ; а въ изображеніи мыслей хотя употребленіе такіа выраженія и украшенія, котораго шоль живо представляющіе вещи, что въ прозаическихъ письмахъ были бы чрезмѣрны, но съ сей стороны наблюдается, чтобы слоги сего письма при всей живости своей походилъ на рѣчь, какую мы употребляемъ въ личномъ между собою обращеніи, то есть, чтобы былъ воленъ и естественъ, какъ что нигдѣ не показывалъ бы напряженія и усилія способностей сочинителя. Образцемъ стихотворческаго писма можетъ быть письмо Г. Лом. о пользѣ стекла, и Кострова къ шворцу оды, сочиненной въ похвалу Фелицы.

§. 197.

Къ поучительнымъ стихотвореніямъ О сатиры. еще и при томъ съ большимъ основаніемъ можно причислить сатиру, которая, какъ ниже объяснишь, въ разсужденіи мыслей болѣе допускаетъ вымысла, а въ ихъ разположеніи и выраженіяхъ имѣетъ болѣе стихотворческаго жара и возпора, нежели всѣ прочія онаго рода сочиненія въ стихахъ. Ниодинъ родъ стихотворенія, кромѣ сатиры, не отошелъ шоль далеко отъ того состоянія, въ какомъ онъ былъ

О ея происхожденіи.

въ своемъ началѣ, и не имѣлъ сполько съ собою перемѣнъ, пока получилъ свойственный ему нынѣ видъ. Сапира родилась у Грековъ въ самомъ первоначалѣ, которое очень древне, была же она нѣкоторый родъ весьма несовершенной драмы, изобрѣшенной для простаго народа, которая представлялась во время его собраний. Изображеніе, какъ говорятъ, въ лицахъ сельскихъ игръ грубыхъ, свойственныхъ черни шутокъ, соединенныхъ съ таковыми же шлодвиженіями, или лучше сказать кривляніями, произношеніе съ пляскою стиховъ, составленныхъ вдругъ на такіе предметы стихотворцами, принадлежащими къ кругу самаго народа и подобныя сему вещи составляли сей родъ представленія (*d'un spectacle*), служившаго тогда единственною забавою народа. По сей причинѣ оно по обыкновенію древнихъ было посвящено Бахусу, какъ божеству веселія; а по поводу сего въ ономъ имѣли и роли всегда смѣшныя прислужники Бахуса, по естъ Фавны или Сапиры, коихъ по причинѣ сего Гораций называетъ смѣхотворами (*Satiri risores*). Аристотель говоритъ, что коль ни несовершенна была сего рода драма, но она произвела трагедію, которая сначала долгое время была стихотвореніемъ забавнымъ.

§. 198.

Когда же сапира получила важный видъ, по оставшись всегда родомъ драмы и имѣя всегда забавное содержаніе, сдѣлалась уже театральнымъ представленіемъ, которое играно было сперва между дѣйствіями трагедіи, дабы нѣсколько разсѣявъ важныя мысли, кои зрителямъ внушала она, а потомъ служила и особеннымъ зрѣлищемъ. Въ семъ періодѣ содержаніе сапиры измѣнилось, и сдѣлалось похотимъ на то, которое она нынѣ имѣетъ. Славнѣйшій изъ древнихъ Греческихъ комиковъ Аристофанъ сдѣлалъ ее комедіею, осмѣивающею пороки, злоупотребленія и глупости народоправителей. Сіе было во время народодержавія въ Аѳинахъ, но когда правленіе гражданскихъ дѣлъ перешло въ руки Вельможъ, по снискотворцы, не смѣя подражать Аристофану въ сатиры, которая все еще оставалась комедіею, осмѣивали пороки и глупости частныхъ людей, но не называя ихъ истинными ихъ именами. Такимъ образомъ сіе стихотвореніе въ Греціи все было драматическимъ, и въ семъ видѣ оно перешло въ Римъ, и даже нѣсколько времени такимъ оставалось въ немъ, пока наконецъ Луцілій и послѣдователи его Горацій, Персей и Ювеналъ сдѣлали ее стихотвореніемъ эпическимъ, по ещѣ

О перемѣнахъ бывшихъ съ сатирою въ Греціи.

О состояніи сатиры у Римлянъ.

предлагаемымъ отъ самаго стихотворца, а не отъ другихъ лицъ, удержавъ для нея тоже содержаніе, какое она имѣла въ послѣднія свои времена въ Греціи.

§. 199.

О нынѣшней саширѣ.

Что касается до того состоянія, въ какомъ она находится нынѣ, то она весьма мало имѣетъ различія отъ упомянутыхъ мною Римскихъ послѣдняго времени, и сіе различіе единственно до содержанія относится; въ разсужденіи же прочихъ частей стихотворческаго искусства она совершенно сходна съ ними, то есть такого же качества разумноженіе, то же размѣщеніе и таже связь мыслей, того же рода выраженія и украшенія. Относительно же содержанія, я сказалъ уже, что личные пороки частныхъ людей составляли въ позднія времена Греціи и Рима ея предметъ. Въ семъ смыслѣ говоритъ Ювеналъ:

Quicquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.

Juvenal. Satir. 1.

То есть: что только занимаетъ людей, желанія, страхъ, гнѣвъ, роскошь, радость, бѣганья, есть смѣсь, наполняющая мое сочиненіе.

Хотя все сіе и нынѣ бываетъ такъ же предметомъ сатиры; но стихотворцы позднѣйшихъ временъ, побуждаясь благороднѣйшими и обширнѣйшими видами, то есть желаніемъ общественнаго блага, признають за правило осмѣивать въ сатиру пороки, заразившіе цѣлое общество, по крайней мѣрѣ большее число членовъ онаго, и управляясь избраннѣйшимъ вкусомъ, избирають содержаніемъ оной такія достойныя оужденія поступки, кои подъ хитро составленною мазкою невинныхъ нравовъ, такъ сказать, прокрадываются мимо правосудія законовъ, или защищаются по юмнимою благовидностию, что весьма многіе ихъ имѣють, и тѣмъ самимъ они одобряются; но между тѣмъ благо нравовъ или гражданскаго состоянія терпятъ отъ того весьма много вреда.

§ 200.

Просвѣщенный, опытный и добродѣ- О сатиру шельный стихотворецъ, ясно видя сіи важной. злоупотребленія, не можетъ смотрѣть на нихъ равнодушно; сердце его наполняется противу ихъ негодованіемъ, и рѣзкое онаго изображеніе составляетъ тотъ родъ сатиры, кошорый нѣкоторые пииты называютъ важною сатирою. На- О сатиру противъ сего когда онъ осмѣиваетъ въ забавной. ней такіе на подобіе язвы заразившіе об-

щество обичаи, которые въ глазахъ всякаго благомыслящаго челоѣка суть однѣ безрасудства, унижающія умъ, или вкусъ; то сей забавный, но ѣдкій его смѣхъ, состоящій въ живомъ изображеніи того, что въ оныхъ поступкахъ есть неѣпаго и противнаго общему смыслу, составляетъ такъ называемую забавную саширу.

§. 201.

Сличеніе
саширы
важною
забавною
между собою.

Главное различіе сихъ двухъ родовъ саширы состоишь въ томъ, что въ первомъ стихотворецъ явно пылаетъ отъ негодованія, а въ другомъ по видимому не здѣ поражаетъ благомысліемъ и осыпаетъ опличнымъ остроуміемъ. Впрочемъ сіи два рода саширы не столько удалены одинъ отъ другаго, чтобъ качества одного изъ нихъ не были иногда и въ другомъ. Но цѣль, искусство размноженія и опличительныя свойства слога, исключая нѣкоторое небольшое различіе, которое весьма удобно усмотрѣшь изъ слѣдующихъ разсужденій, имъ обоимъ общи. Начнемъ цѣлю.

§. 202.

Общая
цѣль саширы.

Если бы стихотворецъ, изображая яркими красками пороки и злоупотребленія, имѣлъ въ виду только удовлетворить своему строптивому нраву, или смѣяться надъ

глупостями другихъ, хотѣлъ повеселить себя и своихъ чашателей; но бы онъ безъ сомнѣнія совсѣмъ удалился отъ истинной цѣли сатиры, которая остроумнымъ осмѣяніемъ глупости, приведши въ стыдъ глупца, а живымъ изображеніемъ ненавистныхъ свойствъ порока въ разкаяніе порочнаго, производитъ въ нихъ такую счастливую перемѣну нравовъ, какой не всегда можетъ надѣяться самая строгая взыскательность правосудія: поелику человѣкъ привыкъ охотнѣе повиноваться чувствованіямъ своего сердца, нежели другаго рода нравственнымъ побужденіямъ, кои кажутся ему нѣкоторымъ насиліемъ. Равнымъ образомъ живыя изображенія заблужденій сердца ума и вкуса составляющъ главное общее обоимъ родамъ Сатиры искусство разумноженія и испоргающіяся иногда приличныя онымъ размышленія и краткія прѣвила нравственности суть ея какъ бы отступленія (episodes).

Общее искусство разумноженія:

§. 203.

Въ изображеніи нравовъ сатирикъ О истощеніи имѣетъ двѣ главныя обязанности: первая, никакъ чтобы вооружаться не противу порочнаго или глупца, но противу порока или глупости, то есть противу цѣлаго общества порочныхъ или глупцевъ; и по тому изобрѣтенія къ изображенію нравовъ.

онъ соединивъ ихъ всѣхъ какъ бы въ одно лице, и давъ ему по большой части вымышленное имя, приписываетъ ему одно то, что каждый порочный имѣетъ ненавистнаго, или каждый глупецъ смѣшнаго.

Знаки е Одно опытное знаніе свѣта есть источникъ сего изобрѣшенія. Другой долгъ саширика состоятъ въ искусствѣ такъ изобразить пороки или глупость, чтобы всякой зараженный ими не могъ читать сихъ описаній безъ внутренняго нѣкотораго пошрясенія, видя въ нихъ, какъ въ зеркалѣ **и сердца** самого себя. Само собою явствуетъ, что **человѣч** сего рода искусство саширика имѣетъ свое **скаго.** основаніе на глубокомъ познаніи самой сокровенной части челоѳческаго сердца *). Ибо хотя блужденіе воли и ума бываютъ по видимому различны, естли судить по дѣяніямъ каждаго челоѳка; но онъ у всѣхъ произтекаютъ изъ одного источника, то есть изъ общихъ всѣмъ людямъ, весьма часто рачительно укрываемыхъ, склонностей нашей души. Замѣ-

*) Буало, говоритъ Мармонтель (въ Енцикл. подъ словомъ Сашира), не видалъ свѣта, онъ зналъ только словесность и то, что есть смѣшное въ худыхъ писателяхъ; онъ того онъ съ удовольствіемъ описываетъ (въ саширахъ) Парижскія улицы, вмѣсто того, чтобы показать намъ внутренность нравственнаго челоѳка.

шимъ при семъ мимоходомъ, что съ сей стороны драма отъ сапиры различается только тѣмъ, что въ первой изображаемые нравы видимъ въ поступкахъ и рѣчахъ дѣйствующаго лица, а во второй слышимъ о нихъ отъ самаго стихотворца.

склонен в о
сапирѣ съ
драмою.

§. 204.

Слогъ приличный вообще сапирѣ и мѣшъ также два отличительныхъ качества, живость и колкость. Живость состоитъ въ томъ, что сапирѣ всегда изъясняется съ большимъ, или меньшимъ жаромъ, соразмѣрно своимъ чувствованіямъ, и какъ въ печеніи, такъ и въ выраженіи своихъ мыслей слѣдуетъ, кажется, не правиламъ, но движеніямъ своего сердца, отъ чего мысли у него по видимому не имѣютъ обдуманной связи, а рѣчь его весьма часто измѣняется изъ забавной въ важную, изъ острой въ сильную, изъ эпической въ разглагольшвенную или драматическую. Источникомъ сего качества сапирического слога есть возпоргъ, свойственный сочинителю какъ важной, такъ и забавной сапиры. Въ первомъ случаѣ онъ состоитъ въ сильномъ негодованіи, которыми душа стихотворца бываетъ исполнена къ пороку, а въ послѣднемъ составляетъ его живое чувствованіе презрѣнія

О слогѣ
сапирѣ.

О живости
сапириче-
скаго сло-
га.

къ глупости, возбужденнаго и питаемаго
 весьма яснымъ представлениемъ того, что
 она имѣетъ въ себѣ нелѣпаго. Другое са-
 ширическаго слога качество, по есть кол-
 жость, состоитъ въ томъ, что стихопво-
 рець и шущя надъ глупостию и вружа-
 яся прошиву порока всею силою негодо-
 ванія, впрочемъ не выходя изъ предѣловъ
 благопристойности, всегда язвиль свой
 предметъ, упоминая выраженія и укра-
 шенія болѣе шакія, копоры дѣлають мы-
 сли его рѣзкими.

§. 205.

Образцы
 сатиры
 важной,
 забавной.

Наконецъ нужно еще сказать нѣчто
 и о наружномъ видѣ сатиры, по есть, что
 она бываетъ иногда не что иное, какъ
 поучительное философское или историче-
 ское стихопвореніе, иногда письмо, ино-
 гда комедія, (напримѣръ, комедія: *Ябеда*).
 Образцемъ важной сатиры можетъ быть
 сокращенно переведенная г. Дмитриевымъ
 VIII. Ювеналова сатира (смотри сочинен-
 и перевод. шрепьяго изданія часть I. стран.
 59.); а забавной, сочиненіе егоже г. Дми-
 тріева подъ названіемъ: *Чужой шолкъ*.
 (Тамъ же стран. 53.)

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ

О

ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ.

§. 206.

Драма, которая впрочемъ значить дѣй- О сущно-
 ствіе, въ обширномъ смыслѣ есть не что сти дра-
 иное, какъ подражательное какого либо мы.
 дѣйствія изображеніе, коимъ стихотво-
 рецъ хочетъ дать намъ обстоятельное
 объ ономъ свѣденіе не посредствомъ по-
 вѣствованія всѣхъ его частей въ связномъ
 и естественномъ порядкѣ, но заставляя
 нѣсколько искусственныхъ лицъ произво-
 дить оное предъ нами въ томъ видѣ, какъ
 оно могло, или должно было случиться
 или и дѣйствительно случилось.

§. 207.

Сама, кажется, природа научила чело- О произхо-
 вѣка сему роду занятія, составивъ его жде н і и
 такъ, что все дѣйствующее на его взорѣ Драмы.
 гораздо сильнѣе впечатлѣвается въ душѣ,
 нежели поражающее слухъ его *). Иначе

*) *Segnius irritant animos demissa per aures,
 Quam quae sunt subjecta oculis fidelibus.*

То есть: слабѣе дѣйствуетъ на душу, что
 входитъ въ нее посредствомъ слуха, нежели

чему должно приписать то, что самыя невѣжественныя едва вышедшія изъ первобытнаго состоянія, общества людей не только имѣютъ соразмѣрныя почти ничтожному ихъ вкусу, то есть весьма грубыя зрѣлища, но даже страстно любятъ ими увеселяться? Если къ сему разсужденію присоединимъ еще тѣ историческія о началѣ сатиры свѣденія, кои показаны выше, то не останется сомнѣнія, что драматическія стихотворенія сущаго рода произведенія человѣческаго ума, которыя изобрѣнены въ самомъ началѣ общежитія.

§. 208.

О усовершенствованіи драмы.

Въ то время онѣ служили къ одной шокмо забавѣ; но когда общества сдѣлались устроеныя, умъ просвѣщенъ, свойства человѣческаго сердца извѣстны, а вкусъ чище и нѣжны; то лучшіе стихотворцы нашли средство оное преимущество драматическихъ стихотвореній, то есть великое ихъ дѣйствіе на нашу душу обратитъ къ нравственной пользѣ своихъ современниковъ, и обольщеніе чувствъ сдѣлали сильнымъ орудіемъ къ нечувств-

то, что бываетъ представлено върному глазу.

Гораційъ о наукѣ о стихотвор.

випельному внушенію благонравія. Чтобы сей родъ стихотвореній могъ удовле-
рять шоль важному предназначенію надобно было избъ многократныхъ сличеній
главнаго ихъ качества, шо есть приноси-
мага ими удовольствія съ качествами
сердца, шо есть раздражимостію онаго,
на основаніи здраваго смысла и правиль-
наго вкуса извлечь такія общія истинны,
которыя бы служили швердыми въ ша-
комъ случаѣ постановленіями. Онѣ будучи
дѣйствительно извлечены, и попомѣ раз-
новремененно исправлены и дополнены, со-
составляютъ шеперь правила драматиче-
скихъ стихотвореній, и будутъ по край-
ней мѣрѣ главныя избъ нихъ содержаніемъ
слѣдующихъ замѣчаній.

О произхо-
жде н і и
прав и л ѣ
драматиче-
скихъ
стихотво-
реній.

§. 209.

Сіи правила, относящіяся до всѣхъ
вообще драматическихъ стихотвореній,
можно раздѣлить подобно правиламъ всѣхъ
другихъ сочиненій на правила изобрѣше-
нія, разположенія и выраженія. Предметы
изобрѣшенія драматическаго стихотворца
суть шѣже, какіе и эпическаго, шо есть
содержаніе, подробности и дѣйствующія
лица. Содержаніемъ всякой драмы бываетъ,
какъ уже сказано, какое нибудь дѣйствіе;
а что у стихотворцевъ называется дѣй-
ствіемъ, уже объяснено мною выше. Оно

О прави-
лахъ дра-
матиче-
скихъ со-
чиненій.

О содержа-
ніи драмы.

въ драмѣ бываетъ или истинное, дѣйствительно гдѣ нибудь случившееся, или вымышленное.

§. 210.

О дѣйствіи истинномъ.

Первое сильнѣе поражаетъ зрителя, потому что другія занимаютъ наиболѣе воображеніе его, а сіе дѣйствуя не менѣе на воображеніе своимъ изыщесствомъ, въ то же время удовлетворяетъ его разуму; при томъ истинна всегда болѣе имѣетъ силы къ убѣжденію, нежели самый превосходный вымыслъ. Однако истинное дѣйствіе очень рѣдко бываетъ способно для драмы, отъ того, что принадлежащія къ оному обстоятельства или недостаточны для произведенія въ насъ надлежащаго соучастія, или слѣдуютъ одно за другимъ не въ такомъ порядкѣ, какого требуетъ драматическое дѣйствіе; нѣкоторыя же изъ нихъ будучи представлены на зрѣлищѣ, то есть нашему взору, показуются невѣроятными, потому что искусство не можетъ точно ихъ изобразить, или оскорбятъ нѣжностію вкуса *).

*) Но вещи въ свѣтѣ есть, что долженъ скрыть Парнассъ,
Для слуха объяснишь и удалишь отъ глазъ.

Бцало дѣ нацкѣ о стихот. пѣснь 3.

§. 211.

Посему стихотворецъ для приспособленія онаго къ театру, оставивъ одну только, такъ сказать основу всего шого, что повѣствуешъ исторія или что разгласила молва, и сохранивъ истинныя имена дѣйствующихъ лицъ, по большой части измѣняетъ многія составляющія оное обстоятельство, многія размѣщаетъ сообразно не теченію времени, но своей цѣли, иныя прибавляетъ, иныя опускаетъ. Сіе, по естѣ такому образѣ переиначенное истинное дѣлается смѣщеннымъ дѣйствіемъ. Нерѣдко такъ же стихотворецъ изобрѣтаетъ всѣ составляющія драматическое дѣйствіе обстоятельства, и слѣдственно самое дѣйствіе, составляя по большой части самъ, иногда же заимствуя изъ исторіи или преданій дѣйствующихъ лицъ. Такое дѣйствіе естѣ вымышленное.

О дѣйствіи смѣщенномъ.

О дѣйствіи вымышленномъ.

§. 212.

Между тѣмъ, какого бы рода ни было оно, вошъ главныя его качества : 1) въро- яшность, 2) поучительность, 3) сообразность съ истиннымъ вкусомъ, и 4) единство какъ его самаго, такъ и времени, въ продолженіе котораго оно должно совершиться, и мѣста, гдѣ происходитъ. Въроаяшность драматическаго дѣйствія, особливо вымышленнаго, которое естѣ

О досто- инства хъ драматическаго дѣйствія.

О въроаяшности дра-

м а ш и ч е-
скаго дѣй-
ствія.

не что иное, какъ искусственное подража-
ніе случаемъ въ общежитіи произше-
ствіямъ, состоятъ въ такомъ онаго съ-
сими сходствѣ, которое заставляеъ зри-
теля по крайней мѣрѣ на время предста-
вленія почитать вымыслъ за истинну: по-
тому что хотя ему не случилось видѣть
всего дѣйствія, но нерѣдко съ нимъ
встрѣчались примѣры каждой въ особен-
ности онаго части. Вѣроятность вымы-
шленного дѣйствія еще болѣе бываетъ,
когда самое теченіе одного за другимъ
составляющихъ оное обстоятельство
такъ составлено спихопворцемъ, что по-
слѣдующее всегда кажется слѣдствіемъ
предвѣдущаго естли не необходимымъ,
по крайней мѣрѣ возможнымъ и въ общежи-
тіи имѣющимъ образцы *). Не мало такъ
же придаетъ вѣроятности драматиче-
скому дѣйствію самая игра лицедѣевъ
(актеровъ), и другія употребляемыя на
сей конецъ искусственныя средства, на
примѣръ ихъ одежда, убранства зрѣлища
(декораціи), представляющія мѣсто, гдѣ
предполагается происходившимъ дѣйствіе,
или изображающія какое нибудь явле-

*) Пространіе о семъ можно видѣть въ пе-
реведенныхъ на Россійскій языкъ началь-
ныхъ правилахъ словесности Башшіо, томъ
3. стран. 10. 25.

ніе природы, вводимое стихотворцемъ въ драму, такъ что лицедѣи и художникъ суть его совмѣстники въ успѣхѣ оной. Ибо хотя мысли, чувствованія, расположеніе, слоги, и вообще все, что она ни имѣетъ превосходнаго, есть произведеніе стихотворца; хотя онъ предназначаетъ приличные дѣйствію декораціи: но все оспанетъ мертвымъ, даже иногда будетъ смѣшнымъ, еслии лицедѣи своимъ дѣйствованіемъ всего того не оживотворитъ, еслии художникъ своимъ искусствомъ не заставитъ зрителя почитать подражаніе природѣ за самую природу *).

§. 213.

Вѣроятность, драматическаго дѣй- О поучи-
ствія есть такое онаго достоинство, ко- ш е л ь н о -
торое свойственно ему какъ подражанію, сти драма-
оно заставитъ зрителя удивляться иску- дѣйствія.
ству стихотворца, даже восхищаться
иногда онымъ. Но главная и существенная
цѣль драмы есть нравственная польза, ко-
торую должны получить отъ ней зрители;
и сіе важнѣйшее совершенство драма-
тическаго сочиненія требуетъ, чтобы
служащее содержаніемъ онаго дѣйствіе

*) Пространнѣе о семъ можно читать такъ же у Башшіо, тамъ же стран. 47 — 65. —

было поучительно. Извяснивъ двояко про-
 пространно сей предметъ выше, гдѣ го-
 ворено о качествахъ и нравахъ дѣйстви-
 ющихъ въ Эпической поэмѣ лицъ, я сдѣ-
 лаю здѣсь только два крашкія на сіе за-
 мѣчанія. Во первыхъ, что поучительность
 драматическаго дѣйствія, о которой
 идешь рѣчь, заключается не въ томъ
 краткомъ наставленіи, которымъ драмы
 по большой части оканчиваются, но въ
 томъ, что почти въ каждомъ составля-
 ющемъ дѣйствіе обстоятельстве, почти
 въ каждомъ поступкѣ, въ каждой рѣчи
 дѣйствующаго лица мы видимъ самихъ
 себя, то есть, чѣмъ обыкновенно быва-
 ютъ заняты нашъ умъ, наше сердце, нашъ
 вкусъ; видимъ свои добродѣтели, пороки,
 глупости, предразсудки, пристрастія,
 дѣйствія страстей, и проч. Во вторыхъ,
 что польза, которую драмы посредствомъ
 сего намъ приносятъ, столь важна, что
 Эпопея не могла обойтись безъ того,
 чтобы сего качества оныхъ, такъ ска-
 зать, не заняты для себя, и не сдѣлали
 его основаніемъ правилъ, коими Эпическій
 шворецъ долженъ руководствоваться въ
 разсужденіи дѣйствующихъ своихъ лицъ.

§. 214.

О сообра- Но чтобы драма была еще болѣе по-
 ности дра- учительна, стихотворецъ долженъ бытъ

превосходнымъ живописцемъ изображаемыхъ имъ дѣяній, мыслей, чувствованій, предпріяшій человеческихъ. Все, что выходитъ изъ подъ его кисти, должно быть совершенно, и сильно поражать воображеніе другаго. Добродѣтель представленная имъ въ самомъ пѣвнительномъ видѣ, какъ бы прошивъ воли должна заставить зрителя любить ее: невинность угнѣтенная, беззащитная слабость, уступающая несправедливой силѣ, спраши торжествующія надъ разумомъ, должны разстрогать его душу, извлечь у него нѣсколько слезъ, и побудить его невольно помыслишь о самомъ себѣ. Порокъ, изображенный съ самой отвратительной стороны, долженъ наполнять его самымъ живымъ негодованіемъ; а глупость, представленная съ самой смѣшной стороны, презрѣніемъ къ ней. Для сего-то сочинителю драмы нуженъ правильный и нѣжный вкусъ, то есть при истинномъ понятіи о нравственномъ изяществѣ, при отличной способности души возпламеняться онымъ, пылкой и быстрый умъ, не только чувствующій, что въ каждомъ дѣяніи есть изящнаго, но при томъ весьма явственно отличающій мнимое или посредственной степени изящное отъ истиннаго и превосходнаго, разумѣя изящное нравственное.

м а ш и-
ческаго
дѣйствія
съ исти-
нымъ вку-
сомъ.

§. 215.

О непра- Есть нѣкошорые, особливо новѣйшихъ
 вильно мѣ временѣ, сочинители драмъ, кои для при-
 вкусѣ нѣ- обрѣшенія своимъ твореніямъ блистатель-
 кошорыхъ нѣйшаго успѣха, а себѣ большей благо-
 драмаши- склонности, ославляя правильный вкусъ,
 ческихъ слѣдуютъ иногда вкусу своихъ соотече-
 спихо- ственниковъ и своего времени. Они рассу-
 творцевъ. ждаютъ, что естли будутъ руковод-
 ствоваться вездѣ первыми; но зритель
 весьма темно видя въ драматическомъ
 сочиненіи самаго себя, останеся хлад-
 нымъ, а иногда и непреклоннымъ, отъ
 того, что вкусъ его отечества или вѣка
 совершенно противенъ бываетъ правиль-
 ному; что для сего надобно представлять
 ему вездѣ то, что ему нравится, что
 онъ одобряетъ; и что такое искусство
 болѣе пронетъ его, болѣе родитъ въ немъ
 соучастія, болѣе подѣйствуетъ на его умъ
 и сердце. Но всѣ драматическія творенія,
 кои въ изображеніи нравовъ, свойствен-
 ныхъ вѣку и странѣ зрителей согласо-
 вались съ заблуждающимъ ихъ вкусомъ,
 имѣли всегда одну судьбу, то есть послѣ
 великаго успѣха у своихъ современниковъ,
 умирали для потомства. Напротивъ та-
 кіе творцы драмъ, которые въ разсуж-
 деніи нравственнаго изящества управля-
 лись правильнымъ, и слѣдственно всеоб-
 щимъ вкусомъ, суть безсмертны, и

заслужили одобрение отъ всѣхъ просвѣщен-
ныхъ народовъ.

§. 216.

Ниодна способность наша не можетъ ^{Единство} въдругъ двумя предметами заниматьсѣ ^{предмета} съ ^{необходи-} равнымъ успѣхомъ. Они раздѣляя между ^{мо} собою ея силы, раздѣляютъ также, и по ^{во} сему ослабляютъ ея успѣхи. Слабѣе воз- ^{ис-} хищается зрѣніе, когда въ одно время ^{кусствахъ.} представляются ему двѣ равной степени красоты; слабѣе поражаетсѣ слухъ, когда въ одно время слышитъ два равно превосходныя произведенія музыки; слабѣе представляетъ себѣ умъ, когда двумя вдругъ развлекаетсѣ познаніями; но не- сравненно слабѣе чувствуетъ сердце, когда въ одно время дѣйствуютъ на него двѣ равныя нравственныя силы. Слѣдст- венно для произведенія сильнаго дѣйствія надъ чувстввами или надъ душею, непре- мѣнно нужно, чтобы занималъ ихъ одинъ токмо предметъ. Отъ того сіе единство предмета, основанное на естественномъ, всеобщемъ, неизмѣняемомъ качествѣ че- ловѣка, составляетъ одно изъ самыхъ главныхъ правилъ во всѣхъ подражаю- щихъ природѣ искусствахъ; отъ того, напримѣръ, живописецъ никогда не пред- ставитъ на одной каршинѣ двухъ лицъ

или двухъ произшествій, кои равно насъ занимающъ.

§. 217.

Возраженіе противъ сего. Но часто, скажутъ мнѣ, художникъ въ одномъ произведеніи своемъ помѣщаетъ много предметовъ; весьма часто сочинитель драмы, вводя разныя лица, изображаетъ разныя душевныя свойства (характеры). Справедливо; но въ семъ случаѣ обыкновенно изъ числа сихъ многихъ предметовъ есть одинъ главный, а прочіе помѣщены съ нимъ для того только, что они дѣйствуютъ къ большому изяществу онаго. Равнымъ образомъ въ драмѣ изъ числа разныхъ лицъ всегда есть одно главное, болѣе всѣхъ прочихъ привлекающее къ себѣ нашу душу; а другія, какъ бы помогающія ему въ семъ. Есть еще сильнѣе возраженіе противъ единства предмета.

Другое возраженіе противъ единства предмета. Оно состоитъ въ томъ, что есть драмы, въ коихъ или два лица съ разными душевными качествами, или двѣ разныя страсти въ одномъ лицѣ, такъ сильно и живо бывающъ изображены, что въ первомъ случаѣ каждое лице, а въ другомъ каждая страсть равномерное рождаютъ въ насъ соучастіе. Но сіи случаи въ самомъ дѣлѣ суть не ошщупленія ошъ единства предмета, но только вышшей степени искусство въ избраніи онаго; такія въ одной

драмъ два лица по большой части бывають прошивуположнаго свойства, а двѣ въ одномъ лицѣ спрости всегда противодѣйствующи; и сія прошивуположность, сіе противодѣйствіе составляетъ тогда главный предметъ драматическаго сочиненія.

§. 218.

Отъ сего происходитъ, что всѣ лучшіе древніе и новѣйшіе какъ наставники въ семъ родѣ стихотвореній, такъ и упражнявшіеся въ немъ съ безсмертными успѣхами, признають необходимымъ драматическимъ правиломъ единство дѣйствія. Оно состоитъ въ томъ, что всѣ составляющія дѣйствіе происшествія и обстоятельства, какъ части одна цѣлаго непосредственно или посредственно содѣйствуютъ къ главной онаго цѣли, то есть къ тому, чѣмъ оно совсѣмъ кончится. Единство дѣйствія еще явственнѣе есть отъ того, что во все продолженіе онаго мы видимъ одно главное лице, спремещающееся къ одному предположенному имъ намѣренію, и преодоубающее для сего всѣ препятствія такъ, что все внушаетъ зрителю особливую нѣкоторую привязанность къ сему лицу и весьма нетерпѣливое желаніе знать, чѣмъ кончится его судьба въ разсужденіи его намѣренія. Къ

О единствѣ драматическаго дѣйствія.

*

сему можно присовокупить то, что было
говорено о семъ въ правилахъ о эпопеѣ.

§. 219.

О единств-
въ време-
ни.

Итакъ единство драматическаго дѣй-
ствія какъ бы прилѣпляеть душу зри-
теля къ одному предмету; но сіе прилѣпле-
ніе пошчасъ ослабѣеть, даже пропадетъ,
когда чувства или воображеніе ясно уви-
дятъ, что все то, къ чему хомятъ ихъ
прилѣпить, есть не истинное, но под-
дѣланное. Для обольщенія въ семъ случаѣ
воображенія зрителя драматическое дѣй-
ствіе должно имѣть единство времени,
а для обольщенія чувствъ единство мѣ-
ста. Единство времени заключается въ
томъ, когда зрителю кажется, что пред-
ставляете ему дѣйствіе могло испол-
ниться во столько времени, сколько онъ
бываетъ въ театрѣ. Впрочемъ единство
сіе въ драмахъ бываетъ двоякаго рода,
истинное и мнимое. Первое состоитъ въ
томъ, когда дѣйствіе въ самой природѣ
вещей не требуетъ болѣе времени, какъ
сколько нужно онаго для его представле-
нія. При небольшомъ размысленіи видно,
сколь върояшнымъ покажется такое пред-
ставленіе воображенію зрителя. Но какъ
весьма трудно найти истинное или со-
ставить вымышленное дѣйствіе, которое
бы столь мало предполагало времени; то

предѣлы единства сего рода разпространены до такой степени, при которой воображеніе еще можетъ вѣрить, что дѣйствіе могло совершиться въ продолженіе времени, употребленнаго на его представленіе. Сіе единство времени есть уже мнимое; но и оно ограничено, и не можетъ заключать въ себѣ болѣе сушокъ, не лишась довѣрія зрителя. Иначе онъ скажетъ, возможно ли, чтобы прошло двѣ или нѣсколько ночей и столькоже дней между тѣмъ, какъ я два или три только часа нахожусь въ театрѣ? То же самое возражатъ мнѣ, скажетъ зритель, когда въ тѣже два или три часа представляютъ ему столько произшествій, что все то требуетъ продолженія времени не менѣе сушокъ. Дѣйствительно; но всѣ лучшіе стихотворцы отвращаютъ сіе затрудненіе тѣмъ, что они представляютъ на зрѣлищѣ такіа обстоятельства драматическаго дѣйствія, которыя въ самой вещи пребываютъ времени столько, сколько предполагаютъ ихъ представленіе; напротивъ то, что должно продолжаться долѣе, помѣщаютъ въ междудѣйствіяхъ, то есть когда занавѣсъ бываетъ опущенъ и играетъ музыка. О сихъ происходящихъ позади зрѣлища произшествіяхъ зритель только слышитъ въ слѣдующемъ дѣйствіи; и строго судя о томъ, могутъ ли

представляемая на зрѣлищѣ произшествія совершилась во столько времени, сколько продолжается ихъ представленіе, почти совсѣмъ не занимается тѣмъ, до- снапочно ли время междудѣйствія для тѣхъ произшествій, которыя произво- дятъ въ впечатленіе онаго,

§. 220.

О единст-
вѣ мѣста.

Такимъ образомъ соблюденное един- ство времени естественно пребудетъ и единства мѣста. Ибо въ толь краткое время можешь ли дѣйствующее лице быть и въ Петербургѣ и въ Москвѣ? Такая скоропостижная, и слѣдственно неесте- ственная перемена мѣста тѣмъ скорѣе разстроитъ очарованіе зрителя, переменяющаго вмѣстѣ съ дѣйствующимъ ли- цемъ мѣсто, что въ семъ случаѣ бываетъ судією не воображеніе, но глазъ его, ко- торый труднѣе обольститъ, нежели оное, и который тотчасъ видитъ сію несо- мѣстность по переменѣ декораций. Есть- лижъ ихъ не переменяешь, то часто со- держаніе дѣйствія не будетъ соотвѣт- ствовать мѣсту, и опять пропадетъ оча- рованіе зрителя. Впрочемъ частая пере- мѣна декораций, хотя бы представляла она и правдоподобную перемену мѣста, затмеваетъ воображеніе зрителя и от- нимаетъ у него часть обольщенія. Къ

поддержанію сего обольщенія способствуетъ мѣсто еще тогда, когда оно соотвѣтствуетъ состоянію дѣйствующихъ лицъ. Не грубая ли, на примѣръ, будетъ погрѣшность въ драмѣ, когда самъ Государь идетъ со всемъ своимъ совѣтомъ въ темницу допрашивать обыкновеннаго преступника? Всѣ сіи относящіяся къ единству мѣста обстоятельства шѣмъ болѣе затрудняютъ стихотворца, что по большой части весьма трудно бываетъ избрать истинное или составить вымышленное дѣйствіе такого свойства, чтобы всѣ принадлежащія къ нему произшествія могли случиться съ довольною вѣроятностію на таковомъ искусственномъ мѣстѣ. Древніе въ семъ случаѣ имѣли великое предъ нами преимущество; площади, на которыхъ у нихъ происходили всѣ общественныя дѣла, были обыкновеннымъ мѣстомъ предполагаемымъ въ ихъ представленіяхъ, а общенародныя зданія, коими были окружены ихъ площади, еще болѣе умножали удобство перемѣнать мѣста. Впрочемъ и нашихъ временъ драматическіе стихотворцы нѣсколько разпространили предѣлы единства мѣста. Они предполагаютъ въ немъ столько пространства, чтобы переходъ изъ одной его части въ другую казался возможнымъ воображенію зрителя, сличающаго сіе съ

продолженіемъ времени, и глазу примѣняющему сію переменну мѣста къ дѣйствительной природѣ. Такимъ образомъ дворецъ и площадь, городская улица и лагерь за городомъ, оба берега рѣки, и проч. еще не разрушающъ единства драматическаго мѣста.

§ 221.

О разпро-
с ш р а н е-
н ии драма-
тическаго
дѣйствія.

Драматическое дѣйствіе сверхъ показанныхъ совершенствъ должно еще съ особливимъ искусствомъ быть обработано и сіе искусство заключается всего болѣе въ изобрѣшеніи и размѣщеніи обстоятельствъ или частныхъ дѣйствій, изъ коихъ должно состоять главное; и въ совершенномъ изображеніи нравовъ (характеровъ) дѣйствующихъ лицъ. Стихотворецъ, умѣвъ съ начала драмы произвести въ зрителѣ привязанность къ ея Герою, то есть заставивъ желать оному опъ всего сердца успѣха, или неудачи, смотря по качеству его предпріятія; потомъ все дѣйствіе составляетъ изъ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ главное дѣйствующее лице безпрестанно борется съ возстающими противъ его намеренія препятствіями, употребляя всѣ способы къ ихъ преодолѣнію, напрягая всѣ возможныя силы, пользуясь иногда хитростію, часто подвергая себя опасно-

спямъ, и проч. Сн препятствія называ- **О** и хъ
 ются узломъ, а мѣры приняшыя къ ихъ **узлѣ и раз-**
 уничтоженію, и всѣ вмѣстѣ полагающія **вязкѣ.**
 конецъ дѣйствию, развязкою. Какъ объ уз-
 лѣ и развязкѣ въ драмахъ нужно знашь
 почти все то же, что о семъ было гово-
 рено выше въ правилахъ эпического спи-
 хотворенія; то здѣсь я только напомню
 о томъ крашко, присовокупивъ, что дра-
 ма съ сей стороны имѣетъ ей особенно
 свойственное.

§. 222.

Во первыхъ достоинства узла въ **О** досто-
 семъ случаѣ суть слѣдующія: первое, что **инства хъ**
 составляетъ его обстоятельство или **драма пи-**
 частныхъ дѣствий должно быть столько, **ческаго**
 сколько качество главнаго дѣствія какъ **узла вооб-**
 бы само предназначаетъ, и сколько сооб- **ще, и осо-**
 разнo сему признаетъ ихъ нужными бла- **бенно о**
 горазумный сочинитель, наблюдая стро- **надлежа-**
 го, чтобъ ихъ не было менѣ того, сколь- **щемъ чи-**
 ко необходимо для приведенія къ совер- **слѣ об-**
 шенному окончанію дѣствія, и не болѣ **сщ о н-**
 сей надобности, исключаящей такіа изъ **тельствъ,**
 нихъ, безъ коихъ дѣствіе можетъ до- **оний со-**
 стигнуть тогоже окончанія. Впрочемъ **ставля ю-**
 вообще когда сихъ обстоятельствъ бы- **щ ихъ.**
 ваетъ очень много, хотл бы онѣ и всѣ
 были нужны, зришель недоволенъ шѣмъ,
 что онѣ съ шрудомъ можетъ вообразить

и соединишь ихъ въ своихъ мысляхъ; а сіе весьма много ослабляетъ его соучастіе. Напротивъ сего когда ихъ будетъ очень мало, хотя бы ихъ и достапочно было для окончанія дѣйствія; но драма не имѣетъ шого разнообразія происшествій, которое душу зришеля поминутно приводитъ въ новое положеніе, возбуждая въ ней разнаго рода чувствованія.

§. 223.

Объ отно-
шеніи уз-
ла къ гла-
вному дѣй-
ствію.

Сверхъ шого составляющія узелъ про-
изшествія должны производиться отъ гла-
внаго дѣйствія подобно тому, какъ въш-
ви отъ корня, такъ, что хотя съ начала
дѣйствія мы не можемъ ихъ предвидѣть,
но когда онѣ объяснятся; то явственно
откроется, что онѣ суть не что иное,
какъ существенныя онаго части. Но еще
болѣе ихъ отношеніе къ главному дѣйствію
заключается въ томъ, что каждое
изъ нихъ, даже тѣ, кои съ начала кажутся
побочными или вставочными (episodes)
приготовляють по окончаніе драмы,
какое видитъ зришель, то есть, что та-
кое окончаніе есть естественное слѣд-
ствіе оныхъ. Между тѣмъ какъ всякая
драма гораздо меньшее имѣетъ простран-
ство, нежели эпопея, и при томъ зани-
маешь вдругъ и воображеніе и взоръ зри-
теля; по составляющія узелъ обстоя-
тельствъ.

О взаим-
ной связи
обстоя-
тельствъ,
составля-
ющихъ уз-
елъ.

тельства для облегченія его вниманія должны имѣть ходъ, то есть происхожденіе одного изъ нихъ отъ другаго самое явственнее и каждое менѣе, нежели въ апопексѣ, должно быть разпространено. Наконецъ поелику соучастіе зрителя дѣлается слабѣе, когда возбуждаемая въ немъ чувствованія будутъ хошя различнаго свойства, но одной степени въ разсужденіи дѣйствія ихъ надъ душою; то для сего дѣлающія узелъ обстоятельства опчасу должны возрастать и дѣлаться важнѣе, то есть подвергать главное дѣйствующее лице большимъ затрудненіямъ, и большихъ требовать отъ него для ихъ преодоленія усилій, а чрезъ то тѣмъ болѣе раздражать привязанность зрителя къ оному.

§. 224.

Что касается до развязки, поелику **О** и с к у всѣ составляющія узелъ обстоятельства **снѣв** стнѣ всегда предполагаютъ одинъ источникъ, **хотворца** изъ коего онѣ произтекаютъ; то по сему **вѣ** р а ж с у ж д е н і и развязка такъ же состоять должна изъ **р** а з в я з к и. разныхъ способовъ и усилій, употребленныхъ главнымъ и другими дѣйствующими лицами для преодоленія тѣхъ препятствій, такъ, что каждая часть узла имѣетъ свою развязку, а всѣ вообще составляющіе главную, то есть каждая изъ оныхъ болѣе или менѣе, непосредственно или по-

средственно, но всегда способствуетъ къ тому, чѣмъ кончится все драматическое дѣйствіе. Частныя развязки должны слѣдовать каждая за своимъ узломъ, дабы зритель безпрестанно переходилъ то отъ страха къ надеждѣ, то обратно. Сверхъ того весьма приятна бываетъ развязка, особливо главная, когда зритель никакъ ее не могъ предвидѣть. До сего стихотворецъ достигаетъ тѣмъ, что ходъ узла располагаетъ такъ, чтобы дѣйствіе могло кончиться иначе, нежели какъ оно кончилось. Не взирая однако на сіе, развязка всегда должна быть естественна, то есть правдоподобнымъ слѣдствіемъ узла. Наконецъ и частная и главная развязка должна быть удовлетворительна для своего узла, такъ чтобы по окончаніи драмы зритель не остался въ неизвѣстности, чѣмъ каждый кончился узелъ, и какая послѣдовала съ каждымъ дѣйствующимъ, особливо главнымъ лицомъ судьба.

§. 225.

О источникахъ и зображенія узловъ и развязокъ. Нѣкоторые писатели полагаютъ два источника, изъ коихъ изобрѣтаются драматическіе узлы, то есть невѣденіе и слабость дѣйствующаго лица, а знаніе того, что ему доподлѣ было неизвѣстно, и перемену какимъ нибудь случаемъ его слабости въ могущество, признаютъ ве-

сьма естественными способами къ составленію развязки. Надобно сказать, что затруднительное и даже тяжкое иногда положеніе дѣйствующаго лица, производящее отъ незнанія имъ того, что извѣстно зрителю, весьма прогааетъ сего послѣдняго; и что слѣдующее потомъ успокоеніе дѣйствующаго онаго лица, когда узнаетъ то, чего прежде не знало, составляетъ дѣйствительно весьма естественную развязку. Но есть примѣры, что искусство употребляетъ иногда и другіе способы къ составленію узла и развязки въ драмахъ, и болѣе всего правдоподобные случаи, производящіе отъ любовной сра- Объ узлѣ
основан-
номъ на
любви.

сти. Нѣкоторые Пиншы возстаютъ противъ сего сдѣлавшагося почти общимъ источникомъ узла въ драмахъ; но нѣтъ страсти, которая была бы свойственнѣе человѣку, и при томъ столь изобильна и разнообразна въ своихъ послѣдствіяхъ, слѣдовательно способнѣе къ раздраженію почти во всякомъ зрителѣ соучастія, и плодовище для стихотворческаго изобрѣшенія.

§. 226.

Послѣдній и самый важный предметъ О дѣйстви-
ствующихъ
лицахъ.
изобрѣшенія драматическаго Стихотворца есть дѣйствующія лица. Отъ искуснаго ихъ изобрѣшенія и изображенія зави-

сятъ два главныя , несовершенства драмы: сіе какъ бы довершаетъ обольщеніе зрителя, и въ тоже время служитъ самымъ лучшимъ способомъ сдѣлать сіе сочиненіе поучительнымъ, съ одной стороны столь живо представляя дѣйствующія лица, что онѣ зрителю кажутся дѣйствительными, а съ другой дѣлая нравы ихъ столь явственными и разительными образцами или добродѣтели, или порока, что чрезъ сіе нечувствительно можетъ внушить ему страстное желаніе въ первомъ случаѣ подражать, а въ другомъ удаляться сихъ примѣровъ. Я имѣлъ уже случай показать все, чего требуетъ стихотворческое искусство, дабы созидать и изображать дѣйствующія лица такъ, чтобъ онѣ могли удовлетворить двумъ показаннымъ предположеніямъ ихъ. Драма при весьма небольшомъ соображеніи съ качествами шапра можетъ въ семъ случаѣ руководствоваться тѣми же самыми правилами.

§. 227.

О частяхъ
и разположеніи драмы.

Драматическое стихотвореніе имѣетъ свои части и свои правила разположенія. Какъ главное, служащее содержаніемъ онаго дѣйствіе состоитъ изъ нѣсколькихъ частныхъ, по стихотворецъ изъ одного или нѣсколькихъ сего послѣдняго рода дѣйствій, которыя составляютъ явственно отъ

дѣльную часть главнаго, дѣлаетъ особливую часть драмы, оканчивая оную по большой части на томъ, что должно произойти позади зрѣлища, и чего не зная зритель, не можетъ понимать продолженія драмы. Сии ея части обыкновенно называются дѣйствіями. Онѣ должны слѣдовать одно за другимъ, какъ само собою явствуетъ, сообразно ходу и печенію главнаго дѣйствія, и послѣдующее служитъ продолженіемъ онаго, но такъ, что каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ исполненіе какого нибудь предпріятія, которое въ прочемъ есть не что иное, какъ часть главнаго дѣйствія, и слѣдственно имѣетъ свое начало, средину и конецъ. А изъ сего слѣдуетъ, что въ каждомъ дѣйствіи бывають на зрѣлищѣ шѣ токмо дѣйствующія лица, безъ участія коихъ оно не можетъ совершиться, и сколько разъ на немъ являються, сколько разъ онѣ для сего бывають нужны. Отъ чего происходитъ, что въ иномъ дѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ совсѣмъ не бываетъ на зрѣлищѣ. Горацій въ наукѣ о стихотворствѣ полагаетъ, что драма непременно должна содержать въ себѣ пять такихъ дѣйствій *)), и большая часть лучшихъ драматиче-

*) Neve minor, neve sit quinto productioni actu.

Fabula.

скихъ стихотворцевъ слѣдуютъ сему правилу, особливо въ трагедіяхъ. Но нѣкоторые наставники сего искусства думаютъ, что число дѣйствій въ драмѣ есть такъже произвольно, какъ и число явленій въ каждомъ дѣйстви. Есть даже прекрасныя драмы, состоящія изъ трехъ или одного дѣйствія; но нѣтъ такихъ, въ которыхъ было бы ихъ болѣе пяти. По моему мнѣнію опъ богатства или скудости впервыхъ содержанія драмы, а во вторыхъ сочинителя воображенія зависитъ, чшобъ она состояла или изъ пяти дѣйствій, не имѣя при томъ нигдѣ пустыхъ и надутыхъ разпространеній, или изъ трехъ, даже изъ одного, (разумѣя послѣдній случай о комедіяхъ и операхъ), не опустивъ ничего, что можетъ сообщить дѣйствию, особое изящество и силу.

§. 228.

О первомъ дѣйстви.

Каждое дѣйствіе драмы имѣетъ содержаніемъ всегда опредѣленную часть содержанія всей драмы, и слѣдственно свои достоинства и правила. Первое служитъ какъ бы вступленіемъ или введеніемъ зрителя въ драму, опъ чего оно у древнихъ и называлось *protasis*. Въ немъ стихотворецъ, такъ сказать, знакомитъ его съ содержаніемъ представленія и съ имѣющими

дѣйствовать лицами такъ, что по окончаніи онаго зришель уже знаетъ предпріятіе, которое будетъ занимать всѣ дѣйствующія лица; знаетъ обстоятельства, изъ коихъ оно родилося; знаетъ, кто и какъ будетъ дѣйствовать, и даже можешъ впрочемъ весьма темно и недостаточно, предвидѣль послѣдствія. Изложеніе предпріятія бываетъ совсѣмъ, иначе нежели въ эпопеи. Драма начинается не потчасъ самымъ предпріятіемъ, но такимъ относящимся къ нему обстоятельствомъ, которое уже есть послѣдствіе сдѣланнаго предпріятія, и пошому предполагаетъ, что зрителю оно уже извѣстно, хотя сей тогда еще не знаетъ объ ономъ. Онъ узнаетъ его уже послѣ, и притомъ заключая о немъ изъ рѣчей и повѣствованій дѣйствующихъ лицъ въ первыхъ явленіяхъ. Въ сихъ такъже явленіяхъ оныя лица между разговоромъ открываютъ ему всѣ предшествовавшія предпріятію обстоятельства; служившія источникомъ онаго, а изъ всего вообще сего дѣйствія онъ заключаетъ о разныхъ способахъ, какими можешъ ийти все дѣло, но такъ, что не можешъ ниодинъ изъ нихъ почестъся за достоверный. Что касается до свѣденія о дѣйствующихъ лицахъ; то тѣ изъ нихъ, которыя въ первомъ дѣйствіи являются на зрѣлищѣ, самымъ дѣйствованіемъ сво-

Въ немъ объясняется содержаніе драмы.

Дается понятіе о дѣйствующихъ лицахъ.

имъ дають зришелью понятіе не только о себѣ, шо есть о своемъ состояніи, нравѣ и о томъ родѣ участія, какой каждое изъ нихъ будетъ имѣшь въ драмѣ, но и о тѣхъ, кои явятся на зрѣлищѣ не прежде, какъ во второмъ или третьемъ дѣйствіи, дабы зришель, когда они покажутся, зналъ уже, кшо они, и какое берутъ участіе въ дѣлѣ.

§. 229.

Овторомъ, третьемъ и четвертомъ дѣйствіи. Но какъ при всемъ томъ первое дѣйствіе мало откроетъ зришелью подробностейъ предпріянія, а еще менѣе ходъ и способъ продолженія главнаго дѣла; шо во второмъ уже болѣе все шо объясняется, однако такъ, что зришель, будучи удовлетворенъ въ разсужденіи прошедшихъ, оспяется въ сомнѣніи въ разсужденіи будущихъ произшествій, предугадывая только содержаніе третьяго, и далѣе дѣйствія. Сія неизвѣстность необходима для поддержанія его любопытства. Само собою явствуешь, что содержаніемъ втораго, третьяго и четвертаго дѣйствійъ бывають обстоятельство, составляющія узелъ и частныя ихъ развязки. Узелъ начавшійся, впрочемъ весьма непримѣтно, еще въ первомъ дѣйствіи, отчасу возрастаетъ, какъ сказано выше, въ трехъ

среднихъ дѣйствіяхъ, а въ четвертомъ доводитъ соучастіе зрителя до шоль чрезмѣрнаго раздраженія, что онъ горитъ отъ неперпбнїа узнать разрѣшеніе всего дѣла. На семъ основано весьма благоразумное замѣчаніе нѣкоторыхъ наставниковъ драматическаго искусства, что такіа части главнаго содержанія, которыя по правиламъ вкуса должны производиться позади зрѣлища, могутъ быть вмѣщаемы въ первыхъ шрехъ междодѣйствіяхъ, но не между четвертымъ и пятымъ дѣйствіями, если спїхотворецъ не хочетъ огорчить зрителя, неперпбливо желающаго скорѣе узнать главную всего развязку.

§. 230.

Чѣмъ болѣе онъ ожидаетъ ее, чѣмъ болѣе онъ бываетъ приготовленъ къ какому нибудь важному произшествію, которымъ должна кончиться драма, тѣмъ съ большимъ искусствомъ, силою и жаромъ должно быть составлено пятое дѣйствіе, тѣмъ болѣе должно оно успокоить душу зрителя, и успокоить при томъ вдругъ и непредвидѣннымъ отъ него образомъ: на семъ то основывается отличное достоинство драмы, когда развязка находится въ самомъ послѣднемъ явленіи.

*

§. 231.

О раздѣленіи дѣйствій на явленія.

Какъ всякое дѣйствіе драмы состоитъ изъ разныхъ происшествій и обстоятельствъ, кои большею частію пребываютъ того, чтобы ихъ производили, или по крайней мѣрѣ принимали въ нихъ нѣкоторое участіе, и были при томъ одни дѣйствующія лица; другія же совсѣмъ бы о томъ не знали, и по тому бы не находились при томъ; по неестественно въ продолженіе цѣлаго дѣйствія быть безпрестанно на зрѣлищѣ однимъ, коими паче всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ; но во время всякаго дѣйствія одни изъ нихъ приходятъ, а другія уходятъ со зрѣлища. Всякая часть дѣйствія представляемая одними дѣйствующими лицами, по есть начинающаяся приходомъ или уходомъ одного или нѣсколькихъ изъ нихъ, и продолжающаяся до такого же случая, называется явленіемъ.

§. 232.

О числѣ явленій и дѣйствующихъ лицъ

Число явленій въ каждомъ дѣйствіи, какъ уже сказано, а равно и число дѣйствующихъ лицъ въ каждомъ явленіи не опредѣляется, а именно явленій бываетъ столько, сколько содержаніе дѣйствія заключаетъ разныхъ выше изъясненныхъ обстоятельствъ, а дѣйствующихъ лицъ столько, сколько каждое изъ сихъ обстоятельствъ

будеть пребовашь производителей его. Отъ сего происходитъ, что иногда на зрѣлищѣ остаётся только одно дѣйствующее лице (разумѣя, когда шого шребуешь существо представленія); напротивъ сего въ послѣднемъ явленіи драмы являюшся почти всѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшія дѣйствующія лица, и сіе для шого, дабы зритель шѣмъ явственнѣе видѣлъ жребій каждаго.

§. 233.

Но самая важная будетъ сдѣлана про- О взаим-
шиву драматическихъ правилъ погрѣш- ной связи
ношь, естли въ продолженіе дѣйствія явленій.
зрѣлище остаётся нѣсколько времени
безъ дѣйствующихъ лицъ. Неприятно
такъже видѣшь, когда всѣ дѣйствовавшія
въ одномъ явленіи лица уходяшь со зрѣ-
лица въ одну сторону, а съ другой при-
ходяшь другія, которымъ надобно пред-
ставляшь слѣдующее явленіе; или когда
дѣйствующее лице уходитъ потому, что
ему не осталось ничего дѣлать на зрѣли-
щѣ, или чтобы не встрѣшиться съ дру-
гимъ, съ которымъ ему по шеченію об-
стоятельствъ шогда видѣться не должно.
И такъ главное съ сей стороны достоин-
ство явленій состоить въ томъ, когда
зритель при всякомъ приходѣ и уходѣ
дѣйствующихъ лицъ видитъ удовлетвори-
тельную шого причину, и находить ее не

столько въ правилахъ драматическаго искусства, сколько пѣ существъ, шо есть въ послѣдованіи обстоятельствъ представляемаго дѣла. При томъ достойно замѣчанія, что въ продолженіе всей драмы каждое дѣйствующее лице, особливо важнѣйшія изъ нихъ, въ лучшихъ драматическихъ швореніяхъ, ежели не много разъ, шо хотя однажды имѣетъ дѣло на зрѣлищѣ съ каждымъ другимъ дѣйствующимъ лицомъ.

§ 234.

Одраматическомъ слоѣ.

Остается нѣчто сказать о родѣ слова симъ стихошвореніямъ свойственнаго. Явствуетъ, что по причинѣ разнаго содержанія и разныхъ родовъ драмы оно должно бытъ весьма различно такъ, что ошъ рѣчи простолюдина самаго низкаго состоянія возходитъ до рѣчи вѣнценосцевъ. Не взирая на сіе разнообразіе, есть нѣкоторыя общія онаго качества, которыя заключаются подъ названіемъ разглагольственнаго слога. Въ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ мысляхъ и чувствованіяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ плавномъ или порывистомъ ихъ послѣдованіи одной за другою, видѣтъ образцы того, что ежедневно встрѣчается съ нами въ общежитіи, а въ рѣчахъ ихъ естественныя и непришворно ихъ занимающія отношенія другъ ко другу, сверхъ сего въ каждомъ движе-

ніи души, въ каждомъ выраженіи того словами усматривашь состояніе, возрастъ полъ, и проч. дѣйствующаго лица, такъ-же обычаи времени и страны его мѣсто-пребыванія, вотъ главныя и истинныя достоинства драматическаго слога.

§. 235.

Но монологъ (единоразглагольствіе), О монологъ.
то есть рѣчь произносимая дѣйствующимъ лицомъ, которое остается на зрѣлищѣ одно, имѣетъ еще нѣчто особенное. Какъ человекъ разговариваетъ самъ съ собою тогда только, когда онъ бываетъ или столько исполненъ живыми чувствованіями, что говоритъ какъ бы противъ воли, дабы облегчить себя отъ нихъ, или погруженъ въ такое важное о какомъ либо трудномъ обстоятельстве своей жизни размышленіе, что съ намѣреніемъ изображаетъ оное словами, дабы внимательнѣе вещи цѣль составляющихъ оное мыслей; то въ такихъ только случаяхъ употребляются и въ драмахъ монологи. Слѣдственно они должны имѣть возможное сходство съ изъясненными выше единоразглагольствіями. Въ нихъ дѣйствующее лице иногда предается возторгамъ тайной своей радости или печали, тайной надежды, или такого же отчаянія; иногда колеблется нерѣшимостію между двумя проши-

вными между собою страстями; иногда изобрѣшаетъ, иногда изъ нѣсколькихъ изобрѣженныхъ средствъ избираетъ одно для успѣшнѣйшаго произведенія какого либо дѣла и проч. А посему монологи весьма рѣдко могутъ быть длинны, и слогъ имѣть плавный и періодическій, Сверхъ сего сочинитель драмы посредствомъ ихъ не только даетъ ей болѣе сходства съ природою, но еще извѣщаетъ зрителей о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ долженъ знать, и кои должны оставаться до времени еще неизвѣстными другимъ дѣйствующимъ лицамъ,

§. 236.

О рѣчахъ, произносимыхъ въ сторону. Случается иногда, что во время самаго разговора между собою нѣсколькихъ лицъ бываетъ нѣкоторый родъ монолога, то есть когда одному изъ разглагольствующихъ лицъ надобно сказать что нибудь такое, чтобъ другіе не слышали; тогда онъ говоритъ сіе въ сторону. Безъ сомнѣнія необходимость заставляетъ драматическихъ стихотворцевъ прибѣгать къ сему роду весьма краткихъ монологовъ; но естественна ли, чтобы человекъ во время разговора съ другими говорилъ нѣчто про себя, а сіи шого не слышали, приходясь на то время или разбѣянными,

или занятыми чѣмъ нибудь другимъ, я отдаю сіе на судъ правильнаго вкуса.

§. 237.

Заключая симъ общія и главныя свойства драматическихъ стихотвореній, я намеренъ шеперь показашь главные оныхъ роды и каждого изъ нихъ существенныя (опличительныя) качества. Какъ всякая драма есть правдоподобное подражаніе человѣческой жизни, и какъ судя по воспитанію, познаніямъ, вкусу, занятіямъ и проч. примѣтны два рода жизни, очень во многомъ не только различные между собою, но даже одинъ другому противоположныя, а именно жизнь людеи высокаго и обыкновеннаго сословія, такъ что, и та и другая имѣетъ какъ бы собственно каждой изъ нихъ принадлежащія добродѣтели и пороки, слабости, предразсудки, страсти, несчастія и проч. а посему и въ той и въ другой есть вещи, которыя живо поражая, могутъ весьма сильно содѣйствовать къ счастливой переменѣ въ насъ порочныхъ склонностей, пристрастій, страстей, предубѣжденій и проч. по сей причинѣ драматическіе стихотворцы, присовокупивъ къ сему замѣчанію еще другое, то есть, что слабости, чрезмѣрныя страсти и несчастія великихъ людеи болѣе, нежели обык-

О естественныхъ и источникахъ различныхъ родовъ драматическихъ сочиненій.

новенныя, насѣ прогають; и что заблужденія и безразсудства часто приятнымъ образомъ насѣ забавляютъ; избирають предметомъ искусвеннаго подражанія своего шакія высокаго состоянія обстоятельсва, кои изшоргаютъ изъ насѣ слезы, или шакія, кои заставляютъ насѣ смѣяться. На семъ основаніи дра-

Драматическихъ сочиненій два главныя рода: трагедія и комедія. Трагедія раздѣляется на два главныхъ рода: когда она представляетъ намъ несчастныя случаи, бывающіе съ людьми высокаго званія, называется Трагедія; когда же изображаетъ смѣшныя произшествія, свойственныя людямъ обыкновеннаго состоянія, называется Комедія.

§. 238.

О происхожденіи и усовершенствованіи трагедіи. Начнемъ происхожденіемъ трагедіи, потому что симъ болѣе изъяснятся нѣкоторыя оной качества. Я уже сказалъ выше, что началомъ сапиры и трагедіи были имны въ честь Вакха, кои во время приношенія въ жершву сему божеству козла (Trágos) были пѣты присутствовавшимъ при томъ народомъ. Сперва весь имъ пѣли всѣ вмѣстѣ, и при томъ безъ всякихъ остановокъ отъ начала до конца а потомъ шакъ, что одну его часть пѣла одна часть народа, а другую другая, и при томъ нѣсколько разъ перемѣняя одна другую. Но какъ при

семь разнообразіи, которое безъ сомнѣнія было изобрѣшено для большаго удовольствія, сей обрядъ состоялъ единственно въ пѣніи, и пошому въ существѣ своемъ весьма мало измѣнялся; но Тесписъ ввелъ въ него одно дѣйствующее лице, которое между пѣніемъ сперва повѣствовало о дѣяніяхъ Вахха, а послѣ предлагало и о другихъ вещахъ. Сии монологи нѣсколько разъ прерывали пѣніе имна. Поющія лица названы тогда хоромъ, составлявшимъ послѣ у Грековъ нѣкоторую принадлежность трагедіи, и вошъ какъ сіе сдѣлалось: изобрѣшеніе Тесписа подадо мысль Есхилу не только вмѣсто одного дѣйствующаго лица ввести два, но и заставиль ихъ представлять какое нибудь ироическое дѣяніе, обработанное такъ, какъ сіе дѣлается въ эпопеѣ такъ, что по сему его разположенію уже хоръ спалъ служиль къ раздѣленію на части дѣйствія, то есть стали пѣть во время междудѣйствій вмѣсто того, что прежде рѣчь дѣйствующаго лица раздѣлялась на части пѣніемъ. Отъ сего слабаго начала, сдѣланнаго Есхиломъ, послѣдовавшими за нимъ спихотворцами, особливо Софокломъ и Еврипидомъ, трагедія доведена до того совершенства, которому удивляемся въ трагедіяхъ древнихъ, и ея содержаніе ограничено такъ, что не всякаго рода спрасши, какія при-

личные эпопеи, признаны свойственными ей.

§. 239.

Отрагическомъ дѣйствіи.

Впрочемъ то, что болѣе всего оплачиваетъ ее какъ отъ эпопеи, такъ и отъ другихъ родовъ драмы, состоитъ въ особенныхъ качествахъ дѣйствія, служащаго ей содержаніемъ, и въ таковыхъ же обстоятельствахъ главнаго дѣйствующаго

Оно должно быть ироическое.

лица. Трагическое дѣйствіе, какъ я уже сказалъ, есть дѣйствіе ироическое, то есть свойственное только душѣ чрезвычайно возвышенной, и для предпріятія и исполненія коего обыкновенныя добродѣтели недостаточны; даже когда трагедія изображаетъ дѣйствіе порочное, то и порокъ сей бываетъ такъ же порокъ необыкновенной степени, означающей такую безбоязненность, такую непоколебимость души, какой самые порочнѣйшіе, коихъ мы знаемъ, не имѣютъ. Въ трагедіяхъ почитается еще ироическимъ такое дѣйствіе, которое касается цѣлаго народа, по крайней мѣрѣ цѣлаго общества, или хотя и одного лица, но со благомъ коего соединено общественное благо. Даже предпріятіе государственнаго человѣка, относящееся собственно къ его лицу, но напоминающее намъ о его высокомъ званіи, уже есть ироическое

дѣйствіе въ семь родѣ драматическаго сочиненія. На семь основаніи шакѣ называются мѣщанскія трагедіи, въ коихъ дѣйствующія лица бывають обыкновеннаго состоянія, справедливо не одобряются нѣкошорыми крипиками.

О трагедіяхъ шакѣ называются мѣщанскихъ.

§. 240.

Другое и важнѣйшее качество трагическаго дѣйствія есть то, чѣмъ оно способно было произвести въ зрителѣ до чрезвычайной степени страхъ или соболѣзнованіе: въ первомъ случаѣ представляя героя драмы въ великихъ опасностяхъ, навлеченныхъ имъ на себя по большой части небольшими его прогрѣшностями и слабостями, а въ другомъ случаѣ изображая его подверженнымъ чрезвычайному несчастію отъ podobныхъ причинъ. Сіи спрасити чрезмѣрно раздражаютъ самолюбіе наше, (ибо мы тогда судимъ, что все то можетъ случиться съ нами, что случается съ другими *), и внушая намъ ужасъ къ порону, даютъ совсѣмъ другое, нежели какое мы имѣемъ, понятіе о самыхъ человѣческихъ слабостяхъ, то есть, что они бывають иногда источникомъ великихъ не-

Трагическое дѣйствіе должно наводить страхъ или соболѣзнованіе.

*) Homo sum, nihil humani alienum a me esse puto.

Terentius.

счастій, а тѣмъ самимъ предоостерегающѣ насъ отъ подобныхъ поступковъ и случаевъ. Вотъ, съ какой стороны заслуживаютъ одобрение и тѣ прагедіи, въ коихъ добродѣтель или невинность, впрочемъ и та и другая не безъ погрѣшностей и слабости, бывающѣ жершвою наглоспи порока.

§. 241.

О качествѣ
главнаго
дѣйствующаго
лица.

И такъ Герой прагедіи долженъ бороться съ необыкновенными опасностями или несчастіями, но такими, копорыхъ бы онъ не заслуживалъ, то естѣ коихъ причиною были бы небольшія его слабости, проникнушія въ самое добродѣтельное сердце; или и важные пороки, но въ кои онъ вовлеченъ не навыкомъ къ нимъ, не склонностію душевною, а спеченіемъ обстоятельствъ, чрезмѣрною силою спраспи, и какииъ нибудь непредвидѣннымъ случаемъ. Иначе онъ или какъ существо безпорочное, будучи такоого естества, которое не дано человѣку; или какъ существо дѣйствительно порочное, и по тому не заслуживающее состраданія, не можешъ насъ пронушь. Древніе въ семъ случаѣ дѣлаи источникомъ несчастій главнаго дѣйствующаго лица власть и судьбы боговъ; но сей оборотъ прагического искусства кромѣ того, что нынѣ

не можетъ быть върояннымъ, дѣлаетъ драму гораздо менѣ поучительною, представляя случаи, опъ коихъ по большой части никакая человѣческая сила осперечься не можетъ. Когда же героемъ драмы бываетъ необыкновенно порочный человѣкъ, тогда показанныя качества предполагаются въ другомъ дѣйствующемъ лицѣ, и трагедія тѣмъ поразительнѣе бываетъ, что зритель какъ бы однимъ взглядомъ видитъ въ ней и бѣдствія, преслѣдующія слабость свойственную человеку, и неистовство порока.

§. 242.

Изъ сихъ замѣчаній слѣдуютъ другія, относящіяся до искусства трагика. Чтобы исполнить душу зрителя страхомъ и соболѣзнованіемъ, онъ изображаетъ съ возможною живостію опасности и несчастія героя драмы, показавъ предварительно всѣ его достоинства, и чрезъ то родивъ искреннюю и великую къ нему привязанность въ зрителѣ. Сверхъ сего возбуждаемая страсти должны съ ходомъ трагедіи возрастать, то есть опасности быть отчасу болѣе угрожающими, а несчастія отчасу болѣе большими, однако такъ, что бы между тѣмъ просіявалъ иногда нѣкоторый лучъ надежды, дабы чувствованіе зрителя сдѣлать нѣсколько разнообразнѣе. Наконецъ

О искусствѣ изображать опасности и несчастія главнаго дѣйствующаго лица.

главную развязку составляет всегда какое нибудь самое поразительное происшествіе, по большой части несчастное, а иногда состоящее и въ такой перемѣнѣ обстоятельствъ, которая вдругъ спасаетъ страждущее лице отъ всѣхъ несчастій, и которой притомъ всегда виновникомъ бываетъ самой высокой степени возвышенный духъ.

§. 243.

О трагедіяхъ съ хорамн. Остается еще нѣчто сказать о трагедіяхъ, кои бываютъ съ хорамн. У древнихъ они были обыкновеннѣе, нежели у нынѣшнихъ стихотворцевъ. Мы видѣли уже, что пѣніе имновъ въ честь Вакха было началомъ трагедіи. Сіи и другія показанныя выше обстоятельства заставили, кажется, изобрѣтателей ея почитать пѣніе существенною ей принадлежностію. Но со временемъ пѣже Греки почувствовавъ неосновательность сего правила, дали тому другой видъ. Поелику мѣстомъ ихъ драмъ предполагаемы были площади, гдѣ всегда находилось множество народа; то они сдѣлали необходимостію трагедіи, чтобы представляемаго въ ней дѣйствія были другіе свидѣтели, кои не какъ дѣйствующія лица, но какъ сторонніе зрители, принимали иногда участіе, особливо въ важныхъ обстоятельствахъ, и

оное изъясляли или рѣчью одного изъ нихъ, или общимъ ихъ пѣніемъ, прерывая даже пѣмъ представленіе дѣйствовашелей. Такимъ образомъ вводимое въ трагедію древними пѣніе свидѣтелей дѣйствія называлось хоромъ. Посему когда и нынѣшніе прагики вводятъ въ сіе стихотвореніе хоры; то поющія у нихъ лица предполагаются такъже по большей части свидѣтелями произходящаго дѣйствія, принимающими по временамъ нѣкоторое въ шомъ участіе, изображаемое ими посредствомъ пѣнія. Сіи хоры придають представленію нѣкоторое величество; но великаго пребуется искусства сдѣлать ихъ шоль правдоподобными, чшобъ они не могли разрушить оболщенія зрителя.]

§. 244.

Комедія, о коей слѣдуетъ говорить, О комедіи. основана на другомъ, нежели трагедія, качествѣ челоѳческаго сердца. Сію произвела чувствительность нашей души; страхъ и соболѣзнованіе суть ея орудіе, а любовь къ добродѣтели и ужасъ къ пороку составляютъ ея цѣль. Напротивъ О сущес- ственномъ ея источ- никѣ: сего комедія есть произведеніе нашей склонности смѣяться надъ глупостями о ея пред- метѣ: другихъ. Слѣдовательно представивъ ещесушвенно, остроумно и живо достойные осмѣянія поступки людей, забавишь насъ

на щетъ ихъ нравственности, есть ея орудіе. Не лучше ли, скажутъ мнѣ, было бы въ такихъ случаяхъ возбуждать въ насъ сожалѣніе о человѣческихъ слабостяхъ, нежели угождать сей легкомысленной и неблагонамѣренной склонности? Но стихотворцы, зная изъ опытовъ, коль счастливый имѣетъ у насъ усилъ все то, что льститъ нашимъ склонностямъ, стараются сіе самое по видимому извинительное угожденіе онымъ направить къ истинной пользѣ нашей. Осмѣивая предъ нами нелѣпые поступки другаго, нечувствительно въ шоже время обращаютъ наше размышленіе на себя самихъ; и внутренній стыдъ, который мы чувствуемъ, естьли что нибудь подобное находимъ въ себѣ, бываетъ сильнымъ побужденіемъ къ нашему исправленію. Вотъ цѣль, которую предполагаетъ себѣ комедія.

§. 245.

Комическое дѣйствіе бываетъ по роцное смѣшное. Итакъ содержаніемъ ея бываетъ дѣйствіе порочное, забавляющее насъ своею нелѣпностію. Искусный комикъ, какъ бы не видя въ немъ того, что заслуживаетъ наше или сожалѣніе, или отвращеніе, и наводитъ намъ страхъ, выискиваетъ и, сколько возможно, живѣе изображаетъ только то, что въ немъ есть

смѣшное, такъ что смѣшное всегда служитъ существенною основою комедіи. Напримѣръ лицемѣріе есть ненавистный и гнусный порокъ; но лицемѣръ въ комедіи долженъ заставитьъ насъ не ненавидѣть его, а смѣяться его безразсудству.

При семъ достойно замѣчанія, что драматическіе стихотворцы изображаютъ въ ней смѣшное и пороки разнымъ образомъ. Иногда вводятъ два лица, которые имѣютъ противные одинъ другому пороки, напримѣръ скупаго отца и мота сына; иногда одному лицу приписываютъ слабость противоположную слабости, которую имѣетъ другое, напримѣръ представляютъ самовластную жену и слабодушнаго мужа; иногда пороку одного лица противоположаютъ добродѣтель другаго, напримѣръ заставляя чувствительнаго человѣка дѣйствовать вмѣстѣ съ жестокосердымъ.

О разныхъ способахъ изображать смѣшное въ комедіи.

§. 246.

Впрочемъ какъ во всѣхъ состояніяхъ человѣка, то есть высокомъ, среднемъ и низкомъ бываютъ достойныя осмѣянія поступки; то на семъ основаніи и комедія раздѣляется на три рода, на высокій, средній и низкій. Но поелику люди высокаго звѣчія такіе поступки, естли они дѣлаютъ ихъ иногда, умѣютъ прикрывать разными видами мнимой

Содержаніе комедіи берется изъ всѣхъ состояній,

благопристойности; при томъ и въ сѣмъ случаѣ возбуждаютъ въ насъ болѣе нѣкоторый родъ сожалѣнія о нихъ, нежели разположеніе къ насмѣшкамъ; нелѣпнѣе же людей низкаго состоянія дѣянія по большей части бывающія смѣшаны съ такою грубостію нравовъ, или невѣжествомъ, что производящія болѣе отвращенія, нежели смѣхъ: то самое обыкновенное содержаніе комедіи почерпается изъ нравственности людей средственнаго состоянія, тѣмъ болѣе, что произтекающее изъ того насмѣвленіе бываетъ полезно гораздо большому числу зрителей.

§. 247.

Комикъ А посему какъ для изобрѣшенія, такъ, долженъ и еще болѣе, для живѣйшаго изображенія составляющихъ оное обстоятельство всякаго состоянія. **Комикъ** долженъ весьма хорошо знать, что люди каждаго состоянія имѣютъ особенное и поразительное въ своей нравственности, знаютъ ихъ мысли, желанія, виды и проч. Слѣдственно чѣмъ скрытнѣе бываетъ то, особливо у людей высокаго званія, тѣмъ менѣе приличествуетъ комическому высокому роду, еспли не было вникаемо весьма рачительно во нравы цѣль называемаго большаго свѣща.

§. 248.

Предположивъ смѣшное главнымъ и **Драмы или** существеннымъ комическаго дѣйствія ка- **комедіи** жесловомъ, должно согласиться съ пѣми **жалостныя** крипиками, кои не одобряютъ комедій, за- **суть** ключающихъ въ себѣ нѣсколько цѣлыхъ **произведе-** дѣйствій, или явленій жалостныхъ, и **ніа испор-** отъ того бывающихъ уродливымъ смѣ- **ченнаго** шеніемъ комическаго рода съ прагиче- **вкуса.** скимъ. Ихъ называютъ иногда драмами, иногда прагикокомедіями, иногда комедіями жалостными, сошвѣстственно Французскому названію *Comedie larmoyante* *).

§. 249.

Другое для комика весьма важное за- **Комиче-** мѣчаніе есть то, чтобы смѣшное въ коми- **ское смѣ-** ческомъ дѣйствіи было основано на томъ, **шное дол-** что прошивно общему и правильному, а **жно быть** не частному и временному вкусу. Ко- **противно** мики, кои осмѣиваютъ глупости своихъ **общему** соотчичей и современниковъ, прино- **вкусу.** сятъ истинную пользу своему опечесству и вѣку, даже имѣютъ великіе успѣхи въ приобрѣщеніи похвалъ, но съ другой стороны жертвуютъ славѣ, которую должны

*) Такую комедію весьма легко можно сдѣлать изъ всякой повѣсти, изъ всякаго романа, въ которыхъ узелъ и развязка уже готовы.

искать у потомства. И такъ комедія, въ которой сочинитель умѣлъ остро и естественно осмѣять пороки, извѣстный всѣмъ вѣкамъ и живущимъ въ тѣ времена переводится на разные языки, и представляется на зрѣлищѣ у всѣхъ имѣющихъ вкусъ народовъ.

§. 250.

Въ комедіи По изобрѣтеніи содержанія комедіи, **требуешь** стихотворецъ долженъ сверхъ того искусно **великая** все обработать. Первое на сей конецъ его **вбродно-** все спараніе должно быть о возможной вбро- **сшь** о япности всего, что входитъ въ ея **во** составъ. Изображая въ ней то, что вся- **во** кой ежедневно видитъ, онъ не долженъ **во** забывать, что во всякомъ случаѣ зри- **во** тель весьма удобно и скоро можетъ, **во** такъ сказать, справиться съ природою.

Достоин- И потому истинныя и существенныя до- **ства** стоинства комическихъ стихотвореній **во** комедіи, под- **во** сущъ простота узла, естественность **во** держиваю- **во** развязки, непритворность мыслей и чув- **во** щія вбро- **во** зованій, наблюденіе мѣстныхъ обычаевъ, **во** непринужденное теченіе разговора, лег- **во** кость изясненій, словомъ, искусство оча- **во** ровать зрителя такъ, чтобъ ему казало- **во** ся все то происходящимъ въ кругу об- **во** щества людей, а не на зрѣлищѣ.

§. 251.

Впрочемъ комикъ, стараясь о вѣро- О изоб-
 ятности, въ то же время долженъ по- раженіи
 мнить и о наставленіи зришеля. Для сего нравствен-
 избравъ предметомъ осмѣяшь какой либо честиъ.
 порокъ, и предназначивъ дѣйствующимъ
 лицамъ нравственныя качества, заспав-
 ляетъ каждое, особливо главное изъ нихъ
 мыслишь, чувствовашъ, желашъ, предпри-
 нимашъ, говоритъ, поступашъ шакъ, что
 во всемъ шомъ нравы и свойства каждаго
 видны весьма явственнно и во всемъ ихъ
 совершенствѣ. Однако неблагоразумно
 сдѣлалъ бы онъ, естлибы въ первомъ,
 или впоромъ дѣйствиіи изобразивъ въ пол-
 ной мѣрѣ нравъ дѣйствующаго, особливо
 перваго лица, далѣе не могъ уже ничего
 прибавить къ его совершенству. Тогда
 слѣдующія за первымъ и впорымъ дѣй-
 ствія были бы излишни и напрасны. Для
 сего въ лучшихъ комедіяхъ чѣмъ далѣе
 продолжается дѣйствіе, тѣмъ яснѣе дѣ-
 лается и возвышается наше понятіе о
 нравственныхъ качествахъ каждаго дѣй-
 ствующаго лица, и зришель не прежде
 получаешь полное о нихъ свѣденіе, какъ
 уже по окончаніи всей драмы.

§. 252.

По сей причинѣ справедливо не одоб- О комеді-
 ряются комедіи, коихъ главное достоин- ихъ, имѣю-

щихъ мно-ство состоитъ во множествѣ и запутан-
го узловѣ. ности обстоятельствъ, составляющихъ
узелъ (Les comedies d'intrigues.) Онѣ
пребуютъ сильнаго воображенія, и тѣмъ
приносятъ честь стихотворцу; но онѣ
емлютъ у него средство изобразить нра-
вы большей части дѣйствующихъ лицъ,
и отъ того бывають менѣе поучительны.

§ 253.

О оперѣ
вообще. Есть еще драмы, которыя какъ ни
кажутся неестественны, но чрезмѣр-
но намъ нравятся, служа нѣкоторымъ до-
казательствомъ того, коль сильно должны
были дѣйствовать надъ человекомъ сти-
хотворенія, когда ихъ соединяли съ му-
зыкою. Сія изобрѣтенная Италіянскими
стихотворцами позднѣйшихъ вѣковъ и
весьма обыкновенная въ наши времена
драма, извѣстная всѣмъ подъ именемъ
оперы, есть въ составѣ своемъ смѣшеніе
стихотворства драматическаго съ лири-
ческимъ, а главное оной отличительное
качество состоитъ въ томъ, что лири-
ческая ея часть всегда бываешь соединена
съ вокальною и инструментальною музы-
кою.

§. 254.

Правила
о т е р ѣ
проякѣ. Посему правила сего стихотворенія суть
прояки: одни касаются драматической,

другія лирической ея части, а прешви суть приспособленія къ музыкѣ. Опера естьли опдѣлать отъ нея все, что она имѣетъ лирическое, будетъ не что иное, какъ дѣйствительная драма. Ея содержаніемъ бываетъ дѣйствіе, состоящее изъ предпріятія, узла и развязки; а достоинства онаго суть такъже вѣроятность, поучительность, сообразность съ истиннымъ вкусомъ и всѣ три единства. Опера имѣетъ такъже главное и другія дѣйствующія съ нимъ лица, изображаетъ ихъ нравы и душевныя качества.

Правила
драматической
части
оперы.

§. 255.

Даже судя по содержанію и соспол-
нію дѣйствующихъ лицъ она бываетъ нѣ-
кошорый родъ иногда трагедіи, и называет-
ся тогда ироической, иногда родъ комедіи и
называется низкою, а иногда родъ жалоспной
драмы, о коей сказано выше. Но поелику
зритель занятъ бываетъ лирической ея
частью, особливо музыкою, гораздо болѣе,
нежели драматической; то стихотворецъ
такъ обрабатываетъ сію часть, чтобъ она не
требовала отъ зрителя большаго напря-
женія вниманія. Изложеніе предпріятія
и предшествующихъ оному обстоя-
тельствъ бываетъ сколько возможно
вянпнѣе, узелъ легкой и явственныи, раз-
вязка простая и самая естественная, со-

Опера бы-
ваетъ или
ироиче-
ская, или
низкая.

Продолже-
ніе пра-
вилъ дра-
матиче-
ской части
оперы.

составляющія же дѣйствіе обстоятельства рождаются одно отъ другаго какъ бы сами собою, а для изображенія нравовъ дѣйствующихъ лицъ ненужно великое искусство.

§. 256.

Поучительно ли опера, скажутъ мнѣ, будетъ поучительна? Гдѣ нѣ наставленія нравовъ, которыя составляютъ главную пользу опера больше отъ драматическихъ стихотвореній? За мѣчательный зритель всегда ихъ найдетъ въ лирической части; въ ней увидитъ онъ живое изображеніе нравовъ, спростей, пороковъ, слабостей и проч. и тѣмъ больше будетъ пораженъ сими картинами что онъ писаны съ жаромъ, свойственнымъ лирику, а особливо ежели присовокупится къ нему еще музыка, сей по словамъ Вольтера волшебный языкъ, который проникаетъ въ сердце гораздо глубже, нежели рѣчь самаго краснорѣчиваго челоука.

§. 357.

Драматическая часть должна бытъ приспособлена къ лирической. Слѣдовательно сочинитель опера съ такимъ искусствомъ долженъ составить драматическую оной часть, чтобы она была изобильнымъ и естественнымъ источникомъ лирической части, чтобы почти каждое обстоятельство дѣйствія, почти

каждое положеніе дѣйствующаго лица возбуждали въ немъ страсти, по крайней мѣрѣ живыя чувствованія, и при помѣши тихія и нѣжныя, по кипящія и вочмущающія душу. Естественна ли, опять скажутъ мнѣ, чтобы человекъ высокаго званія или обыкновенный, но находящійся въ несчастномъ, или угнѣтающемъ его положеніи, изображалъ состояніе своей души пѣніемъ. Три вещи дѣлаютъ въ нѣкоторой степени вѣроятнымъ сіе искусство, дѣйствительно вышедшее уже за границы подражанія природѣ: во первыхъ наша къ сему привычка; во вторыхъ, что стихотворецъ нечувствительно приготавлиетъ къ тому насъ въ драматической части; а въ третьихъ, что въ семъ случаѣ недостатокъ естественности замѣняется приятностію обольщенія; ибо музыка въ оперѣ есть почти то же, что чудесное въ эпической поэмѣ.

Возраженіе противъ естественности оперы.

Отвѣтъ на оное.

§. 258.

Изъ показанныхъ о драматической части оперы замѣчаній явствуютъ нѣкоторыя качества и лирической части. Дѣйствующее лице, будучи необыкновенно поражено обстоятельствами, въ какихъ оно находится въ драматическомъ дѣйствіи, крашко и сильно изображаетъ какъ сіи

О лирической оперѣ. Ея мѣсто въ оперѣ, ея содержаніе и разныя виды.

обстоятельства, какъ и произведенныя оными въ его сердца чувствованія; отъ чего его рѣчь состоитъ изъ такихъ выражений, что почти въ каждомъ изъ нихъ говоритъ сердце. Впрочемъ когда въ ней только одно дѣйствующее лице изображаетъ посредствомъ пѣнія страстное состояніе своей души, то она называется арією; когда сіе дѣлаютъ два вдругъ лица, дуешомъ; когда три, терсешомъ; когда четыре, кваршешомъ; а когда число ихъ бываетъ больше сего, то хоромъ.

§. 259.

Объ арі-
яхъ.

Арія весьма много имѣетъ сходства съ изъясненнымъ выше драматическимъ монологомъ. Въ трагедіи или комедіи дѣйствующее лице въ монологѣ изображаетъ словомъ тайныя, но живыя свои чувствованія, коихъ оно скрываетъ въ себѣ болѣе не можетъ; въ оперѣ оно дѣлаетъ то же, уношребляя только для сего пѣніе. Дуешъ, терсешъ и кваршешъ суть такъ же подражанія природѣ. Когда два, три, или четыре человека разговариваютъ о такомъ дѣлѣ, которое для нихъ всѣхъ важно, случается, что во время ихъ занятія симъ раждающся вдругъ въ нихъ сильныя движенія души, то есть или во всѣхъ одно, когда они всѣ одну имѣютъ цѣль, или

О дуешъ,
терцешъ и
кваршешъ.

разныя и нерѣдко противоположныя, когда ихъ цѣли и намѣренія бывають различны. Въ первомъ случаѣ ихъ рѣчи сливаются въ одну, а въ другомъ они говорятъ всякой свое, или всѣ вдругъ, не слушая одинъ другаго, или подобно бѣглому огню, одинъ шотчасъ послѣ другаго. Разность употребляемыхъ въ оперѣ дуетовъ, перцетовъ и кварцетовъ отъ показанныхъ случаевъ состоить только въ томъ, что въ ней сіе дѣлается посредствомъ пѣнія. Впрочемъ они такъ же имѣють свое мѣсто тамъ, гдѣ дѣйствіе возпламеняется, и дѣйствующія лица приходятъ въ страстное состояніе. Они такъ же бывають крапки, но рѣдки, и большею частію состоятъ изъ жаркихъ вопросовъ, такихъ же ошвѣтовъ, восклицаній, и проч. Хоры въ О хорахъ. оперѣ употребляются въ такихъ мѣстахъ, въ какихъ арии, дуеты, и проч. Они отличаются отъ сихъ только тѣмъ, что поющія въ нихъ лица представляютъ обыкновенно какое нибудь сообщество, пораженное однимъ какимъ либо чувствованіемъ, которое заставляетъ ихъ всѣхъ пѣть одно. Сіе послѣднее обстоятельство такъ же основано на томъ, что случается въ самомъ дѣлѣ, и тѣмъ болѣе дѣлаетъ ихъ вѣрояными, что множество голосовъ поющихъ одно, какъ бы соединяясь въ одинъ, производятъ рѣчь внят-

нью, напротивъ сего вдругъ говорящихъ людей весьма шумную, но невразумительную.

§. 260.

О приспособленіи лирической части оперы къ музыкѣ вообще. Показанныя доселѣ правила сочинитель оперы наблюдаетъ какъ стихотворецъ, подражающій изящной природѣ; но онъ долженъ еще такъ сказать согласоваться съ другимъ родомъ подражанія той же природѣ, то есть съ музыкою, для того, что въ семъ случаѣ отъ соотношенія между выраженіями его и выраженіями оной зависитъ большая часть успѣха. Сіе согласованіе пребудетъ отъ музыканта, чтобъ избранный имъ напѣвъ съ возможною внятностію изобразилъ родъ и степень чувствованія дѣйствующаго лица, такъ, что музыка, которая совершенно выражаетъ содержаніе одной арии, не можетъ по признанію самыхъ искусныхъ музыкантовъ быть употреблена для другой, развѣ сія будетъ заключать въ себѣ тоже самое.

§. 261.

Въ чемъ именно состоитъ сіе приспособленіе. Но чтобы сочинитель музыки могъ въ семъ случаѣ употребить все свое искусство, стихотворецъ обязанъ способ-

ствовать ему въ томъ съ своей стороны, шѣмъ болѣе, что первый въ великомъ будетъ затрудненіи, когда въ мысляхъ другаго или нѣтъ ничего, или весьма мало такого, что заслуживаетъ бышь хорошо выражено. Впрочемъ когда единозвучіе (monotonie) непріятно въ нашемъ словѣ, то шѣмъ болѣе въ музыкѣ. Для сего сочинитель оперы долженъ, сколько возможно чаще перемѣнять содержаніе аріи, дуэтовъ, и проч. Послѣ аріи изображающей тихое и нѣжное ощущение души должна слѣдовать другая, выражающая пылкое чувство, и проч. Части аріи, содержащія въ себѣ что нибудь томное и унылое, должны состоять изъ рѣчи длинной и протяжной; напрошивъ сего изображающія быстрое и живое движеніе сердца, изъ короткой и отрывистой. Мѣра самыхъ стиховъ въ разсужденіи словъ должна соотвѣтствовать качеству выражаемыхъ ими чувствованій, (и отъ сего-то стихи въ семъ случаѣ бывають по большей части неравны). Наконецъ искусное смѣшеніе между собою разнаго количества звуковъ и употребляемыхъ иногда звукоподражанія должны не только соотвѣтствовать содержанію, но при томъ бышь удобны для выраженія ихъ тонами музыки. Слѣдовательно сочинителю оперы весьма трудно успѣшь

во всемъ, что сказано, безъ нѣжнаго и разборчиваго слуха, безъ сильнаго воображенія, безъ великаго навыка пользоваться мягкостію и грубостію языка, и безъ знанія по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній музыки.

К О Н Е Ц Ъ.

